

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2014г.)**

**г. Воронеж
2014г.**

УДК 34(06)
ББК 67я43

Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2014. 117 с.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор Быкова Анастасия Геннадьевна (г.Омск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г.Казань), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (г.Николаев), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г.Санкт-Петербург), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент Павлова Арзулана Акрамовна (г.Якутск), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г.Саранск)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции» (г.Воронеж) представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

© ИЦРОН, 2014 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01).....	6
НИКОЛАЙ I И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ Тараборин Р.С.	6
ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ Титова Н.К.	9
ПОНИМАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ ПРАВА Чепус А.В.	11
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Борисова О.В., Дудникова А.Н.	13
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ТРЕТЬЕЙ ФУНКЦИИ» ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) Бажанов Н.Н.	17
ПРОБЛЕМЫ ОБЫЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ И ТЕРРИТОРИЯХ ОКЕАНИИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ Габрилян Р.Р.	19
ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ Матвеева Н.А.	21

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02).....

АБСЕНТЕИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ Атзитарова Р.Н., Аминов И.Р.	23
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСТАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Рахматуллина Р.Ф., Аминов И.Р.	26
КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА Кузнецов А.А., Новопашина Е.В.	28
О РЕЗЕРВАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Ларькина А.П.	30
ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО – ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ Курячая М.М., Воробьева Е.И.	32
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Трубицына Т.А.	34
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СООТНОШЕНИИ С МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМИ СТАНДАРТАМИ Кузнецов А.А., Новопашина Е.В.	36
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ Кудинов В.В.	37
ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РФ Фадеева В.А.	41
ПРИЗНАКИ ЕЖЕГОДНЫХ ОТЧЕТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ Галуева В.О.	44
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ СУДАМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АРБИТРАЖНЫМ СУДАМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОПТИМИЗАЦИИ Алисултанов В.С.	46
РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ БАНКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ Нуреева Э.М.	49

СЕКЦИЯ №3.**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)	51
ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭМБРИОНОВ Пестрикова А.А.	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА: РИСКИ И ОСОБЕННОСТИ Чумакова О.Н.	53
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В КАЧЕСТВЕ СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВ Томаев И.О.	55
НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ Кирикова А.А., Хмелевская Д.В., Торубарова К.В.	57
ОФОРМЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ Свидерская Л.В.	58
ПОНЯТИЕ ЗАЛОГОВОЙ СТОИМОСТИ. СООТНОШЕНИЕ РЫНОЧНОЙ И ЗАЛОГОВОЙ СТОИМОСТИ Тарасова Л.А.	60
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПЕРВООЧЕРЕДНОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИНВАЛИДАМ Балыков А.Н.	64
СОДЕРЖАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РЕКЛАМНОЙ СФЕРЕ Венгеровский Е.Л.	66

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)	68
---	-----------

СЕКЦИЯ №5.**ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)	68
---------------------------------------	-----------

СЕКЦИЯ №6.**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)	68
ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ Барина И.С.	68
ГЕНЕЗИС НОРМ О НАДРУГАТЕЛЬСТВЕ НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ Тертышников Е.М.	70
ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР Хромова Н.М.	72
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ» Боричев К.В., Павлик М.Ю.	75
КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА Николаев П.Д., Васильев Д.Н.	77
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 264 УК РФ, В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 25 ОТ 09.12.2008 Кусакин В.В., Латыпова Э.Ю.	79
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ И ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ Семикина М.С.	80
ПРЕСТУПНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ВИДЫ Романов А.К.	83

СЕКЦИЯ №7.**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)	86
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОРОСКОПИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ефимова Е.А., Картушина Д.В.	86
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО БОРЬБЕ С ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ Сусоров С.А.	87

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ МИРОВОГО СУДЬИ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ Шигурова Е.И.	90
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КАНДИДАТОМ В ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЕБЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ Шигуров А.В.	92
ПРИРОДА «ТИПИЧНЫХ» ОШИБОК И НАРУШЕНИЙ, ДОПУСКАЕМЫХ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО Назарова К.Н.	94
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ Мезенцев Р.А.	98
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ Ольцонов Э.В.	99
УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Бессонов А.А.	102
СЕКЦИЯ №8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)	104
СЕКЦИЯ №9. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)	104
СЕКЦИЯ №10. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)	105
АДМИНИСТРАТИВНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ Кулькина И.В., Торопчин Н.А.	105
ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЗЕРВИСТА ПРИ НАХОЖДЕНИИ В МОБИЛИЗАЦИОННОМ ЛЮДСКОМ РЕЗЕРВЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ Орловская А.И., Шурыгина Ю.А.	109
СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)	111
МЕСТО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ Кирикова А.А., Торубарова К.В., Хмелевская Д.В.	111
ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЯВКОЙ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ Ефимова Е.А., Картушина Д.В.	113
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	115

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)

НИКОЛАЙ I И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Тараборин Р.С.

Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.Екатеринбург

Трагические обстоятельства вступления Николая I на российский престол и его личные жизненные позиции, предопределили будущую политику императора, как направленную на сохранение общественной стабильности посредством твёрдой монархической власти.

В Манифесте «О совершении приговора над государственными преступниками», изданном 13 июля 1826 г., подчёркивалась непоколебимость существующего порядка «в государстве, где любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа; где есть отечественные законы и твердость в управлении», где «свыше усовершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления»[7, № 465].

Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «при охранительном направлении нового правительства нельзя было и думать о реформах не только государственного строя, но и гражданско-правового порядка. Однако неудобства, возникающие вследствие невозможности знать действующие законы, сказались настолько сильно, что и император Николай I счел необходимым обратить внимание на состояние законодательства»[12, с. 87].

Подобные «неудобства», наиболее непосредственно проявлявшиеся в правоприменительной практике, в конечном итоге опосредованно отражались на состоянии российской экономики, а значит, и на способности власти поддерживать на должном уровне имперский статус страны.

Общеполитический курс, принятый новым императором, диктовал вполне определённый подход к решению законодательных проблем. Позднее Николай I сам сформулировал суть такого подхода: «... недостаток результатов происходил, главнейше, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах ... из предложенных мне путей, я выбрал совершенно противоположный прежним. Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют»[2, с. 300].

При таком общем подходе обращение власти к использованию знаний и опыта в области систематизации законодательства, которыми обладал М.М. Сперанский, было, несмотря на предубеждения Николая I в отношении последнего, достаточно рациональным и оправданным действием.

М.М. Сперанскому было поручено изложить свои взгляды на возможные способы улучшения законодательства, и он в начале января 1826 г. представил императору два доклада: историческое обозрение деятельности комиссий составления законов, в котором были указаны все предпринимавшиеся правительством меры для исправления и приведения в порядок действовавших законов вместе с причинами, объясняющими безуспешность этих мер, и собственное мнение автора доклада по возможному способу осуществления окончательного составления законов.

По второму вопросу М.М. Сперанский предложил сначала собрать в хронологическом порядке всё существующее законодательство и на его основе затем составить своды законов: гражданских, уголовных, полиции и хозяйства. Создание уложений могло осуществиться только после этих работ, как их завершающая стадия. Сами уложения в представлении М.М. Сперанского должны были бы представлять «систематическое изложение законов по их предметам» и составлены таким образом, чтобы общие законы предшествовали частным и предшествующие законы всегда «приготовляли бы смысл и разумение последующих». Основанием уложения должен был становиться свод существующих законов. Пропуски и недостатки должны были восполняться «по сравнению с другими уложениями и с лучшими в сем роде сочинениями», все недостающие в своде законы были бы дополнены в уложении и охватывали как можно более случаев.

Николай I из двух возможных вариантов - «составить Уложение сводное или составить Уложение исправленное» - избрал составление свода законов без всяких изменений[4, с. 69-70]. Скорее всего, главную роль в этом выборе сыграли личные воззрения императора на роль права как юридического инструмента,

закрепляющего существующие в обществе отношения, обеспечивающего поддержание прежде установленного государственного порядка.

Но вряд ли будет справедливо считать, что предпочтение, отданное Своду законов, означало принципиальный отказ верховной власти от составления уложений.

Создание Свода являлось совершенно необходимым этапом, без прохождения которого невозможно было и полноценное Уложение. Сам М.М. Сперанский в это время полагал, что «Уложение без Свода есть умозрение без практики; Уложения не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»[5, с. 2].

О постоянстве его взглядов по этому вопросу свидетельствует, например, тот факт, что, когда работа над гражданской частью Свода законов приближалась к концу, то в докладе императору от 14 января 1828 г. он сообщал о принятии Свода законов гражданских за основу к составлению Гражданского уложения.

Первичное обращение к составлению Свода законов проистекало и из острой практической потребности государства и общества, поскольку такой свод «был единственным средством отвлечь особенные трудности в порядке суда и управления, в порядке усовершенствования законов и в порядке их изучения, проистекавшие из многосложности и раздробительности нашего законодательства»[8, с. 176].

В дореволюционной историографии высказывалась точка зрения, что «ни император Николай I, ни Сперанский никогда не отстраняли мысли о составлении Уложения, - напротив того, самый характер и порядок работ Сперанского определился под влиянием и стремлением составить Уложение»[3, с. 7].

Показательно, что когда в начале 1828 г. был завершён догматический Свод законов гражданских и последовало обращение к императору об основании специального комитета для его проверки, то в своём рескрипте Николай I счёл нужным определить работу над этим Сводом как должную «служить основанием к Уложению. Чем она будет полнее и точнее, тем и Уложение может быть совершеннее»[7, № 1983].

Мнение о том, что создание после Свода законов гражданских Гражданского уложения продолжало оставаться в поле зрения верховной власти, встречается и у современных авторов. Так, И.В. Ружицкая отмечает, что в 1833 г. после создания Свода законов лично Николай I указал на необходимость приступить к усовершенствованию и дополнению законов, и такая работа действительно велась, причём было не только создано Уложение о наказаниях, но и рассматривалась возможность подготовки гражданского кодекса или уложения, и некоторые шаги в этом направлении Вторым отделением Собственной Е.И.В. канцелярии предпринимались[9, с. 200-207].

Представляется, что, как в предпочтении, первоначально отданном императором Своду законов перед новым Уложением, так и в самом характере последующих работ по усовершенствованию законодательства, в ходе которых Уложение о наказаниях получило явный приоритет перед Гражданским уложением, отчётливо проявилась кардинальная черта всего политического курса Николая I, отмеченная в своё время А.А. Кизеветтером. По мнению историка, первым пунктом этого курса «было отрицание всякого рода общественной самостоятельности и инициативы и уже затем вторым номером ставилась подготовка социальных преобразований». В результате те или иные преобразования, необходимость которых императором осознавалась, превращались «в непрерывный бюрократический «бег на месте» ... в котором каждая сколько-нибудь жизнеспособная мысль всегда была обставлена коварными ограничительными оговорками, лишившими её всякого практического значения»[1, с. 420].

Исключения, приводившие к получению реальных результатов, тоже имели место, но почти всегда это было не в последнюю очередь связано с исполнителями монархической воли, их личной способностью преодолеть гнёт бюрократической рутины.

В конкретной ситуации 1826 года позиция, занятая Николаем I, предопределила содержание всей последующей работы по систематизации российского законодательства, порученной новому учреждению, созданному 31 января 1826 г. взамен распущенной Комиссии составления законов, - Второму отделению Собственной Е.И.В. канцелярии. В силу важности задачи составления Свода законов вновь образованное отделение император счёл нужным принять в своё непосредственное ведение.

Создание новой структуры было вполне оправданным шагом в силу тех общих проблем, которые выявились в работе всех предшествующих, в особенности последней, комиссий. В отличие от предшественников Второе отделение имело два важных достоинства: «... во-первых, непосредственная близость этого учреждения к представителю верховной власти обеспечивала ему успешное и быстрое устранение всех трудностей, возникавших на его пути; во-вторых, что еще важнее, этой мерой создавалось такое специальное учреждение, для которого сложное и кропотливое дело упорядочения законов становилось единственной, исключительной и притом постоянной функцией»[10, с. 235].

Начальником Второго отделения был назначен М.А. Балугьянский, но управление всеми текущими делами и доклады у государя были возложены на М.М. Сперанского, хотя никакого официального назначения он не получил.

В дореволюционной историографии последнее обстоятельство связывалось с недоверием, которое сохранялось к М.М. Сперанскому из-за его реформаторского прошлого. Поэтому и М.А. Балугьянский был назначен начальником в роли своего рода «контрольной инстанции по политическим соображениям», тем более, что при назначении император якобы сказал М.А. Балугьянскому, говоря о М.М. Сперанском: «Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810 году: ты у меня будешь за него в ответе»[2, с. 306].

Однако, современные исследователи, например, В.А. Томсинов, склонны видеть в распределении обязанностей во Втором отделении не столько недоверие императора, сколько его стремление оставить М.М. Сперанского «в тени», чтобы создать благоприятные условия для его работы, выведя из поля зрения негативно относившегося к М.М. Сперанскому «общественного мнения»[11, с. 336].

Первые три года существования Второго отделения все доклады подписывались М.А. Балугьянским, а М.М. Сперанский лишь представлял их императору. Но с апреля 1829 г. он сам стал вести переписку.

Сильной стороной работы II Отделения стал его состав, поскольку по сравнению с прежней комиссией его членами стали не только чистые чиновники, но и профессора и выпускники Царскосельского лицея и университетов.

В течение первых трёх месяцев после учреждения II Отделения М.М. Сперанский занимался составлением плана всей работы. Необходим был план каждой части будущего свода, в котором содержалось бы разграничение его предметов и деление на книги, разделы, главы и отделения. На основании этой подготовительной работы становилось возможным составить план общего разделения законов, определить перечень всех работ.

Прежде всего М.М. Сперанский постарался точно установить смысл, которым надлежало руководствоваться при составлении свода законов. В примечаниях к Предисловию в Полном собрании законов Российской империи содержится следующее определение: «Свод не есть ни собрание законов, ни выписка из оных на какой-либо предмет по порядку времени, как они состоялись, без различия их действия или отмены, без соображения и соглашения встречающихся между ними противоположностей. Свод по самому коренному смыслу, какой дан сему слову при самых первых начинаниях так называемого Сводного Уложения, означал не что иное, как самое Уложение, согласенное с Новоуказными Статьями. Он и ныне должен быть не что иное, как Уложение известной части Законов, приведенных в простой и удобный порядок, с отменой всего недействующего и с соглашением противоречий. Он различается от другого вида Уложения тем единственно, что в нем излагаются с точностью одни законы существующие, в истинном и полном их смысле, без исправлений их, дополнения или усовершенствования»[6, с. 16].

Таким образом, процесс систематизации законодательства, ведущий к созданию свода, должен был заключаться, во-первых, в отделении действующих законов от утративших силу, во-вторых, в разрешении возникающих между законами противоречий, что говорит о достаточно взвешенном, консервативном подходе Николая I к решению законодательных проблем.

Список литературы

1. Кизеветтер, А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича / А.А. Кизеветтер // Кизеветтер, А.А. Исторические очерки. – М.: Тип. А.А. Лесенсон, 1912. – С. 419-502. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 306.
2. Корф, М.А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. / М.А. Корф. – Изд. испр. – СПб.: Импер. Публ. б-ка, 1861. – Т. 2 (ч. 3, 4 и 5). – 388 с.
3. Нефедьев, Е.А. Причины и цели издания Полного Собрания Законов и Собрания Законов Российской Империи с точки зрения Сперанского / Е.А. Нефедьев. – Казань: Тип. Губ. правл., 1889. – 145 с.
4. Обзорение исторических сведений о своде законов. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – 204 с.
5. Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских графа М.М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1859. Кн. 2. С. 2 (далее - Объяснительная записка...).
6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. I-XL.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830-1861. – Т. I-XXXIV.

8. Рождественский, Н.Ф. Обзорение внешней истории русского законодательства / Н.Ф. Рождественский. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – 206 с.
9. Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И.В. Ружицкая. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 316 с.
10. Тельберг, Г.Г. Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 1. – С. 233-244.
11. Томсинов, В.А. Сперанский / В.А. Томсинов. – М.: Мол. гвардия, 2006. – 451 с.
12. Шершеневич, Г.Ф. История кодификации гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1898. – 128 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Титова Н.К.

Московский Государственный университет путей сообщения (МИИТ), г. Москва

В настоящее время происходит качественная перестройка мирового порядка и любое значимое событие в общественной, экономической, политической сфере в той или иной степени имеет отношение к проблематике гражданского общества. В силу сложившегося положения, существует необходимость взглянуть по новому на традиционные закономерности формирования гражданского общества, его принципы, ориентиры и приоритеты.

В настоящей статье уделяется внимание правовым ориентирам и приоритетам становления гражданского общества в России. Ученые в области права создают модели этого сложного социально-правового явления.

Надежность результатов и выводов исследования гражданского общества обусловлена концептуально-теоретической адекватностью модели, и это вполне объяснимо тем, что благодаря формализации и идентификации модели гражданского общества, получаемые оценки его состояния и развития становятся более определенными и измеримыми.¹

Одной из важнейших актуальных задач современной российской государственности является создание механизма, который будет эффективен при взаимодействии граждан, их объединений, ассоциаций некоммерческих организаций с органами государственной власти, органами местного управления. И будет высока степень участия членов гражданского общества в ходе подготовки государственных решений по вопросам политического, социально-экономического, культурного и иного характера. Решение этой задачи возможно с учетом разнообразных форм самоорганизации граждан, которые содержат в себе значительные резервы социального, экономического, культурного развития России. Гражданское общество соединяет в себе социальные группы и индивиды путем сложного переплетения частных интересов, возникающих и реализующихся в процессе социальной самоорганизации.²

Целесообразно выделить следующие принципы формирования гражданского общества, которые в полной мере отражают суть и содержание правовой политики по этому вопросу: 1) Обеспечение законных прав и свобод человека и гражданина как государственными, так и негосударственными способами; 2) демократический характер власти; 3) политическая демократия; 4) взаимная ответственность государства и личности при приоритете в их взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина; 5) экономическая свобода, многообразие форм собственности; 6) реально существующее правовое государство; 7) свобода и независимость СМИ; 8) определенный тип культуры, основанный на уважении частных прав и интересов, причем не только собственных, но и других людей; 9) независимое правосудие; 10) эффективная социальная политика; 11) обеспечение безопасности граждан, как основа всех остальных принципов.³

Долгосрочные цели, которые обозначены в данной статье как правовые приоритеты, есть направления социально-экономической политики и общественного развития страны, на достижение которых и ориентирована цель построения гражданского общества. Автор выделяет следующие:

- обеспечение достойных, здоровых и доступных условий развития гражданского общества в нашей стране;
- совершенствование существующих, разработка и внедрение новых моделей социального взаимодействия и партнерства в информационной сфере;

¹ Гриб В.В. Правовые проблемы институализации гражданского общества в России // История государства и права. 2010. №7. С.5

² Степаншин С.В., Двуреченский В.А., Чернавин Ю.А. Власть-демократия-контроль. М., 2005, С.26

³ Струсь К.А. Принципы правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 9

- формирование высокого уровня общественного самосознания, правосознания как бытового, так и профессионального, повышение степени общественного участия в делах;
- разработка и реализация механизмов и форм общественного участия в ходе осуществления государственной политике по всем сферам жизнедеятельности;
- создание новых и совершенствование имеющихся механизмов поддержки органами власти общественных организаций, объединений, ассоциаций в разработке ими частных проектов и программ;
- обеспечение условий для эффективной деятельности общественных организаций и объединений некоммерческого типа в системе гражданского общества, с целью использования их потенциала в принятии решений по социально важным вопросам;
- развитие института общественной экспертизы, консультации обществом на этапе подготовки и принятия решений органами государственной власти, в частности участие общественных институтов по вопросам инициирования законопроектов и их рассмотрения;
- необходимость совершенствовать механизмы предоставления грантов, конкурсные размещения государственного и муниципального заказов на предоставление социальных услуг различным организациям;
- выработка механизмов реализации положений отдельных нормативно-правовых актов, обеспечивающих активизацию деятельности общественных и других структур в ходе осуществления административной и социальной реформ;
- создание социальных технологий, моделей, которые призваны будут обеспечить эффективное партнерство органов государственной власти, органов местного самоуправления, всех равноправных субъектов гражданского общества в решении задач, касающихся общественного и социально-экономического развития;

Вопрос средств массовой информации, информационная сфера в целом необходимо затронуть в контексте данной статьи, так как Россия переходит к новому типу экономического развития, правовому государству, гражданскому обществу и как следствие растет потребность в информации.

СМИ играют важную роль в жизни общества, и, что характерно, не только как объект информационной политики, но и как её субъект. На сегодняшний день, любая сфера гражданского общества не предоставляется без средств информации. Несмотря на то, что включение СМИ в структуру гражданского общества является бесспорным, все же возникают уточнения, какие именно имеются ввиду СМИ? Государственные или независимые?⁴

С одной стороны, наблюдается явное желание граждан озвучить проблемные вопросы, которые игнорируются со стороны государства. С другой стороны, отсутствуют механизмы «реагирования». Бесспорно вопрос СМИ стоит открытым и в нашей стране, в условиях формирования гражданского общества и государственно-правовой системы, проблемные вопросы, относящиеся к средствам массовой информации, правовому регулированию их деятельности особенно актуальны и требуют обоснованного ответа.

Эффективное развитие общества и государства демократического характера, немыслимо без правовой активности граждан, проявления с их стороны инициативы. Любая демократия- это постоянная борьба граждан за свои права, за эффективную государственную власть».⁵ Необходимо отметить, что многое зависит именно от гражданской активности, инициативности поведения граждан в политико-правовой сфере. Не стоит забывать о постоянном, непрерывном повышении уровня юридической и политической культуры. Лишь только при выполнении данных условий можно достичь приоритета прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности.

При этом целесообразно выделить ключевые направления содействия развитию институтов гражданского общества и защиты прав человека в России и наметить конкретные мероприятия, направленные для претворения в жизнь государственной политике в данной сфере:

- контроль со стороны общества за деятельностью государственных органов по всем сферам жизнедеятельности;
- консолидировать усилия органов власти и органов местного самоуправления по улучшению качества жизни российского населения, достижения устойчивого развития гражданского общества и социальной стабильности;
- создать эффективную систему социальной защиты населения;
- сформировать качественное сотрудничество между органами власти и негосударственными объединениями, опираясь на принципы партнерства;

⁴ Суеликов С.А. Средства массовой информации- институт гражданского общества//Российский юридический журнал. 2007. №3. С.136

⁵ Затонский В.А. Правовая активность граждан как форма проявления правовой жизни// Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов. 2005. С. 367

- создать благоприятные условия для развития и действия институтов гражданского общества;
- сформировать максимально приближенную к действительности систему согласования интересов общества и государства;

Как можно увидеть, в России необходимо всесторонне реализовывать основной принцип демократического государства - обеспечение прав человека. В стране должны неукоснительно обеспечиваться свобода религии, слова, право на объединение, собрания.

Основными ориентирами представителей власти и гражданских партнеров должны быть высокие стандарты качества жизни в сфере социального обеспечения, образования, культуры, здравоохранения, организации труда и заработной платы, охраны окружающей среды.

ПОНИМАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ ПРАВА

Чепус А.В.

Юридический факультет им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г.Москва

Диапазон мнений, высказанных в правовой литературе относительно содержания понятия юридической ответственности, достаточно обширен, и достижения в разработке этой важной категории права значительны.

Понятие «ответственность» возникло достаточно давно и первоначально было связано не с нарушением юридических предписаний, а с нарушением норм устоявшихся обрядов. Еще у Гераклита данное понятие сведено к ответственности человека за выбор своего варианта поведения. Сократ определяет ответственность, как внутренние качества человека и как внешнее наложение воли всего общества на индивидуальную волю человека, т.е. воздаяние по заслугам.

Достаточно важными в античном понимании генезиса «ответственности» являются воззрения Софокла, который «показал крупный переворот в общественном сознании, следствием которого явились цивилизованные понятия ответственности и вины» [1, 370]. Согласно первой системе взглядов, ответственность состоит в том, что «человек ответственен за все, что с ним происходит, в конечном счете за свою судьбу», [1, 372] т.е. все действия и поступки людей приводят либо к позитивному, либо к негативному результату, независимо от их намерений. Вторая система взглядов на ответственность связывается «со свободой воли, сознательным выбором вариантов действия и намерений действующего субъекта» [1, 375]. То есть итогом сложившегося представления об ответственности как раз и становится понятие «вины», как правовой категории и её взаимосвязи с ответственностью.

Крупнейший английский материалист XVII века Томас Гоббс в своих трудах «Левиафан» и «О гражданине» считал основой благополучия и стабильности «общую ответственность сограждан, объединенных общественным договором, за действия своего государства» [2, 91]. В свою очередь Г. Гегель понимал ответственность, как разумное осознание личностью необходимости определенной линии поведения, при этом ответственность государства в большей степени раскрывается через исполнительную власть, реализуемую чиновниками управляющими государством на основании закона. Учении о морали Г. Гегель решает проблему «вины как основания ответственности индивида» [3, 359]. В свою очередь И. Кант ставит примат общечеловеческого над эгоистическими устремлениями, подчеркивая моральную ответственность индивида за происходящее в государстве, [4, 97] т.е. отождествляет ответственность человека с его долгом перед обществом, государством, миром. И. Кант развивает концепцию взаимной ответственности государства и личности, через которую и раскрывает сущность идеи правовой государственности в целях охраны индивидуальных прав личности. Понимание ответственности в теории И. Канта сводилось к долгу индивида перед обществом и государством.

Довольно часто в трудах известных мыслителей и политических деятелей, таких как Дж. Милль, М. Шлик, Ф. Бредли и других, ответственность, наступающая в виде наказания за совершенный поступок не связывалась с государством или его органами, а напрямую отождествлялась с индивидом. Так, понятие ответственности сводилось к наказанию за совершенное противоправное (запрещенное нормами закона) деяние, т.е. представляла собой некие неблагоприятные последствия, которые должен был претерпеть индивид как следствие своего недостойного поведения. Наступавшая социальная ответственность могла подразделяться на множество разных видов: политическую, правовую, моральную, имущественную, должностную, родительскую, родовую и другие.

В Российской империи теоретическим вопросам юридической ответственности уделялось явно недостаточное внимание, так как фактически отсутствовали реальные механизмы конституционной ответственности как таковой. Некоторые исследователи: Алексеев А.С., Гессен В.М., Градовский А.Д., Кокошкин Ф.Ф., Коркунов Н.М., Котляревский С.А., Кистяковский Б.А., предпринимали попытки рассмотреть в теоретических изысканиях вопросы юридической ответственности, а М.М. Сперанский в своих трудах прямо указывал на необходимость установления юридической ответственности министров и иных лиц [5, 597].

Такие правоведы как Алексеев А.С., Кокошкин Ф.Ф., Коркунов Н.М., Котляревский С.А., «юридическую ответственность» отождествляли с «политической ответственностью» исполнительной власти перед народными представителями. А судебная ответственность применяемая к исполнительной власти в лице отдельных министров, допустима была в случае «ultimoratio» или «угрозы разнузданному честолюбию, которое могло бы проявиться у носителя исполнительной власти» [6, 223]. Кроме того, по мнению того же самого Котляревского С.А., «ответственность перед законодательной властью стоит рядом с участием в этой власти, где последнее проявляется прежде всего в законодательной инициативе» [6, 224]. М.М. Сперанский, известный государственный деятель прямо предложил законодательно закрепить не только политическую ответственность Совета Министров перед Государственной Думой, но и конституционную ответственность отдельных министров за незаконные действия перед законодательными палатами, что в последствии нашло отражение в Проекте Основного закона Российской империи [7, 112].

Многие предложения политических деятелей того времени, в том числе и в отношении закрепления юридической ответственности, сводились к пониманию исторической необходимости преобразования самодержавной монархии в конституционную. По мнению М.М. Сперанского, существование института ответственности возможно только лишь при ограниченной самодержавной власти - этот тезис обосновывался им в «Плане государственного преобразования» и в «Размышлении о государственном устройстве Империи».

Фактически, юридическая ответственность в дореволюционной России была сведена к ответственности политической. Юридическая ответственность была применима, только в уголовном праве. По мнению ученых того времени, даже в случае преобразования абсолютной монархии в ограниченную, юридическая ответственность должна была свестись к ответственности политической [8, 328].

В советской юридической науке вплоть до конца 70-х годов XX столетия вообще отрицалось наличие государственно-правовой (и тем более конституционной) ответственности, т.к. государственно-правовая ответственность отождествлялась с политической, а в отраслевом законодательстве закреплялись нормы иных видов юридической ответственности, в связи с этим не было необходимости в разработке самостоятельного института государственно-правовой ответственности.

И только в 1973 г. Авакьян С.А., анализируя санкции в советском государственном праве, отметил, что «ответственность субъекта государственно-правового отношения – это политическая ответственность, поскольку она выступает в сфере реализации политических интересов, осуществления политической власти и ее функций. Вместе с тем, это ответственность правовая, поскольку она формируется в статьях нормативных актов. Оба названных свойства переплетаются, поэтому можно говорить о политико-правовой ответственности субъектов государственного права» [9, 50].

Все научные разработки юридической ответственности советского периода вплоть до середины 80 годов XX века сводились к двум аспектам данного понятия. Первый: вся юридическая ответственность была связана с ответственностью за свою подотчетность и ответственности за юридическую компетентность. Из этого следует, что юридическая ответственность в сфере государственно-правовых отношений по мнению многих исследователей того времени была сведена к ответственности за некомпетентность или недостаточное поведение субъекта соответствующих отношений, и воспринималась как некая мера отрицательного воздействия со стороны общества, связанная с политическим воздействием, т.е. фактически являлось политической ответственностью.

Однако, второй аспект ответственности связывался с применением специальных мер воздействия, выливающегося из противоправного поведения субъектов государственно-правовых отношений, в которых наиболее важными элементами выступали государственно-правовые санкции.

Таким образом, при исследовании основных аспектов ответственности, разных периодов, можно констатировать факт, что юридическая ответственность была сведена к вине и осознанию таковой самим индивидуумом, кроме того вплоть до начала XX века некоторые виды ответственности, например конституционная не выделялась как таковая, т.к. в основном играла второстепенную роль по отношению к политической ответственности, с помощью которой обеспечивается возможность оценки деятельности поведения субъектов государственно-правовых отношений со стороны других субъектов тех же отношений.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М. Норма, 2012.

2. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. – М., 1964. Т. 1.
3. Мальковский Б.С. Учение Г. Гегеля о государстве и современность, М., 1989 г.
4. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. – М.: Высшая школа, 2005.
5. Сперанского М.М. Руководство к познанию законов. – СПб. Наука, 2002 – 680 с. (в серии «Русская государственная мысль»)
6. С.А. Котляревский «Конституционное государство» Опыт политико-морфологического обзора. Санкт-Петербург 1907 г.
7. Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М. 1961 г.
8. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М. 1912 г.; Гессен В.М. Основы конституционного права. Петроград, издание юридического книжного склада "Право", 1918 г.;
9. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста: Избранные статьи. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Борисова О.В., Дудникова А.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

В настоящее время альтернативное разрешение споров получает все большее признание участниками хозяйственных и иных правоотношений. В числе альтернативных способов рассмотрения споров выступает международный коммерческий арбитраж.

Термином «международный коммерческий арбитраж» обозначаются три взаимосвязанных понятия, отражающих различные аспекты единого социального явления. Во-первых, под международным коммерческим арбитражем понимается определенный механизм разрешения споров между коммерсантами различных государств, совокупность средств и способов, посредством которых устраняется коллизия в материально правовых отношениях. Во-вторых, данный термин означает учреждение, которое создается для рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из международных коммерческих отношений. В-третьих, международный коммерческий арбитраж – это состав третейского суда, определенный состав арбитров, рассматривающих конкретный гражданско-правовой спор [1].

Слово «арбитраж» (от фр. Arbitrage – справедливое решение) используется в нескольких значениях: обозначающее разрешение спорных вопросов не судебного характера с помощью арбитра либо как орган, создаваемый для разрешения имущественных споров между различными предприятиями, учреждениями, организациями [2].

Преимущества решения споров посредством международного коммерческого арбитража рассматриваются в многочисленных научных трудах, изданных в различных странах. Обращает на себя внимание определение роли и места данной институции не только на международной арене, но и в пределах отечественной юрисдикции.

Международный коммерческий арбитраж имеет длительную и многогранную историю своего формирования. Как считает Боломатов А.В., его развитие зависит от многих факторов, но прежде всего – от стабильности, эффективности, динамизма экономических связей и соответствующего нормативного оформления [3].

Одним из важнейших факторов распространения и популярности процедуры рассмотрения споров посредством международного коммерческого арбитража является процесс глобализации мировой экономики, унификации правового регулирования международного арбитража и активная деятельность арбитражных институтов. Данные факторы в значительной мере способствовали укреплению позиций международного арбитража в арсенале средств, благоприятно влияющих на развитие международного экономического сотрудничества в условиях глобализации мировой торговли [4].

Заместитель министра Юстиции РФ Елена Борисенко, отмечает, что в арбитраже у сторон есть уникальная возможность привлечь к рассмотрению спора узких специалистов, квалифицированных по конкретному предмету, имеющих не только юридический, но иногда и технический опыт, являющихся не всегда юристами по образованию, а специалистами в IT-технологиях. Узкая специализация и уверенность в квалификации арбитра являются основной мотивацией для сторон записывать тот или иной арбитражный институт в своих оговорках. Эта возможность предусматривает определённые условия и порядок ведения процесса, которые удобны для сторон и которые они считают для себя важными [5].

Рассмотрим более подробно наиболее значимые тенденции в развитии и совершенствовании системы международного коммерческого арбитража в целом и применительно к России.

Так, Поляков Ю.В. отмечает следующие тенденции в развитии международного коммерческого арбитража: разрешительный порядок вмешательства государственного суда в деятельность международного коммерческого арбитража, процессуальная деллокализация международного коммерческого арбитража. Данные тенденции, по его мнению, нашли свое проявление в передаче правового регулирования международного коммерческого арбитража на международный уровень, унификации и гармонизации правовых норм в области международного коммерческого арбитража, активизации участия государств и международных организаций в регламентации вопросов деятельности международного коммерческого арбитража, совершенствовании юридической техники и детализации правового регулирования и возрастании роли *lex mercatoria* в деятельности арбитража [6].

В последнее время прослеживается тенденция усиления роли международного коммерческого арбитража в экономических отношениях. Это означает, что именно международный коммерческий арбитраж является гарантом устойчивого экономического сотрудничества и безопасности активов, инвестируемых за границу. Усиление роли международного коммерческого арбитража стало возможным лишь в условиях глобализации экономических отношений, универсализации регулирования третейско-арбитражной формы рассмотрения споров и основной проблемой вследствие такого процесса является отставание национального права от современных потребностей и требований в регулировании международных экономических отношений. Это связано с тем, что ни национальное, ни международное право не могут обеспечить тот уровень регулирования отношений участников международной коммерции, который отвечал бы их требованиям и потребностям. Проблема отставания национального права приводит к избранию сторонами в качестве применимого права международных договоров, общих принципов права, так называемых *lex mercatoria* взамен коллизионных норм *lex loci arbitri*. Так, арбитры все чаще разрешают спор не на основании материального права какого-либо государства, а на основании общих принципов права, арбитры при применении данного принципа не связаны какой-либо коллизионной нормой или коллизионной системой. Зачастую это даже не *lex mercatoria* вообще, а принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА с их более четкой конструкцией. В частности, Принципы УНИДРУА могут применяться, когда российское право содержит пробелы в регулировании конкретных вопросов, или необходимо уточнить применительно к международной сделке какое-то положение, сформулированное в российском праве.

В практике международных арбитражных судов ссылки на Принципы УНИДРУА встречаются, в частности, в договорах международной купли-продажи, страхования, строительного подряда, договорах о представительстве, транспортных договорах.

Одной из наиболее примечательных особенностей использования Принципов УНИДРУА является возможность их применения международным коммерческим арбитражем для регламентации международным коммерческим и в отсутствие соглашения сторон о праве, применимого к договору в качестве «норм права» [7].

Стоит отметить, что, несмотря на явную тенденцию к расширению применения Принципов УНИДРУА, даже когда между сторонами не было заключено соглашение об этом, в случае, если это соответствует намерению сторон, следует специально оговаривать подобные моменты в контракте во избежание возможных неточностей и недоразумений [8].

Для современного международного коммерческого арбитража также характерна тенденция к деллокализации, предполагающая снижение роли национального права как потенциально применимого в международном коммерческом арбитраже и предоставление сторонам спора право самостоятельно определять процедуру арбитражного разбирательства и применимое иностранное процессуальное право, в том числе путем изменения сторонами стандартной процедуры для формирования индивидуального порядка рассмотрения спора в рамках выбранного арбитражного регламента, но который более соответствовал бы характеру конкретного спора.

Теория деллокализации рассматривает международный коммерческий арбитраж как средство разрешения споров, независимое от какой-либо формы контроля со стороны государственных судов, за исключением стадии отмены вынесенного арбитражного решения и стадии приведения решения в исполнение.

Одной из тенденций развития международного коммерческого арбитража является использование упрощенных и ускоренных (*fast-track arbitration*) процедур для разрешения небольших по сумме споров. Они предполагают не только более простой порядок формирования решающего состава, но и более гибкие процессуальные правила рассмотрения споров (например, проведение единственного слушания по делу, ограниченное количество процессуальных документов от сторон, краткая форма мотивировки решения).

В практике Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ также используются механизмы, позволяющие в соответствующих случаях упрощать арбитражную процедуру. В частности, речь идет о формировании арбитражного состава при незначительной цене иска, когда решающий состав будет состоять не из трех арбитров, а из единоличного арбитра. Более короткий срок формирования арбитражного состава

отразится на общем сроке арбитражного разбирательства и даст существенную экономию материальным затратам сторон. Следовательно, ускоренные и упрощенные процедуры международного коммерческого арбитража позволяют повысить его эффективность в материально-правовом аспекте [9].

Все чаще в научной литературе обсуждается тенденция уменьшения роли государственных судов в деятельности международного коммерческого арбитража, которая выражается в разрешительном порядке вмешательства государственного суда в арбитражное разбирательство.

Однако зачастую на практике возможно столкнуться с вмешательством государства в соглашение об арбитраже. Так, например, Согласно Типовому Закону о международном коммерческом арбитраже 1985 г. и национальным законодательным актам арбитражное решение может быть отменено судом страны, где состоялось арбитражное разбирательство. Причем отмена арбитражного решения выступает в качестве единственного средства его оспаривания. Поэтому в мировой практике перечень оснований, по которым суд может не признавать решения арбитражного суда, либо через процедуру обжалования, либо отказа от исполнения, является исчерпывающим. Таковыми являются и Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», Закон Чешской Республики о третейском суде 1994 г., Закон Королевства Швеция «Об арбитраже» 1999 г., британское статутное и прецедентное право, Закон Швейцарии «О международном частном праве».

Вмешательства государства в реализацию арбитражного соглашения можно избежать посредством включения в арбитражное соглашение оговорки об исключении оспаривания. Однако, не следует забывать о том, что исключение данного средства обжалования возможно только в ограниченном числе стран и на определенных условиях.

Тем не менее Казаченок С.Ю. полагает, что с течением времени тенденция отказа от обжалования арбитражного решения посредством включения в арбитражное соглашение оговорки об исключении оспаривания (exclusion agreement) должна быть легализована всеми странами, желающими достигнуть максимальных высокоэффективных результатов от участия в международном торговом обороте [10].

Таким образом, при всех очевидных достоинствах обращения в арбитраж, таких как укороченный срок рассмотрения дела, высокий профессионализм арбитров в международной сфере, возможность выбора применимого права, диспозитивность сторон в выборе процедуры рассмотрения дела, окончательность вынесенных решений, соблюдение конфиденциальности коммерческой тайны при рассмотрении дела, возможность признания и исполнения иностранных арбитражных решений, тем не менее, имеются и определенные проблемы по сравнению с разрешением споров в государственных судах.

Так, Председатель Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Комаров А.С. отмечает, что определенным препятствием для успешного развития альтернативных способов рассмотрения дел в России является, помимо всего прочего, наличие пробелов в действующем законодательстве, а также недостаточная степень развития предпринимательской этики отечественных коммерсантов, не привыкших разрешать свои споры при помощи принятых в предпринимательском сообществе средств, основанных на взаимном уважении и доверии к избранным ими самими третейским судьям, что включает также и добровольное исполнение принятых ими решений [11].

По мнению Управляющего партнера московского офиса, руководителя практики разрешения споров международной юридической фирмы Magisters, Дмитрия Дякина, основная проблема состоит в том, что в России зачастую отсутствует правильное восприятие и применение международных стандартов коммерческого арбитража: те или иные концепции могут восприниматься судами вразрез с международными тенденциями и подходами. И приводит пример, что российские суды далеко не всегда последовательно применяют правило, изложенное в Нью-Йоркской Конвенции, которое гласит, что государственный суд в случае наличия арбитражного соглашения должен передать спор на рассмотрение в арбитраж, если только не сочтет, что такое арбитражное соглашение недействительно, не действует или не может быть исполнено [12].

Проблемы возникают и в случае недостаточно четкого поименования арбитражного института в арбитражной оговорке, что приводит к необоснованному принятию спора к рассмотрению государственными судами. Такая практика, по мнению Дякина, идет вразрез с международным подходом, согласно которому упоминание арбитражного института в контракте – пускай и недостаточно корректное – является достаточным основанием для исключения, возникшего на основании такого контракта спора из компетенции государственных судов.

Константин Лукоянов, глава практики судебных разбирательств арбитража, Linklaters также отмечает существование целого ряда факторов, негативно влияющих на конкурентоспособность российской юрисдикции, как то: противоречивость в подходах определения исключительной компетенции российских судов, проблемы с исполнением судебных актов, отсутствие достаточного опыта у отечественных судей/арбитров в коммерческих спорах в отношении пока еще новых для российской практики финансовых инструментов или определенных

форм структурирования сделки и т.п. [13]. Выход из сложившейся ситуации К. Лукоянов видит в необходимости реформирования не только национальных судов, но, в первую очередь, системы арбитражных институтов в России, используя при этом накопленный за многие годы опыт Лондона, Парижа, Стокгольма и других популярных арбитражных форумов.

В заключение необходимо отметить, что эффективность системы международного коммерческого арбитража зависит, помимо всего прочего, от добросовестного отношения к этому процессу как самих сторон спора, так и арбитров. В противном случае арбитражное разбирательство может не достигнуть целей эффективного разрешения споров, возникающих в сфере международного гражданского правового оборота.

Список литературы

1. Николюкин С.В. Международный коммерческий арбитраж. – М., Юстицинформ, 2009
2. Толковый словарь Ефремовой Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2013
3. Болوماتов А. Международный коммерческий арбитраж в системе международного и национального регулирования // Современная наука. 2011. № 2. С.9.
4. Комаров А.С. Некоторые актуальные аспекты международного коммерческого арбитража на современном этапе // Третейский суд. 2012. № 5. С. 38-45.
5. Коммерческий арбитраж в РФ: тенденции и перспективы Брифинг медиахолдинга РБК и юридической фирмы Linklaters в рамках Санкт-Петербургского Международного Юридического Форума 2014 г. //bc.rbc.ru/images/upload/pics/com_files/438/unifiles_kbVb18.pdf
6. Поляков Ю.В. Основные тенденции развития международного коммерческого арбитража и определения примененного им права: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М., 2010 //law.edu.ru/book/book.asp?bookID=139635
7. А.Б. Монахов, Ю.А. Конкина Роль принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА в регулировании международных коммерческих отношений // Вестник РГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 18
8. Ефремова И.С. Особенности применения принципов УНИДРУА в практике международных арбитражных судов и арбитражных судов Российской Федерации // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. 2013. № 3 (24). С. 28
9. Русакова Е.П. Многообразие способов разрешения торговых споров как фактор эффективности деятельности международного коммерческого арбитража в России и Англии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 1. С. 71.
10. Казаченок С.Ю. Противоречие публичному порядку как особая категория оснований вмешательства государства в международный коммерческий арбитраж // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 2. С. 96-103.
11. Интервью с Председателем Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации Александром Сергеевичем Комаровым Международный коммерческий арбитраж сегодня: современные проблемы и пути их преодоления //www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=455:persona-grata-&catid=41:persona-grata&Itemid=124
12. Международный коммерческий арбитраж в России: проблемы и перспективы / 11.03.2011 // arbitrationsweden.com/news/mezhdunarodnyj-kommercheskij-arbitrazh-v-rossii-problemy-i-perspektivy
13. Коммерческий арбитраж в РФ: тенденции и перспективы. Брифинг медиахолдинга РБК и юридической фирмы Linklaters в рамках Санкт-Петербургского Международного Юридического Форума 2014 г. // bc.rbc.ru/images/upload/pics/com_files/438/unifiles_kbVb18.pdf

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ТРЕТЬЕЙ ФУНКЦИИ» ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Бажанов Н.Н.

Южный федеральный университет, г. Таганрог

В настоящее время одной из главных задач, стоящих перед федеральными университетами, является реализация «третьей функции», которую в англоязычных публикациях именуют «третьей миссией», «социальной вовлеченностью» и часто «социальной ответственностью» («social responsibility»). Последний термин, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает ответственность университетов перед обществом. Одним из основных требований учредителя к федеральному университету является его безусловная обязанность активно влиять на социально-экономическую жизнь региона. Например, формирование приоритетных направлений развития Южного федерального университета (ЮФУ) определяется задачами социально-экономического развития Южного федерального округа, а также расположенных на его территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Важно отметить, что в Программе развития ЮФУ кроме научных и образовательных целей декларируется развитие «гуманитарных технологий и моделей развития человеческого капитала и толерантных социоэкономических сообществ в таком полиэтническом регионе России, как Северный Кавказ»[3]. Юг России традиционно является центром переплетения и развития множества социально-экономических и культурных процессов, различных конфессий, традиций и жизненных укладов. В такой ситуации реализация федеральным университетом третьей функции становится чрезвычайно важным компонентом деятельности. По мнению президента Фонда «Новая Евразия» А. Картунова «реформирование высшего образования - часть общей модернизации российского общества. И роль университетов в контексте этой модернизации не может сводиться только к массовому образованию и продвинутым научным исследованиям. Их социальные функции гораздо более широки. В США и Европе именно университеты зачастую являются «точками роста» регионов» [4]. Отмечу, что в университетском профессиональном сообществе федеральные университеты иногда называют «драйверами социальных инноваций». «Вуз должен стать переговорной площадкой между властью, бизнесом и обществом, выполнять функции образовательного и информационного центра, центра интернационализации, решать социальные задачи. Предполагается, что всем этим критериям будут отвечать федеральные университеты» (проректор УрГУ по международным связям М. Хомяков [4]). Важное дополнение к этой точке зрения высказал профессор департамента исследований образовательной политики университета штата Висконсин (США) Марк Джонсон: «Когда мы размышляем о роли вуза, зачастую попадаем в ловушку, решаем выбрать для него одну территорию взаимодействия с обществом: глобальную, региональную или уровень местного сообщества. При этом мы должны понимать, что лучшие университеты могут и должны развиваться на всех трех уровнях». Эксперт представляет себе современный университет так: «Он должен включать институционализацию образования (обмен студентами и преподавателями), независимые исследования, иницируемые студентами, вовлеченное обучение, когда полученные знания переносятся на решение конкретных социальных и экономических задач. Два основных аспекта в развитии университета связаны с вовлеченностью студентов. Во-первых, мы говорим об исследованиях, которые бы раскрывали их творческий потенциал, демонстрировали активную позицию по отношению к проблемным вопросам. Во-вторых, студенты и магистранты должны рассматривать свое обучение как служение обществу. Речь идет и о волонтерской деятельности как важной части образовательного процесса» [7]. В классической работе «Обзор основных проблем, встающих перед высшим образованием на пороге нового тысячелетия» [5, С.14-29] Люк И.Вебер подчеркивает, что «университеты должны обратить больше внимания на собственную ответственность перед обществом». Классик теории университетского образования отмечает: «С одной стороны, университеты должны внимательно прислушиваться к обществу, чтобы изучать и понимать его изменяющиеся потребности и надежды, так же, как и к мнению общества по поводу высшего образования, особенно к мнению тех, кто проводит преобразования. Университеты должны быть более чувствительны к потребностям, когда они предлагают новые учебные программы или начинают новое исследование. Они должны также показать большую готовность или даже взять на себя инициативу в сотрудничестве с промышленностью, государством и другими учреждениями высшего образования. Университеты и все их подразделения должны быть надежными партнерами компаниям, учреждениям и всем другим созидательным силам общества». Следует отметить, что особенности в правосубъектности федеральных университетов в полной мере проявляются при реализации ими своей «третьей (социальной) функции». Это следует, в частности, из-за того, что «федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» является

некоммерческой организацией, созданной для достижения образовательных, научных, социальных и культурных целей, способствующих удовлетворению духовных и иных нематериальных потребностей граждан в образовании, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ» [6].

Говоря о социальной функции федерального университета как образовательного центра региона, обычно имеют в виду не столько обучение по основным образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, сколько образовательную роль университета по отношению к внешней (по отношению к университету) среде: школьникам, взрослым и, в частности, лицам с ограниченными возможностями. Говоря о взрослых, следует обратить внимание на многочисленные программы дополнительного образования: повышения квалификации и переподготовки. Например, в ноябре 2014 г. ЮФУ предлагает 101 программу дополнительного образования; контент портала ЮФУ «Инклюзивное образование» ориентирован на одаренных детей, военнослужащих и членов их семей, детей с ограниченными возможностями здоровья. Как правило, для населения образовательные услуги предлагаются по технологии дистанционного образования. Однако, если обычная довузовская подготовка является стандартной распространенной услугой для многих вузов, то особенностью федерального университета является эксперимент по подготовке к ЕГЭ молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного или более детей (проводится по распоряжению Правительства Российской Федерации в 2013-2015 гг.) Стать участниками этой образовательной программы могут молодые мамы, являющиеся гражданами РФ не имеющие высшего образования, которым на 1 ноября 2013 года не исполнилось 24 года. Обучение бесплатно. Оплата производится за счет федерального бюджета. Слушательницы могут выбрать любые общеобразовательные предметы, необходимые им для поступления в вуз. Возможна очная, очно-заочная и заочная (дистанционная) форма обучения (для жительниц близлежащих к Таганрогу районов). Участницам проекта выплачивается стипендия.

Понимание и учет общественных потребностей в обучении граждан, подготовке специалистов для конкретных отраслей производства, проведении конкретных научных исследований для решения проблем, актуальных для сообщества, на основе многостороннего взаимодействия с различными заинтересованными участниками другими словами можно было бы назвать «социальным участием» университетов или “civilparticipation” [2]. Этот вид деятельности подчеркивает особенность работы федеральных университетов: ориентированность на потребности общества в целом и отдельных категорий граждан, в том числе не проживающих в городах. Кроме этого, специальная правосубъектность федеральных университетов проявляется в том, что они являются (или, по крайней мере, должны являться) информационными и культурными центрами региона, точками роста гражданских инициатив и высокопрофессиональными экспертными учреждениями социальных процессов в регионе. Таким образом, федеральный вуз можно квалифицировать как важнейший региональный институт развития гражданского общества.

Список литературы

1. Бажанов Н.Н. Южный федеральный университет: реализация третьей функции//Образование в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2012. – С.3-4.
2. Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции//Вестник международных организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.hse.ru/articles/60967320> (дата обращения: 22.09.2014).
3. Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» на 2011 -2021 годы. [Электронный ресурс]. URL: http://sfedu.ru/docs/program_gazv/progr_gazv_11-21.pdf (дата обращения: 25.09.2014).
4. Роль университетов в региональном развитии//Портал «Инновации, инвестиции, бизнес» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb-venchur.ru/news/386.htm> (дата обращения: 22.09.2014).
5. Современные тенденции развития инновационно-предпринимательского университета: Сборник статей/Под редакцией В.Г. Захаревича. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. – 210 с.
6. Устав Южного федерального университета//Официальный портал Южного федерального университета [Электронный ресурс]. URL: <http://sfedu.ru/pls/rsu/docs/u/U9391/Folders/file/UD/ATT00004.pdf> (дата обращения: 22.09.2014).
7. Эксперт онлайн//[Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/ural/2010/04/chemu_dolzhu_uc (дата обращения: 22.09.2014).

ПРОБЛЕМЫ ОБЫЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ И ТЕРРИТОРИЯХ ОКЕАНИИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ

Габрилян Р.Р.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь
Университет Уаикато, г.Гамильтон, Новая Зеландия

Океания – уникальный регион мира. Длительное время многочисленные местные меланезийские, микронезийские и полинезийские народы развивались, не контактируя с другими представителями человечества. То же можно сказать и об аборигенных народах Австралии, где вырабатывалась своя уникальная культура.

На протяжении веков, все эти народы пользовались в повседневной жизни обычаями и традициями, которые формировались и повторялись из поколения в поколение [8. Р. 96]. Однако, с появлением европейских колонизаторов в XVI веке, жизнь указанных народов стала существенным образом меняться. Европейцы, первым делом, принялись за христианизацию и искоренение обычаев жителей тихоокеанских островов. Представители колонизирующих стран, таких как Британская империя, Франция, а затем Германия и США внедряли свои традиции и образ жизни, а незадолго до них это пытались сделать испанцы, голландцы и португальцы. При этом, часть народов Океании была вынуждена вступить в открытую конфронтацию с европейскими колонизаторами. В данной борьбе, наибольших успехов добились представители полинезийского народа – маори в Новой Зеландии, с отвагой которых британцам было трудно справиться и, в 1840 году был заключён Договор Вайтанги, примиривший колонизаторов и местное население.

Колонисты не могли смириться с существовавшими обычаями туземцев, в том числе, регулировавших семейно-брачные отношения. Стоит при этом помнить, что семьи в Океании нельзя рассматривать в отрыве от общины, так как она зависит от общины, и имеются такие задачи, которые невозможно разрешить в рамках одной семьи. К примеру, ячейкой общественной жизни в Самоа была (и есть) семья, именуемая - айга. Такая семья - это не та социальная группа, как она понимается, например, европейцами (состоящая из родителей и детей), а более широкая группа, имеющая связи, выходящие за кровно-родственные, с лицом, именуемым матаи или главой. Матаи является титулованной личностью и главной обязанностью имеет заботу о своем семействе. При этом необязательно, чтобы все представители семьи жили под одной крышей или даже в одной деревне [5].

Ряд народов Океании придерживался полигинии, и даже полиандрии (полинезийцы Маркизских островов); у других считалось нормальным обычаем убийство и даже каннибализм в отношении изменников. У многих народов браки носили характер подготовленных заранее. Так, например, согласно обычаям австралийских аборигенов, мальчику или юноше будущую жену подбирали старшие родственники мужского пола. Одним из самых распространенных обычаев являлось также и соглашение, в соответствии с которым семьи, родственные группы или общины рано или поздно получали в обмен другую женщину для кого-то из своих мужчин [1. С. 55-56] и т.д. В колониальный период ряд подобных обычаев был отменен и запрещен, при этом многие все же продолжали применяться. Часть из них претерпела трансформацию, впитав в себя христианские элементы и западные нормы.

В 60-х годах XX века в Океании начинается деколонизация. Первым независимым государством в Океании стало Самоа, за которым последовали другие территории, и данный процесс продолжается в настоящее время.

Деколонизация поставила правительства молодых государств перед сложным выбором. Стремление вернуть традиционный уклад с обретением независимости, естественно присутствовало, так же, как присутствовали и многие западные ценности, а христианство пустило глубокие корни в данном регионе. Острейшим для независимых государств стал вопрос: “Каким образом реформировать правовую систему государства так, чтобы в ней переплетались как издревле сложившиеся правовые обычаи, так и принесенные западными колонизаторами законы, многие из которых действуют и поныне?” К примеру, такие страны как Фиджи, Кирибати, Тувалу, Соломоновы Острова имеют схожее законодательство, так как оно вырабатывалось специалистами, предоставленными Великобританией, судьями работали британцы, австралийцы и новозеландцы, а также местные, подготовленные специалистами в области общего права. Уникальное государство Вануату, управлявшееся совместно британцами и французами до обретения независимости в 1980 году, также воспользовалось возможностью и наняло в качестве судей - юристов из Великобритании и её бывших колоний. Немного в стороне находится государство Тонга, выбравшее свой особенный путь с принятием конституции в позапрошлом веке – в 1875 году, и созданием законодательства, посредством комбинирования английского права, протестантских норм и местных обычаев [6. РР. 11,40].

По утверждению П.И. Джалал, с обретением независимости, государства Океании незамедлительно определили обычно-правовые нормы в качестве составной части своих правовых систем. Многие государства сделали это, официально признав обычное право в конституциях и законодательных актах. Однако, как правило, признавали обычное право, не определяя, что же они понимают под обычным правом. Имелись ли в виду только устные традиции и обычаи, существовавшие на момент получения независимости, либо сложное смешение обычаев, древних и заимствованных религиозных норм и колониального права? [6.Р. 46]

Государства Океании сделали шаг в сторону правового плюрализма, позволяющего сосуществование нескольких правовых систем в рамках одной правовой системы. Естественно, этот принцип отразился и на регулировании семейно-брачных отношений. Данный подход помогает как сохранить самоидентичность народов Океании, так и дает надежду на продолжение движения в фарватере прогресса современной человеческой цивилизации и устойчивое экономическое и государственное развитие.

Как справедливо отмечает К. Браун, обычное право наиболее всего повлияло и отпечаталось именно в семейном праве народов Океании [2.Р.14]. Вопросы заключения и расторжения брака, наследования, усыновления продолжают находиться под давлением со стороны традиций и обычаев.

Несмотря на все изменения и многочисленные попытки искоренения “несовременных” обычаев, ситуация в сфере семейно-брачных отношений продолжает носить противоречивый характер. Так, например, в большинстве небольших стран Океании, мужчины находятся в более привилегированном положении, нежели женщины, часты случаи семейного насилия. В ряде областей Меланезии практикуется уплата выкупа за невесту, предшествующая заключению брака. В полинезийских государствах Тонга и Тувалу женщины ограничены в правах при усыновлении детей. Известные исследователи обычного права народов Океании Дж. Коррин Кэа и Д. Патерсон отмечают, что, несмотря на “модернизацию” в государствах Южной части Тихого океана, семейное право демонстрирует свою верность христианским религиозным нормам и колониальному наследию [4.Р. 179].

Тем не менее, следует отметить, что конституции и законодательство большинства стран Океании запрещает многие из перечисленных выше обычаев, являющихся отпечатком уклада, сформировавшегося за века жизни в традиционном обществе. Так, например, полигиния в Папуа-Новой Гвинее рассматривается в контексте насилия над женщинами [3.РР. 96-97], что признается нарушением законодательства страны. Однако справедливости ради следует отметить, что на многие племена, проживающие изолированно, государство повлиять в некоторых случаях не может, а в других не хочет, прежде всего, с целью сохранения той самой уникальности, которая привлекает взор ученых к данным народам. На Соломоновых Островах женщины, проживающие в сельской местности, имеют возможность обратиться в местные суды, в том числе по вопросам, касающимся применения обычаев [6.XV]. Сложнее ситуация в Республике Фиджи, где помимо обычаев коренных меланезийских народов, в меньшей степени полинезийских народов, привнесенного колонизаторами европейского законодательства, существуют также влиятельные индусские и (в меньшей степени) мусульманские обычаи, распространившиеся с переселением жителей полуострова Индостан. Даже в такой развитой демократической стране как Новая Зеландия, до сих пор существует проблема насилия в семье, прежде всего, в среде маори. Так, например, 49 процентов всех женщин-маори хотя бы раз в жизни подвергались насилию в семье [7]. Страну, первой в мире даровавшей женщинам право голоса на выборах в парламент (в 1893 году), эти показатели выставляют не в самом приглядном виде. Данная статистика удивительна, так как в Новой Зеландии весьма низок общий уровень преступности и действуют законодательные акты Domestic Violence Act 1995 года и Guardianship Act 1968 года, направленные на устранение насилия в семье. Всё это лишний раз показывает сложность сосуществования обычного права и западных правовых систем. Однако, именно благодаря подобному сосуществованию и взаимодействию, постепенно удается найти решение многих проблем, в частности, в области семейно-брачных отношений. Главная цель данного сосуществования – сохранить уникальные традиции, особенности народов Океании, не дать им потерять свои истоки и, при этом, направить их жизнь в русло уважения прав человека.

Список литературы

1. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине. – М.: Наука, 1987.
2. Brown K. Reconciling Customary Law and Received Law in Melanesia: The Post-Independence Experience in Solomon Islands and Vanuatu. – Darwin NT: Charles Darwin University Press, 2005.
3. Converging currents: Custom and Human Rights in the Pacific. Study Paper/Law Commission. – Wellington, 2006.
4. Corrin Care J., Paterson D. Introduction to South Pacific law / 3rd ed.– South Yarra, Vic.: Palgrave Macmillan, 2011.

5. Grattan F. J. H. An Introduction to Samoan Custom. – Papakura, New Zealand: R. McMillan – Publisher, 1948. [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-GraIntr-c2.html>, свободный.
6. Jalal P.I. Law for Pacific Women: A legal rights handbook. – Suva, Fiji: Fiji Women's Rights Movement, 1998.
7. Recent Family Violence Statistics– [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.oneyouok.org.nz/files/statistics/ItsnotOK_recent_family_violence_stats.pdf, свободный
8. Zorn J.G. Custom the changing then and now: Melanesian family in A. Jowitt., Tess Newton Cain Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific. – Canberra: ANU E Press, 2011.

ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Матвеева Н.А.

Заместитель прокурора Иркутского района Иркутской области, г.Иркутск

Термины «антикоррупционная экспертиза» и «коррупциогенные факторы» сегодня уже прочно вошли в правовой лексикон. В России буквально за несколько прошедших лет сформирован реально действующий механизм проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Основными нормативными актами, регулирующими отношения в сфере независимой антикоррупционной экспертизы, являются Федеральный закон от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и методика проведения такой экспертизы.

Субъектами проведения антикоррупционной экспертизы являются органы Министерства юстиции РФ, органы прокуратуры РФ, все органы, которые издают нормативные правовые акты, и независимые эксперты [7, ст.3]. Исходя из норм федерального закона проведение сплошного, охватывающего все муниципальные нормативные правовые акты антикоррупционного анализа возложено исключительно на самих разработчиков этих актов - органы местного самоуправления. В отличие от муниципального уровня нормативные правовые акты (проекты актов) органов государственной власти подлежат обязательной антикоррупционной экспертизе в Минюсте России. Трудно найти объяснение тому, что в механизме проведения антикоррупционной экспертизы не предусмотрена обязательная, сплошная и независимая экспертиза муниципальных нормативных актов. Ведь именно в актах органов местного самоуправления выявляется наибольшее количество коррупциогенных факторов, причем не только по причине значительного количества муниципальных образований в России [9].

В целом качество муниципальных правовых актов остается на низком уровне, особенно в сельских поселениях. Обратившись к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», можно убедиться в скудности норм, регулирующих антикоррупционную деятельность. Так, к вопросам местного значения всех типов муниципальных образований - отнесено «осуществление мер по противодействию коррупции». При этом законодатель не только не разграничил компетенцию муниципалитетов разных уровней, но и определил анализируемый вопрос местного значения в самом общем виде.

В юридической науке понятие «качество» закона стало употребляться в конце 80-х – начале 90-х годов и до последнего времени не имело строго терминологического статуса. Постановка проблемы качества законов явилась реакцией на необходимость отказа от экстенсивного пути развития законодательства, для которого характерно увеличение количеством принимаемых нормативных актов в ущерб их качеству [2, с.16].

В современной юридической литературе понятие «качество закона» употребляется в широком значении. В основе такой трактовки лежит совокупный анализ социальных, политических и юридических параметров качества закона.

Качество закона — внутренне присущая его форме и содержанию совокупность социальных и юридических свойств, обуславливающих пригодность закона удовлетворять определенные потребности как общества, так и отдельной личности [4, с.68]. Качество закона есть устойчивая совокупность социальных и юридических свойств закона, т.е. социальная адекватность его установлений, технико-юридическое совершенство их формы и, вследствие этого, способность при соответствующих условиях среды и отношений

адресатов (граждан и их объединений) обеспечить правомерный характер их деятельности, способствовать достижению фактических результатов, вытекающих из целей закона.

Соотнося понятия «качество закона» и «антикоррупционная экспертиза» можно сделать вывод, что проведение антикоррупционной экспертизы в какой-то мере улучшает качество нормативного акта.

Так, по мнению Коробкина А.Н. многие государственные служащие рассматривают необходимость проведения антикоррупционной экспертизы подготовленных ими проектов правовых актов исключительно как процедуру, усложняющую и замедляющую согласование и принятие нормативного акта [9]. Между тем во многих случаях можно обнаружить серьезные ошибки в документе и выявить незамеченные разработчиками коррупциогенные факторы, тем самым существенно улучшив документ.

Однако очевидно, что правовые акты должны проверяться в полном объеме на предмет их соответствия законодательству, правилам юридической техники и т.п.; коррупциогенность акта — лишь один из возможных его дефектов.

Под дефектным актом в юридической литературе понимают акт, принятый с нарушением предъявляемых к нему требований, независимо от того, нарушены или нет требования законности или организационно-технические требования [3, с.24].

Качественный нормативный правовой акт — это акт, принятый с соблюдением всех предъявляемых к нему требований. Часть из них закреплена в законодательстве, другие предложены юридической наукой.

Суды, органы прокуратуры и юстиции, иные уполномоченные государственные органы проводя антикоррупционную экспертизу в первую очередь контролируют не качество правового акта в целом, а его законность.

По данным прокуратуры Иркутской области соблюдение государственных и муниципальными служащими требований законодательства о противодействии коррупции органами прокуратуры области в 2013 проверено в 19 органах государственной власти, то есть практически во всех органах местного самоуправления [8].

В результате выявлено более 8 тыс. нарушений федерального законодательства (рост на 51,6 %), более 1 тыс. незаконных правовых актов (увеличение на 29 %). Принесено 925 протестов, по результатам рассмотрения которых, изменено и отменено 858 незаконных правовых актов [].

Вместе с тем, активная работа органов контроля и надзора по выявлению не соответствующих действующему законодательству муниципальных правовых актов порождает иждивенчество муниципалитетов, которые приступают к исправлению дефектов, получив соответствующий «сигнал» контрольной инстанции. Значительное число актов муниципального правотворчества признается органами (должностными лицами) местного самоуправления утратившими силу в связи с рассмотрением протестов прокурора и иных аналогичных актов реагирования.

Решение проблемы повышения качества муниципальных правовых актов невозможно без активных усилий со стороны органов местного самоуправления. Качество данных актов — важнейший компонент технологии муниципального правотворчества.

Исправляя недостатки в правовых актах, органы местного самоуправления также нацелены на устранение несоответствий закону, исключению коррупциогенных факторов. Нарушения правил юридической техники, не влекущие признания акта незаконным, остаются в большинстве своем без внимания и не исправляются.

В заключение хотелось бы указать на то, что качество муниципальных правовых актов находится в прямой зависимости от состояния правовой базы федерального и регионального уровня. Система местного самоуправления в России заработает быстрее и эффективнее при проведении продуманной и последовательной законодательной политики нашего государства в вопросах организации власти на местах.

Список литературы

1. Вантеева Н.В. Обеспечение качества актов муниципального правотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4.
2. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: монография. - Иркутск: изд-во ИГЭА, 1998. – с. 16
3. Качество закона и эффективность законодательства. / С.В.Поленина. – М., 1993
4. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. — Право и закон, М.: КолосС, 2003
5. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 08.03.2010. N 10. ст. 1084

6. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 N 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. N 40. ст. 3822
7. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07. 2009 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20.07.2003. N 29. ст. 3609
8. <http://www.irkproc.ru/qa/962.html>
9. <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1099>

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)

АБСЕНТЕИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Атзитарова Р.Н., Аминов И.Р.

Институт права Башкирского государственного университета, г.Уфа

«Плохие власти выбираются хорошими гражданами, которые не голосуют»
Джордж Джин Нейтан.

Как гласит Конституция, Российская Федерация - демократическое государство. Единственным источником власти является народ, который осуществляет ее непосредственно (референдум, свободные выборы) и через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Выборы это - форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица[5].

Избирательное право является высшей ценностью демократического государства. Граждане обладают активным (могут избирать) и пассивным (могут быть избраны) избирательным правом. Реализуя свое право, народ выбирает своего правителя, свой путь дальнейшего развития государства и общества. Однако, одной из актуальных проблем современности стало категорическое нежелание населения участвовать в политической жизни. Предполагая о том, что воздержавшись от голосования, ничего не изменится, люди глубоко заблуждаются. Они неосознанно создают перевес в пользу оппонентов. Вдобавок, дают шанс сжульничать при подсчитывании результатов. В итоге к власти приходят люди, которые не заинтересованы в проведении прогрессивных реформ. В сложившейся ситуации целесообразно высказывание О. Бисмарка « неучастие в политике не освобождает от её результатов». Несмотря на все сказанное, возникают вопросы: быть может, в семье и школе отсутствует воспитание политической культуры населения? Или быть может, пассивное отношение к политической жизни общества, есть результат когда-то существовавшего тоталитарного режима? Представляется, что для каждого существует свой ответ.

Итак, низкая посещаемость на выборах или вообще ее отсутствие, а также лень и простое нежелание участвовать в политической жизни общества в научной среде именуется абсентеизмом. Однако, прежде чем рассматривать проблему абсентеизма, необходимо разобраться в понятие явления «абсентеизм».

В политических системах всего мира абсентеизм достаточно распространенное явление: нередко в голосовании не принимают участия 50% и даже более избирателей, имеющих право голоса, или при голосовании хотя бы трех избирателей выборы считаются состоявшимися. В России это явление также распространено.

Абсентеизм (от лат. *absens, absentis* — отсутствующий, англ. *absenteeism*) — отсутствие индивидов в определенном месте в определенное время и связанное с этим невыполнение соответствующих социальных функций[4]. Данная трактовка дефиниции является более общей по отношению к различным ее проявлениям в иных сферах жизни. Например, можно выделить трудовой, земледельческий, политический абсентеизмы. В данной статье речь идет о политическом абсентеизме как об одной из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов, отказ от участия в них; пассивный протест населения против существующей формы правления, политического режима, проявление безразличия к осуществлению человеком своих прав и обязанностей. Иными словами изучаемое явление понимается как равнодушное отношение населения к

политической жизни, аполитичное представление групп людей о том, что «один голос ничего не изменит», политика «не мое дело».

Свобода, которая выражается в том, что население не участвует в выборах, перевоплощается в отсутствующее сознание, индифферентизм к различным сферам общества и государства. Именно поэтому, как говорилось ранее, необходимо воспитывать политическую культуру в каждом человеке, чтобы он смог в дальнейшем претворить в жизнь свои избирательные права. То обстоятельство, что электорат активно игнорирует свое право, может привести к тому, что демократические основы страны будут подорваны. В результате происходит деформация: человек пассивен, население становится объектом манипулирования.

Как и в зарубежных странах, в Российской Федерации наибольшая активность избирателей проявляется на общенациональных выборах, значительно ниже она на региональных выборах и выборах органов местного самоуправления[1]. Существующая разница объясняется рядом факторов.

Общенациональные выборы представляются более организованными, наблюдается более организованная работа избирательных комиссий. Предвыборная агитация проходит на высшем уровне. Незадолго до начала выборов проводят ряд телевизионных передач, посвященных кандидатам и их партиям для того, что бы донести до населения политическую программу. Также на улицах страны размещаются баннеры с фотографиями, именами кандидатов и кричащими лозунгами, побуждающие население голосовать. Несомненно, для осуществления контрольной функции за проведением выборов предоставляются лучшие специалисты своего дела, для предотвращения фальсификации, мошенничества и иных преступлений и правонарушений. Резюмируя все сказанное, автор приходит к мнению о том, что население накануне голосования достаточно информировано, что даже ребенок сможет назвать кандидатов. Неявку на голосование при данных обстоятельствах можно объяснить только нежеланием населения участвовать в выборах, незаинтересованностью дальнейшего политического развития страны.

Обратной стороной является участие в региональных выборах и выборах в органы местного самоуправления. Всегда ли население знает список всех кандидатов? Или всегда ли политическая программа донесена до избирателя? Из личного опыта автора, можно сделать вывод о том, что население крайне мало информировано. Вдобавок ко всему наблюдается некачественная организация работы избирательных комиссий. Бюллетени доставляются с опозданием, когда голосование уже началось. Технические ошибки в бюллетенях могут доставлять сложности при голосовании. Например, был случай, когда в графе фамилии кандидата могло быть указано две фамилии, а голосовать, как известно, можно только за одного. Или, например, закон допускает осуществлять процедуру голосования на дому избирателям, которые не в состоянии по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности) прибыть в помещения для голосования. При указанном случае встречались ситуации, когда член избирательной комиссии мог посоветовать кандидата или выездная бригада с урной брала с собой большое количество бюллетеней, а также члены комиссии разрешали голосовать родственникам по нескольким паспортам за отсутствующих граждан и тому подобное [2].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что неявка на региональные выборы или выборы в органы местного самоуправления объясняется тем, что население неуверенно в своем кандидате и не желает отдавать решение судьбы государства, города, села неизвестному человеку. Однако, цитата Нейтона, указанная в качестве эпиграфа к статье, не дает оправдания и этому аргументу, определяя, что таким образом народ выбирает плохую власть.

Чем же объясняется такое отношение к выборам? Что служит причиной уклонения граждан от участия в выборах?

- многие граждане, в частности молодые или люди, которые не обладают достаточными знаниями, не понимают значения выборов, не осознают, что участие в выборах это право, которое им предоставлено Конституцией Российской Федерации. По их мнению, так как это не обязанность, то можно и воздержаться от реализации данного права. Однако хочется донести до читателя, что хоть это и право, а не обязанность, но иногда от одного бюллетеня может зависеть исход выборов;
- многие граждане не верят в способность воздействовать на власть посредством выборов и считают, что результат выборов предопределен;
- избиратели могут не видеть среди кандидатов человека, который им импонировал бы, вызывал у них доверие или могут быть информированность населения о списке кандидатов;
- население считает, что отсутствует интриги и победитель известен заранее;
- также среди ученых существует мнение о том, что нежелание участвовать в выборах может быть вызвано боязнью взять на себя ответственность за принятое решение;

Органы государственной власти и органы местного самоуправления должны непременно бороться с данным явлением, которое подрывает основу демократии. Однако каждый человек должен помнить о том, что,

игнорируя возможность реализации своего избирательного права, он позволяет усидеть на месте не квалифицированному и коррумпированному бюрократу, прокладывающему путь к авторитаризму.

Как же заставить население участвовать в выборах? Наверно, данный вопрос становится одним из самых актуальных после подведения их итогов. На сегодняшний день из средств массовой информации все чаще можно услышать о том, что выборам необходимо придать статус праздника. Несмотря на то, что это серьезный день в жизни страны, города, района, предполагается, что его нужно сопровождать развлекательными мероприятиями, парадами, концертами. Положительным также считается появление самих кандидатов в избирательных участках, общение с населением. Актуальным остается поощрение подарком человека, который пришел на избирательный участок первым. К примеру сказать, избирателям- «дебютантам» дарят Конституцию Российской Федерации, ручки, блокноты, альбомы для фотографий, книги. Необычный подарок преподнесла комиссия Калтасинского район Республики Башкортостан. Они презентовали первой избирательнице гуся в корзине.

Однако, «метод пряника» не всегда реализуется в полном объеме, считает ряд ученых, и, когда абсентеизм нарастает с каждым годом все больше, встает вопрос о принятии радикальных мер. Речь идет о введении определенных санкций за уклонение от участия в выборах. Изучив зарубежную практику, можно привести в пример Италию, Германию, Австрию, Кипр, Люксембург, где за неучастие в выборах, граждане облагаются штрафом в размере от 25 евро до 70 евро. Гражданин Бельгии, за систематическое нарушение своего права, помимо штрафа, может быть лишен избирательного права на 10 лет. Примерами еще более радикальной системы являются Пакистан, Турция, Египет, где наряду со штрафом могут быть назначены каторжные работы, нарушитель может подвергаться уголовному преследованию или вообще ему может грозить тюремное заключение[3]. Разумеется, процент зарегистрированных избирателей в указанных странах всегда очень высокий. Вдобавок, среди ученых, существует мнение о том, что, возможно стоит ввести имущественный или социальный ценз для участия в голосовании[6]. Жестоко и неправомерно покажется читателю? «Честно и без принуждения», - ответят они. Однако, не нужно забывать, что для них избирательное право является обязанностью, а не правом, как у нас в Российской Федерации. Поэтому для нашего правового государства применение таких радикальных мер недопустимо во избежание подрыва основ института демократии.

Избирательное право должно оставаться правом, согласно Конституции Российской Федерации. Необходимо воспитывать политическую культуру населения, политическую заинтересованность, а также заинтересованность в судьбе своего государства, города, района и желание внести вклад в их развитие. Ко всему сказанному, также учить молодежь уметь свободно мыслить, быть ответственными за свой выбор. Разумеется, не нужно забывать о совершенствовании средств агитирования и информирования.

Таким образом, эффективная борьба с абсентеизмом, совершенствование института демократии, воспитание политической культуры каждого, в конце концов, приведут к удовлетворению интересов как государственных органов и органов местного самоуправления, так и всего населения.

Список литературы

1. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. — М.: Юрид. лит., 2002. — 432 с.
2. Мартынов С.А. Муниципальные выборы как фактор демократизации политического процесса. Автореф. дис...кандид. политич. наук. М., 2000
3. Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2005.
4. Социологический словарь // [Электронный ресурс] URL: <http://bizdel.ru/dict.html/>
5. Федеральный Закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан российской Федерации» от 12 июня 2002 года.
6. Шоладеми С. Как заставить народ ходить на выборы? За невяку-беспощадно штрафовать // [Электронный ресурс] URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/sholademi/1351754-echo/>

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСТАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рахматуллина Р.Ф., Аминов И.Р.

Башкирский государственный университет, г.Уфа

Муниципальные правовые акты являются правовой формой управления в органах местного самоуправления. Они являются общеобязательными на территории определенного муниципалитета. Среди таких правовых актов, особого внимания заслуживает устав муниципального образования, как базового документа местного самоуправления, в котором закрепляется правовой статус муниципального образования в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

В соответствии с ч.1 ст.43 Федерального закона от 06.10. 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в систему муниципальных правовых актов входят:

- 1) устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан);
- 2) нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования;
- 3) правовые акты главы муниципального образования, местной администрации и иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования[1].

Исходя из норм закона, очевидно, что законодатель наделяет высшей юридической силой и устав муниципального образования, и правовые акты, принятые на местном референдуме. Однако, на практике и в научной литературе устоялось мнение о том, что устав имеет юридический перевес по отношению к иным правовым актам. Чем это можно объяснить? Во – первых, в литературе до 2003 года, посвященной вопросам правовой природы муниципальных правовых актов, подчеркивалось, что устав муниципального образования обладает высшей юридической силой на территории муниципального образования по отношению к другим муниципальным правовым актам. Такое суждение было связано с тем, что в Федеральном законе от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не было специальной статьи, посвященной системе муниципальных правовых актов. Не было сделано оговорок о юридической силе решений, принятых непосредственно населением [3]. Данный пробел был восполнен и урегулирован в новом Законе. Следует отметить, что на уровне законодательства субъектов, вопрос о юридической силе устава муниципального образования определен весьма конкретным образом. К примеру, Закон Республики Башкортостан «О местном самоуправлении в РБ» предусматривает, что систему муниципальных правовых актов возглавляет устав муниципального образования [4, ст. 3].

По данному вопросу, полагаем необходимо согласиться с В.И. Васильевым, который пишет, что «устав обладает высшей юридической силой по отношению к другим стандартам, принятым органами местного самоуправления. Устав должен предопределять то, что другие акты муниципального образования должны отходить от него, как от основного ствола «правового дерева» местного самоуправления [6, с. 327].

Во – вторых, особый порядок принятия устава муниципального образования. Данный правовой акт принимается двумя способами: представительным органом и сходом граждан. Следовательно, мы можем констатировать, что устав муниципального образования является отражением воли и решения самого населения, граждан, проживающих в данном муниципалитете.

В-третьих, устав муниципального образования, его пересмотр и поправки к нему подлежат государственной регистрации в порядке, установленном Федеральным законом от 25 июня 2005 года № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» [2].

Решения, принимаемые представительными органами муниципального образования по вопросам своего ведения и лица, обладающие правом издавать правовые акты не должны противоречить уставу. «Необходимо помнить об умении расставлять приоритеты в действиях, в основе которого лежит верховенства права» [6, с. 326].

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что устав муниципального образования обладает высшей юридической силой на территории муниципального образования.

Несмотря на то, что основы правового регулирования организации местного самоуправления в Российской Федерации были заложены такими правовыми актами, как Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 года № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации», одноименными Федеральными законами от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ и от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», до сих пор нет легального определения понятию устава муниципального образования. В

литературе можно встретить различные определения. В основном термин раскрывают через призму юридических его свойств. К примеру, «устав муниципального образования - нормативный правовой акт муниципального правотворчества, определяющий основы статуса муниципального образования, издающий представительный орган местного самоуправления самостоятельно или непосредственно с населением» [8, с.4]. Или же «уставом муниципального образования - является учредительным акт местного управления, действующий на строго ограниченной территории, которая определяет предметы ведения местного самоуправления; территориальное устройство, статус органов местного самоуправления, порядок их формирования и взаимодействия, и их полномочия и обязанности, правовые экономические и финансовые основы их деятельности; форм прямого волеизъявления населения муниципального образования; других конкретных вопросов местного самоуправления» [7, с. 270].

Бесспорно, данные определения можно взять за основу при законодательном его закреплении. В связи с чем, нам представляется, что необходимо внести дополнение в статью вторую Федерального закона № 131-ФЗ в виде определения понятию устава муниципального образования со следующим содержанием: «устав муниципального образования - муниципальный правовой акт высшей юридической силы, действующей на всей территории муниципального образования, который закрепляет и регулирует наиболее важные вопросы организации и осуществления местного самоуправления в конкретном муниципалитете».

Говоря о юридических свойствах устава муниципального образования, нами было отмечено, что верховенство в системе муниципальных правовых актов принадлежит данному акту.

Во- вторых, распространение юрисдикции устава на всю территорию муниципалитета.

В- третьих, в уставе содержатся вопросы всеобъемлющего характера, основы упорядочивания правоотношений, возникающих на территории муниципального образования.

В - четвертых, это особый субъект, от имени которого принимается устав муниципального образования. В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации, единственным носителем и источником власти в России является ее многонациональный народ. Население муниципального образования, как часть народа, является, соответственно, единственным источником и носителем власти на территории данного муниципального образования.

Федеральным законом установлено, что население осуществляет свою власть непосредственно и (или) через органы местного самоуправления. При этом население формирует органы местного самоуправления, которые в последующем, принимая различные управленческие решения, выраженные, в том числе, в форме муниципальных правовых актов, действуют от имени и в интересах населения муниципального образования [5, с.16].

Представительный орган муниципального образования, сформированный населением, действует от его имени, а в малочисленных поселениях население принимает устав самостоятельно, от своего имени.

Таким образом, устав муниципального образования имеет свойственные только ему юридические особенности и черты: а) верховенство в системе правовых актов муниципального образования; б) высшая юридическая сила на территории муниципального образования; в) особый субъект, от имени которого принимается устав муниципального образования; г) особый порядок принятия устава муниципального образования, его пересмотра и внесения поправок; д) всеобъемлющий характер регламентации муниципально - правовых отношений, возникающих на территории муниципального образования.

Вопрос о правовой природе устава муниципального образования продолжает оставаться актуальным. Необходимо внести поправки и дополнения в действующее законодательство по поводу юридической силы и закрепления определения термина «устав муниципального образования». Говоря о значимости данного нормативно-правового акта, можно сравнить ее с «местной Конституции» так, как подобно конституционному акту, устав муниципального образования имеет универсальный, всеохватывающий характер правового регулирования, затрагивающий все стороны жизнедеятельности муниципального образования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10. 2003 г № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 04.10.2014.) // «Российская газета», № 202, 08.10.2003 г.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципального образования» (в ред. от 21.11.2011) // «Парламентская газета», № 136-137, 05.08.2005.
3. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», № 35, 28.08.1995. Ст. 3506.

4. Закон Республики Башкортостан от 18 марта 2005 г. № 162-з «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» // «Республика Башкортостан», № 52(25785), 22.03.2005. Ст. 3.
5. Абдулина С. И., Аминов И. Р. Формы непосредственной демократии в местном самоуправлении: проблемы теории и практики. Сб. ст. по материалам XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. «Вопросы современной юриспруденции» Новосибирск. Изд. «СибАК», 2014. -
6. Васильев В.И. Муниципальное право России: Учебник (2-е издание, переработанное и дополненное) М.: Юстицинформ, 2012. - 680 с.
7. Сикайло А.В. Устав муниципального образования как нормативно-правовой акт: правовая природа и особенности реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.- 9 с.
8. Тихомиров Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2002. – 890 с.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Кузнецов А.А., Новопашина Е.В.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

По мнению исследователей, статья 27 Конституции РФ утверждает два разных основных права, защищающих свободу передвижения, которые отличаются в их отношении к территории РФ: если часть 1 защищает полную свободу передвижения в пределах государственной территории, то закрепленная в части 2 свобода выезда обеспечивает защиту свободы передвижения и вне государственной территории, ограниченную действием российских законов.

Представляется, что в статье 27 Конституции РФ провозглашаются субъективные личные права, которые предопределяют комплексное конституционное право на свободу передвижения, в содержании которого все права взаимосвязаны и могут рассматриваться как единое целое.

Комплексный характер права на свободу передвижения позволяет: 1) выразить через его нормативное содержание разные функциональные возможности данного права; 2) разграничить составляющие его права по критерию территориальных пределов реализации; 3) выявить тесную взаимозависимость внутри каждой группы личных прав, его составляющих; 4) определить, что для осуществления свободы передвижения не требуется реализации всей совокупности правомочий, входящих в его нормативное содержание.

Свобода передвижения на территории РФ распространяется на граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства. Вместе с тем Конституция РФ не имеет целью гарантировать гражданину иностранного государства (лицу без гражданства) права на въезд, проживание и пребывание на территории РФ. Речь идет лишь о лицах, которые законно находятся на территории РФ. В отличие от иностранных граждан проживание и пребывание граждан РФ на территории РФ всегда носит законный характер. Пребывание и проживание иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ считается законным до тех пор, пока соблюдаются условия въезда, пребывания и проживания, установленные Российской Федерацией; в случае их нарушения возможна утрата статуса законного пребывания и проживания, что, в свою очередь, влечет утрату свободы передвижения на территории РФ.

Действительно, на первый взгляд свобода передвижения имеет законный характер происхождения. Однако Конституция РФ закрепляет свободу передвижения в качестве основного права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В принципе свободу передвижения можно было и не закреплять в статье 27, достаточно статей 2, 17 и 55 Конституции РФ, в которых гарантируется в том числе и свобода передвижения как основное право человека. Если предположить Конституцию РФ без статьи 27, то можно было бы сказать, что в России гарантируется свобода передвижения гражданам РФ и законно находящимся на ее территории иностранным гражданам и лицам без гражданства. В данном случае речь идет не о законности реализации права на свободу передвижения в пределах РФ, а о законности нахождения на территории государства, связанного с институтом гражданства, которое в силу статьи 6 Конституции РФ приобретает в соответствии с федеральным законом.

Право на свободу передвижения составляет часть свободы самоопределения личности, является одним из главных элементов в системе личных прав и свобод человека и в качестве гарантированного государством личного права, элементом конституционно-правового статуса человека и гражданина в РФ. [3, с. 387]

Следует обратить внимание на то, что место жительства как один из компонентов права на свободу

передвижения человека и гражданина участвует в качестве меры одного из важнейших конституционных принципов. Анализ положений части 2 статьи 19 и статьи 27 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что место жительства как критерий конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина включает в себя и место пребывания. Можно сказать, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо и от его места пребывания. [2, с. 17]

При рассмотрении права на свободу передвижения в качестве права человека и права гражданина, можно сказать, что право на свободу передвижения гражданина по сути не отличается от права на свободу передвижения человека, так как право на свободу передвижения является основным правом человека, принадлежит всем и каждому, а значит, и гражданам государства тоже. Право на свободу передвижения человека, существующее независимо от государственного признания, признанное государством и гарантированное в Основном Законе страны, становится конституционным правом на свободу передвижения гражданина. В то же время, например, такой компонент права на свободу передвижения, как беспрепятственное возвращение на родину, в Конституции РФ гарантируется только гражданам РФ.

С теоретической точки зрения право на свободу передвижения человека не имеет территориальных границ государства, а право на свободу передвижения гражданина, гарантированное Основным Законом страны, ограничено территорией этого государства. Таким образом, право на свободу передвижения гражданина – это гарантированное государством естественное право на свободу передвижения человека. При этом отличие права на свободу передвижения человека от права на свободу передвижения гражданина усматривается в том, что защита права на свободу передвижения человека обеспечивается как внутригосударственными, так и международно-правовыми средствами, а защита права на свободу передвижения гражданина осуществляется только внутригосударственными средствами. [1, с. 23]

Правовая природа права на свободу передвижения человека в своей основе носит неотъемлемый и неотчуждаемый характер. Вмешательство государства в частную жизнь человека должно быть минимальным и происходить при определенных условиях. Индивидуальная свобода человека предполагает невозможность незаконного насильственного вмешательства государства в частные стороны жизни человека, а также гарантирует их охрану.

Право на свободу передвижения человека является неотъемлемой и неотчуждаемой частью свободы личности и присуща всем людям независимо от их гражданского состояния. Право на свободу передвижения человека в качестве одного из основных прав свободы личности составляет стержень права на свободу передвижения гражданина. Поэтому ограничения права на свободу передвижения гражданина не должны затрагивать сути права на свободу передвижения человека, которая заключается в практической осуществимости данного права. [4, с. 44]

Таким образом, право на свободу передвижения имеет комплексный характер, нормативное содержание которого составляют следующие правомочия: 1) свободное перемещение на территории РФ; 2) свободное пребывание и проживание на территории РФ; 3) свободный выезд за пределы РФ; 4) возможность переезда на жительство в другую страну; 5) возможность беспрепятственного возвращения в Россию граждан РФ. На основе перечисленных правомочий формируются относительно самостоятельные субъективные личные права, которые являются элементами свободы передвижения и определяют ее нормативное содержание.

Конституционно гарантированное право на свободу передвижения имеет экономическую направленность и состоит из относительно самостоятельных личных прав, которые можно разделить на две основные группы по критерию территориальных пределов реализации: права, реализующиеся в пределах РФ (право на свободное перемещение, право на жительство и право на выбор места жительства, право на пребывание и выбор места пребывания); права, реализация которых выходит за пределы РФ (право на свободный выезд и на беспрепятственное возвращение). Критерий территориальных пределов реализации права на свободу передвижения предопределяет для каждой группы личных прав взаимозависимость, собственное законодательное регулирование и допустимые ограничения. [5, с. 37]

Список литературы

1. Алешкова И.А., Конюхова И.А. Право на свободу передвижения и законодательство РФ: актуальные проблемы теории и практики // Государство и право. 2006. № 1.
2. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом РФ. М., 1995.
3. Дедок М.Ю., Мальков А.Б. Свобода передвижения и выбора места жительства: законодательство и практика // Адвокат. 2001. № 10.
4. Кононов А. Конституционный принцип свободы передвижения и практика Конституционного Суда РФ //

Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2(35). Кононов А. Конституционный принцип свободы передвижения и практика Конституционного Суда РФ // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2(35).

5. Шейнин Х. Свобода передвижения: законодательство и решения Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 1(26).

О РЕЗЕРВАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ларькина А.П.

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г.Саранск

Современное реформирование организации местного самоуправления свидетельствует о продолжающемся совершенствовании данного уровня публичного властвования и, конечно же, о наличии серьезных проблем в этой области. Обсуждение и выработка соответствующих мер по их преодолению осуществляется на самом высоком уровне.

Старт очередным новациям дал Президент РФ В.В. Путин, который в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2013 года отметил, что в «... системе местного самоуправления накопилось немало проблем». Одной из важных, по его мнению, является несбалансированность объема ресурсов и ответственности муниципалитетов. В связи с чем, важнейшей задачей становится - «уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово самостоятельной власти на местах»⁶.

Позже был подготовлен проект закона о внесении изменений в действующий закон о местном самоуправлении, который получил широкое обсуждение специалистами. По итогам его обсуждения поступило около 500 предложений, и в половине из них «предлагается опустить местное самоуправление с уровня городских округов и муниципальных районов на уровень внутригородских районов и поселений, а горсоветы формировать из делегатов от внутригородских районов». Высказывались также предложения об отмене самой возможности прямых выборов глав городов⁷.

Обзор научной литературы по вопросам современного состояния местного самоуправления в Российской Федерации содержит достаточно жесткую критику местного самоуправления. В частности, Прудентов Р.В. пишет: «В настоящее время становится очевидным кризис местного самоуправления в России»⁸. Констатируется проблема неопределенности в распределении некоторых полномочий между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями⁹.

Выше приведенные утверждения опираются на анализ деятельности органов местного самоуправления и, очевидно, имеют под собой основу. Вместе с тем, следует признать, что в существующей системе местного самоуправления заложен значительный потенциал, пока еще до конца не востребованный на практике.

В своей совокупности указанные проблемы порождают стремление к реформированию и поиску наиболее приемлемой организации местного самоуправления.

Подтверждением поиска оптимального варианта организации местного самоуправления явились изменения, внесенные в мае 2014 г. законодателем в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰. Общая направленность указанных изменений сводится к тому, чтобы перераспределить полномочия и ответственность муниципалитетов, приблизить местную власть к населению.

К сожалению, за истекший период действия Федерального закона о местном самоуправлении в России население так и не стало главным субъектом местного самоуправления, как это планировалось законодателем изначально. Более того, в реально построенном на новых принципах самоуправления главными субъектами фигурируют органы местного самоуправления и их должностные лица. Участие населения в реализации

⁶ Российская газета. 13.12.2013. № 282.

⁷ Реформа местного самоуправления пойдет через Волгоград // Коммерсантъ. №5. 17.01.2014. С.1.

⁸ Прудентов Р.В. Проект рамочной программы реформ в сфере местного самоуправления в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 64.

⁹ См., например: Малая Т.Н. Правовой режим скотомогильников, расположенных на территории Мордовии // Социально-политические науки. 2012. № 3. С.82-83.

¹⁰ Федеральный закон от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. Ст. 2770.

публичной власти на муниципальном уровне преимущественно сводится к формированию представительного органа местного самоуправления или же формальному участию в консультативных процедурах, например, таких как публичные слушания.

Реальное участие народа в осуществлении муниципальной власти, прежде всего, способствует преодолению отчуждения органов местного самоуправления от населения. Так как граждане непосредственно участвуют в механизме разработки, принятия и реализации решений по вопросам жизнеобеспечения. Кроме того, повышается роль самих граждан в решении вопросов местного значения, они включаются в каждый этап управленческого процесса, приобретая возможность влиять на содержание решений, их выполнение, контроль за таким выполнением. В результате становится достижимой и цель формирования местного сообщества с характерными для него сплоченностью граждан, осознанием ими общности интересов и решаемых задач.

В этой связи хочется обратить внимание законодателя и общественности на особый уровень самоуправления, потенциал которого до конца не востребован практикой. Имеется в виду такая форма непосредственной демократии на муниципальном уровне как территориальное общественное самоуправление¹¹.

В специальной литературе территориальное общественное самоуправление не рассматривается как одна из организационно-правовых форм общественного объединения¹². Это может свидетельствовать о том, что данная самоорганизация граждан по месту жительства выходит за рамки объединения в смысле статьи 30 Конституции РФ и воспринимается как особая форма представительства, призванная реализовывать публичный интерес жителей на определенной территории. Публичная значимость территориального общественного самоуправления не меняется от того, что эта самоорганизация граждан может быть зарегистрирована в форме некоммерческой организации.

Само определение территориального общественного самоуправления, содержащееся в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», свидетельствует о предназначении территориального самоуправления. Статья 27 Закона гласит: «Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» (ред. от 27.05.2014 г.)¹³.

Из определения следует два важных положения. Во-первых, самоорганизация жителей осуществляется по территориальному признаку, во-вторых, инициативная деятельность осуществляется «по вопросам местного значения». Иными словами, это деятельность во благо населения, она носит публично-значимый характер. Придание территориальному общественному самоуправлению (ТОСам) статуса юридического лица дает им дополнительные возможности, связанные с их финансированием из бюджетных и иных источников. Все это свидетельствует о значительном потенциале данного вида самоорганизации граждан.

Территориальное общественное самоуправление имеет собственные органы, которые избираются на собраниях или конференциях граждан, проживающих на соответствующей территории. Оно имеет собственный устав, утверждаемый уполномоченным органом местного самоуправления и регистрируемый в порядке, определяемом уставом муниципального образования и нормативными правовыми актами муниципального образования.

Закон определяет и исключительные полномочия собрания, конференции граждан, участвующих в деятельности территориального общественного самоуправления. Все это дает основания считать эту форму самоорганизации жителей низовым уровнем публичного властвования. Наряду с иными формами, она позволяет решать многие вопросы организации жизни, особенно в сельских поселениях, прививает гражданам навыки самостоятельного решения возникающих проблем. Для органов местного самоуправления гораздо удобнее иметь дело с организованными гражданами, чем с индивидуальными просителями.

К сожалению, во многих муниципалитетах эта форма самоуправления не востребована, в иных она слишком формализована и не позволяет раскрыть в полной мере ее потенциал.

Полагаем, что территориальное общественное самоуправление еще проявит себя как важная составная часть местного самоуправления, а реализация ее возможностей позволит решить многие вопросы организации жизни в городских и сельских поселениях.

¹¹ В свое время нам приходилось обращаться к этому вопросу. См.: Ларькина А.П. Органы территориального общественного самоуправления. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992.

¹² Мальев А.Ф., Мальев Д.А., Уткин Р.В. Общественное объединение как форма реализации права на объединение. – Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2009. 232 с.

¹³ Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Территориальное общественное самоуправление может стать той первичной ячейкой организованных граждан, которая сможет решать не только хозяйственные проблемы (благоустройство поселений, ремонт объектов инфраструктуры), но и стимулировать предпринимательскую деятельность, решая проблему занятости населения в отдаленных поселениях.

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО – ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Курячая М.М., Воробьева Е.И.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Идеальным общественным устройством во все времена считалось такое, где царят разум, свобода, благополучие и справедливость, равенство всех, а также такое, где гражданское общество принимает активное участие в формировании общественных ценностей средствами права и закона. Гражданское общество представляет собой совокупность отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать[2].

Основы конституционного строя России содержат начала деятельности гражданского общества. Его самостоятельность основана на принципах народного суверенитета, многообразия форм собственности, свободы экономической деятельности, идеологического многообразия, политического плюрализма и многопартийности. Конституция Российской Федерации реализует эти принципы через конкретные права и свободы, направленные на достижение стоящих перед гражданами и их объединениями целей, защиту законных интересов, ограничения вмешательства государства в проявления активных позиций гражданского общества.

Одним из важных элементов проявления позиций гражданского общества в Российской Федерации является создание гражданами на основе объединения и самоорганизации общественных организаций. Конституция РФ в статье 30 закрепляет право граждан Российской Федерации на их создание: каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Согласно статье 13 Конституции РФ все общественные объединения равны перед законом; создание и деятельность общественных объединений, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а также подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, запрещено.

Интересную концепцию социально-антропологического содержания деятельности общественных объединений выдвигает С.А. Абакумов [1]: граждане никогда не станут по доброй воле объединять свои усилия для продвижения проекта, который не сулит им ни материальной отдачи, ни морального удовлетворения. Это значит, что независимые организации и общественные объединения по определению заняты конкретными делами, отвечающими реальным запросам их участников. Здесь царят опыт практической работы, прагматизм и сотрудничество. Здесь идеи проходят проверку делом, и те из них, что оказались эффективными, становятся основой общественной консолидации. Так формируются жизнеспособные, нацеленные на динамичное развитие структуры гражданской самодеятельности. Обслуживая реальные интересы и потребности россиян, они «укореняют» общество в почве насущной действительности. Лишь твердо стоя обеими ногами на этой почве, власть может рассчитывать на уважение граждан и уверенно прокладывать курс России в будущее. Иными словами, государство насущно нуждается в становлении гражданского общества для успеха проводимой им модернизации.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 19.05.1995г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. Согласно статье 7 указанного Закона общественная организация является одной из организационно правовых форм общественного объединения наряду с общественным движением, общественным фондом, общественным учреждением, органом общественной самодеятельности и политической партией.

Членами общественной организации в соответствии с ее уставом могут быть физические лица и юридические лица – общественные объединения, если иное не установлено рассматриваемым Законом и

законами об отдельных видах общественных объединений. Общественными организациями являются профсоюзы, культурные, научные, просветительские, спортивные общества и др.

Отличительной чертой общественной организации является фиксированное членство, оно допускает вхождение в нее как физических лиц в индивидуальном порядке, так и юридических лиц – иных общественных объединений.

Свобода гражданского общества проявляется и в порядке создания общественных организаций в России. Они считаются созданными не с момента государственной регистрации, а с момента принятия решения об их создании на конференции или общем собрании учредителей. Государственная регистрация требуется лишь для приобретения прав юридического лица.

Государственная регистрация предоставляет общественной организации дополнительные права и преимущества. Только зарегистрированная в установленном порядке общественная организация вправе: рассчитывать на защиту со стороны государства своих законных интересов; участвовать в выборах и референдумах (если продекларировала такое право в своем уставе); учреждать средства массовой информации; защищать свои интересы в суде; участвовать в гражданском обороте с правами юридического лица.

При создании общественной организации необходимо определить территориальную сферу ее деятельности. Местные общественные организации существуют в пределах территории муниципального образования. В случае если общественная организация будет осуществлять деятельность в пределах одного субъекта РФ, то она будет зарегистрирована как региональная, если филиалы, представительства или отделения общественной организации будут действовать на территории двух или более (но менее половины) субъектов России, то соответственно создается межрегиональная общественная организация. Возможно создание также общероссийской или международной организаций, для этого необходимо иметь структурные подразделения (организации, отделения или филиалы и представительства) на территории более половины субъектов Российской Федерации или на территориях как минимум двух государств соответственно. Территориальная сфера деятельности обязательно указывается в наименовании общественного объединения любой организационно-правовой формы.

Согласно части 3 статьи 48 Гражданского кодекса РФ учредители (участники) общественной организации не имеют имущественных прав, наряду с членами религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов, объединений юридических лиц (ассоциаций и союзов).

Высшим органом управления в общественной организации всегда является общее собрание членов организации или конференция делегатов от региональных отделений. Только высший орган полномочен решать такие вопросы как изменения в учредительные документы (устав), определение основных направлений деятельности, смена руководителя, а также реорганизация или ликвидация общественной организации. Постоянно-действующий руководящий орган, который действует в промежутках между общими собраниями, и решает остальные вопросы деятельности организации, не относящиеся к исключительной компетенции высшего органа управления, может называться по-разному – правление, президиум или, к примеру, совет. Название в данном случае не играет никакой роли, при этом функции и значимость исполнительного органа остаются неизменными. Текущим руководством общественной организацией занимается руководитель правления (президиума, совета или др.). Как и в случае с исполнительным органом, руководителем может быть президент, председатель или директор. Для общественных организаций обязательно должна присутствовать должность ревизора или специальный орган – ревизионная комиссия. Исполнительный орган организации, а также его руководитель и ревизор (ревизионная комиссия) избираются из числа членов общественной организации на определенный срок. Возможно создание дополнительных органов, например, попечительского совета.

Действующий на постоянной основе руководящий орган является выборным коллегиальным органом, который подотчетен съезду (конференции) или общему собранию. Высший руководящий орган общественной организации – съезд (конференция) или общее собрание. В случае государственной регистрации общественной организации ее постоянно действующий руководящий орган осуществляет права юридического лица от имени общественной организации и исполняет ее обязанности в соответствии с уставом (статья 8 Закона об общественных объединениях).

Для любой общественной организации ее устав выступает своего рода конституцией общественной организации, который включает в себя цель, структуру, права и обязанности членов, а также источники формирования бюджета общественной организации и другие положения, отраженные в статье 20 Закона об общественных объединениях.

Согласно статье 17 Закона об общественных объединениях вмешательство общественных организаций в деятельность государственных органов не допустимо, равно как и вмешательство государственных органов власти в деятельность общественных организаций. Взаимодействие общественных организаций и органов

государственной власти должно происходить только на основании волеизъявления всех заинтересованных сторон. Для решения проблемы, поднятой общественной организацией, и активного участия в её решении государственных структур необходимо соблюдать высокий уровень прозрачности и подотчётности.

Список литературы

1. Абакумов С.А. Гражданское общество и государство в России: реалии и перспективы развития и взаимодействия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nogo.ru/articles/abak5.doc>.
2. Заславская Т.И. Инновационный потенциал России и проблемы гражданского общества / Под общ. Ред. Т.И. Заславской. М., 2003. С. 79-80.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Трубицына Т.А.

Юридический Институт Томского Государственного Университета, г.Томск

Избирательная система как правовая категория является неотъемлемой частью жизни современного общества и представляет собой совокупность установленных законом правил, принципов, с помощью которых определяются результаты голосования, а так же принцип организации избирательных округов и способ распределения депутатских мандатов между кандидатами в зависимости от результатов голосования. В мировой практике известно множество избирательных систем, однако наибольшее распространение получили базовые избирательные системы: мажоритарная и пропорциональная.

На сегодняшний день можно говорить о существовании смешанной избирательной системы, при которой часть мандатов в представительный орган власти распределяется по мажоритарному принципу, а часть – по пропорциональному. Однако, вопрос о выделении смешанной избирательной системы является спорным.

По мнению Мишина А.А. категорию "смешанная избирательная система" целесообразно понимать в широком и узком смысле. Так широкий подход означает параллельное использование различных систем. В свою очередь узкое толкование предполагает сочетание элементов различных систем выборов при доминировании одной из них.

Белоновский В.Н. оперирует категорией «смешанная избирательная система» исключительно в рамках пропорциональной избирательной системы. В свою очередь систему, используемую при формировании Государственной Думы в 1993 – 2003 гг. автор именует полосной, поскольку по его мнению функционировали два самостоятельных типа избирательных систем.

Другими учеными (Автономов А.С., Малый А.Ф., Чиркин В.Е.) отрицается сама типологическая разновидность смешанной избирательной системы. Авторы отмечают, что необходимо использовать термин «комбинирования» мажоритарной и пропорциональной избирательных систем.

Ряд ученых говорят о смешанной системе как о самостоятельном виде избирательной системы, при котором распределение мандатов происходит в соответствии с мажоритарными пропорциональными принципами.

Кроме того, по их мнению, существуют и разновидности смешанной избирательной системы: связанная смешанная и несвязанная смешанная избирательные системы. Связанная смешанная избирательная система представляет собой систему, при которой распределение мест по мажоритарной составляющей зависит от результатов выборов по пропорциональной составляющей. В этом случае кандидаты в мажоритарных округах выдвигаются политическими партиями, участвующими в выборах по пропорциональной системе. Мандаты, полученные партиями в мажоритарных округах, распределяются в зависимости от результатов выборов по пропорциональной системе. Таким образом, при смешанной связанной системе получение мест по одной из составляющей происходит с учетом результатов по другой. Смешанная связанная избирательная система применяется в Германии на выборах в Бундестаг.

Смешанная несвязанная система выборов предполагает распределение мандатов по мажоритарной системе и никак не зависит от результатов выборов по пропорциональной системе. Такая избирательная система применялась на выборах в Государственную Думу Российской Федерации до 2003 года и в соответствии с Федеральным Законом от 22.02.2014 года будет применена при формировании Государственной Думы седьмого созыва.

В настоящее время смешанная избирательная система является распространенным правовым явлением и применяется на выборах в представительный (законодательный) орган власти во многих странах.

Основным достоинством смешанной избирательной системы является возможность одновременного партийного представительства и представительства территорий в представительном (законодательном) органе власти. Избиратель имеет возможность выбора как конкретной политической программы, путем голосования за партийный список, так и конкретного кандидата, выдвинутого на определенной территории. Кроме того, смешанная система обеспечивает принцип равенства голосов избирателей, пропорциональность распределения мандатов между партиями в соответствии с числом полученных голосов. Данная избирательная система стимулирует процесс становления и развития парламентской многопартийности. Важным преимуществом такой избирательной системы является и возможность реализации пассивного избирательного права для беспартийных гражданами, путем самовыдвижения. Использование пропорциональной составляющей смешанной избирательной системы позволяет создавать в выборном представительном (законодательном) органе фракции, образованные депутатами, избранными в составе определенных партийных списков, что обеспечивает их более слаженную работу.

Однако, баланс между мажоритарной и пропорциональной составляющей смешанной избирательной системы не является безусловным. Наличие двух компонентов смешанной системы выборов не устраняет всех недостатков. Так единоличная деятельность депутатов избранных по мажоритарной системе является крайне затруднительной, что обуславливает необходимость их присоединения к какой-либо существующей партийной фракции, а так же создание самостоятельных депутатских объединений. В результате возникает риск образования раздробленного парламента, где наряду с крупными фракциями существует множество относительно мелких депутатских объединений. В данной ситуации реального большинства лишаются как популярные партии, так и относительно малочисленные партии, что приводит к их вынужденному объединению в союзы, коалиции, зачастую состоящие из идеологических противников. Все это в совокупности затрудняет проведение голосования по важнейшим для страны вопросам, осложняя работу парламента как единого представительного органа власти.

Кроме того, при смешанной избирательной системе не удастся устранить риск искажения воли избирателей, что повышает вероятность возникновения ситуации, когда кандидат по одномандатному округу, набрав больше голосов по отношению к другим кандидатам, в совокупности не получит поддержки большинства избирателей. Применение мажоритарной системы абсолютного большинства способно устранить данный недостаток, однако одновременно приведет к необходимости повторного голосования, что в свою очередь увеличивает время и расходы на проведение избирательного процесса.

Применение смешанной избирательной системы при формировании представительного (законодательного) органа власти создает трудности реализации института отзыва депутатов. Избрание депутата по мажоритарной системе означает его ответственность перед избирателями в пределах конкретной территории, а соответственно и возможность применения процедуры его отзыва. В то же время при пропорциональной системе институт отзыва не применяется, так как избиратели голосуют в целом за партию, политическую программу. При смешанной системе применение отзыва депутатов также невозможно. Иное создает риск нарушения принципа равенства прав избранных депутатов, независимо от способа их избрания.

Таким образом, несмотря на наличие двух компонентов, пропорционального и мажоритарного, смешанная избирательная система, одновременно обладает достоинствами и недостатками. Поэтому ее применение в конкретном государстве при формировании представительного (законодательного) органа власти должно соответствовать реалиям политической жизни данной страны.

Список литературы

1. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] федер. закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Доступ из справ. правовой системы „КонсультантПлюс“.
2. Автономов, А.С. Сравнительное избирательное право: Учеб. пособие / А.А. Автономов, Ю.А. Веденеев, В.В.Луговой; Науч. ред. В.В. Маклаков. – М.: Норма, 2003. – 208 с.
3. Белоновский В.Н. Избирательное право: общая часть: Учебно-методический комплекс. – М.: Изд. центр ЕАОИ. 2008. –266 с.
4. Иванченко, А.В. Избирательная система Российской Федерации: новый этап развития / А.В.Иванченко // Журнал российского права. – 1998. – № 9. – С. 3 – 5.
5. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебник для вузов / С.А. Авакян, Л.Г. Алехичева, В.В. Альхименко и др.; Отв. ред. А.В. Иванченко. – М.: Норма, 1999. – 856 с.
6. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Под ред. А.А. Вешнякова. - М: Норма, 2003. -816 с

7. Избирательное право и процесс в Российской Федерации: учебное пособие / Макарецв А.А., Юсубов Э.С. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 328 с
8. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. - М.:Юстицинформ 2010.- 559 с.
9. Малый А.Ф. Смешанная избирательная система: существует ли она?// Российская юстиция. 2014. №6
10. Современные избирательные системы. Вып. 1: Великобритания, Канада, Мексика, Польша / Д.В. Лафитский, Н.М. Касаткина, А.Г. Орлов, Н.Ю. Трещетенкова. — М.: РЦОИТ: Норма, 2006. – 496 с.
11. Чиркин В.Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. N 6.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СООТНОШЕНИИ С МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМИ СТАНДАРТАМИ

Кузнецов А.А., Новопашина Е.В.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Право на свободу передвижения, являясь одним из основополагающих в системе прав и свобод личности, находит свое закрепление как во внутригосударственном, так и в международном праве.

Всеобщая декларация прав человека 1948 года является первой составляющей документа, подразделенного на три части; вторая и третья части Международного билля о правах человека были приняты Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года. Они включают два пакта – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах, к которому относятся также факультативные протоколы. В отличие от Декларации пакты являются юридически обязательными договорами для государств-участников.

Декларация прав человека, формулируя правосубъектность, подразумевает признание государством прав и свобод за каждым лицом.[1] Большое значение имеет слово «каждый»: это означает, что государство не может делать никакого различия между собственными гражданами, иностранцами или лицами без гражданства в вопросе предоставления им всех прав и свобод, которые они имеют по закону.

В соответствии с Декларацией прав человека каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства. Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее.[1]

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (далее – Международный пакт) каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежат в пределах этой территории право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства. Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную. Никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну.[3]

В соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства. Каждый свободен покинуть любую страну, включая свою собственную.[2]

Несмотря на содержащиеся в данных международных актах некоторые стилистические различия в формулировке права на свободу передвижения, существо данного права имеет единый смысл, не делая различия между терминами «право» и «свобода».

Поскольку понятие «каждый» подразумевает и человека, и гражданина, то право на свободу передвижения в Международном пакте и Европейской конвенции гарантируется не только гражданину, имеющему политико-правовую связь с государством, но и иностранному гражданину, лицу без гражданства с одним условием, а именно законного нахождения на территории государства.

Из положения Международного пакта о том, что никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою страну следует, что государство может лишить своего гражданина или иное лицо, имеющее правовую связь с этим государством, права на въезд, но только на законном основании. При этом Европейская конвенция и Конституция РФ не содержат аналогичного положения.

Изучение конституционного законодательства разных стран убеждает, что не существует значительного различия в интерпретации права на свободу передвижения человека и гражданина. При незначительных

различиях формулировки указанного конституционного права, нормативное содержание права на свободу передвижения с допустимыми ограничениями соответствует Международному пакту и Европейской конвенции.

Сравнительное сопоставление Конституции РФ и международных актов подтверждает, что нормативное содержание свободы передвижения, зафиксированное в частях 1 и 2 статьи 27 Конституции РФ, в целом согласуется с нормативным содержанием свободы передвижения, провозглашенной в статье 13 Всеобщей декларации прав человека, а также соответствует цели и содержанию статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированных Российской Федерацией.[4, с. 9]

Конституция РФ гарантирует каждому, кто законно находится на территории РФ, право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах всей территории РФ без учета границ между субъектами РФ. Следовательно, носителем права на свободу передвижения, т.е. субъектом права, является любой человек, который законно находится на территории РФ: граждане РФ, граждане иностранных государств и лица, не имеющие гражданства какого-либо государства.

Вместе с тем в отличие от части 1 часть 2 статьи 27 Конституции РФ прямо не указывает на то, что ее положение распространяется на тех лиц, кто законно находится на территории РФ, однако без законного нахождения на территории страны из нее невозможно свободно выехать. Таким образом, рассматривая части 1 и 2 статьи 27 Конституции РФ во взаимосвязи, полагаем, что правом на свободный выезд за пределы РФ обладает каждый, кто законно находится на ее территории; правом беспрепятственного возвращения в Российскую Федерацию обладают только граждане РФ. Несмотря на то что право на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию прямо в статье 27 Конституции РФ не гарантировано иностранным гражданам и лицам без гражданства, оно вытекает из международно-правовых стандартов, косвенно следует из статьи 62 Конституции РФ и регулируется законодательством. Таким образом, иностранные граждане, лица без гражданства, которые имеют законные основания проживания в РФ, обладают правом на беспрепятственное возвращение на ее территорию после выезда из РФ.

Конституция РФ признает, но не гарантирует лицу, если оно не является гражданином РФ, право на въезд в Российскую Федерацию, право на проживание или право на пребывание на ее территории. Данное положение Конституции РФ полностью согласуется с международно-правовыми актами, которые оставляют за государствами право разрешения на въезд иностранных граждан и лиц без гражданства.

В то же время Конституция РФ в отличие от Международного пакта и Европейской конвенции закрепляет как одну из форм реализации свободы передвижения право на выбор места пребывания и гарантирует гражданам РФ право на беспрепятственное возвращение.[4, с. 9]

Таким образом, Конституция РФ, опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, задает параметры гарантирования свободы передвижения в пределах РФ и устанавливает границы государственного вмешательства в реализацию права на свободу передвижения.[4, с. 9]

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в городе Риме 04 ноября 1950 года) (с изменяющими протоколами) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Международный Пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Чернышева О. Право на свободу передвижения: стандарты Совета Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2(35). С. 9.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Кудинов В.В.

Курганский государственный университет, г.Курган

Аннотация к статье: в статье рассматриваются особенности реализации пограничной политики Российской Федерации, ее место в обеспечении безопасности нашего государства. Выделены основные участники реализации

государственной пограничной политики и проанализированы их полномочия. Рассмотрены основные направления пограничной политики Российской Федерации в условиях Таможенного Союза и Содружества Независимых государств.

Ключевые слова: пограничная политика, государственная граница, государство, защита государственной границы, охрана государственной границы, пограничная безопасность.

Проблемы обеспечения пограничной безопасности занимают особое место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Именно в приграничном пространстве сопредельных государств формируется значительная часть угроз и вызовов безопасности России и нашим согражданам [4].

В основе любой политики, как известно, лежат определенные интересы. Государство стремится создать такие условия, которые позволяют в максимальной степени обеспечить перемещение через границу материальных и духовных ценностей в интересах личности, общества и государства и заключаются в создании и поддержании благоприятных условий для обеспечения территориальной целостности России, осуществления политической, социально-экономической и других видов деятельности на государственной границе и приграничной территории Российской Федерации, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации.

Они определяют направленность и содержание пограничной политики Российской Федерации и обеспечиваются пограничной деятельностью федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в сфере защиты и охраны государственной границы.

Государственная пограничная политика России обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения безопасности в пограничной сфере за счет реализации комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера.

Как следует из Основ пограничной политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 1996 г.) пограничная политика Российской Федерации направлена на обеспечение суверенитета, неприкосновенности и целостности территории, реализацию и защиту национальных интересов и безопасности Российской Федерации в ее пограничном пространстве. Она формируется на основе Конституции России, законов и других нормативно-правовых актов Российской Федерации, общепринятых норм и принципов международного права и реализуется посредством целенаправленной и скоординированной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и граждан в соответствии с их правами и полномочиями в этой сфере.

Составной частью пограничной политики Российской Федерации является подготовка и реализация совместно с заинтересованными государствами - участниками Содружества Независимых Государств мер по обеспечению национальной и коллективной безопасности на внешних границах Содружества [1].

Важнейшими предпосылками эффективности пограничной политики выступают справедливое межгосударственное разграничение, развитие международного сотрудничества, укрепление социально-экономической и духовной основы жизнедеятельности приграничных регионов Российской Федерации.

Пограничная политика Российской Федерации осуществляется в пограничном пространстве Российской Федерации, охватывающем государственную границу Российской Федерации, пункты пропуска через государственную границу и связанные с ними объекты внутри страны, приграничную территорию, воздушное пространство, трансграничные (пограничные) водные объекты, акватории территориального моря и внутренних вод, подводную среду, континентальный шельф и исключительную экономическую зону Российской Федерации.

Основные субъекты пограничной политики Российской Федерации - федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения, организации и граждане.

Основными направлениями пограничной политики Российской Федерации определены: совершенствование международно-правового оформления Государственной границы Российской Федерации; обеспечение пограничной безопасности Российской Федерации; развитие межгосударственного пограничного сотрудничества; обеспечение национальной и коллективной безопасности на внешних границах государств - участников СНГ; развитие социально-экономической и духовной основы жизнедеятельности приграничных регионов Российской Федерации; формирование и развитие системы научных знаний в области пограничной политики [1].

В реализации государственной пограничной политики участвуют законодательная, исполнительная и судебная власть. Очень важно, чтобы полномочия всех ветвей власти в данной области были строго разграничены и не дублировали друг друга [6].

На уровне общегосударственных органов управления обеспечение безопасности в пограничной сфере осуществляется на основе строгого разграничения их полномочий. К общегосударственному уровню полномочий принято относить: определение приоритетов в области защиты жизненно важных интересов страны в пограничном пространстве; разработку системы правового регулирования отношений в пограничной сфере; определение порядка

организации и деятельности органов обеспечения пограничной безопасности; осуществление контроля за кадровой политикой государственных органов в пограничной сфере.

К ведению высшего законодательного (представительного) органа Российской Федерации – Федерального Собрания относятся: ратификация и денонсация международных договоров и соглашений Российской Федерации по вопросам обеспечения ее безопасности в пограничном пространстве; вопросы статуса и защиты государственной границы Российской Федерации; заслушивание посланий Президента Российской Федерации, посланий Конституционного Суда Российской Федерации, выступлений Председателя Правительства Российской Федерации, руководителей федеральных органов исполнительной власти по вопросам обеспечения безопасности, в том числе в пограничной сфере; разработка по поднятым в них проблемам комплекса законодательных мер; определение размеров бюджетных ассигнований на финансирование органов обеспечения пограничной безопасности.

К полномочиям органов исполнительной власти относится исполнение законов и иных нормативных правовых актов, которые регламентируют правоотношения в пограничной сфере. Органы исполнительной власти организуют разработку и реализацию государственных программ обеспечения пограничной безопасности, осуществляют проведение мероприятий по реализации задач пограничной политики в пределах своих полномочий. В соответствии с законодательством они также по мере необходимости формируют, реорганизуют и ликвидируют государственные органы обеспечения пограничной безопасности.

Общее руководство государственными органами, обеспечивающими безопасность в пограничной сфере, осуществляет глава государства. Координирующая роль принадлежит Совету Безопасности Российской Федерации, который определяет стратегию обеспечения внутренней и внешней безопасности, контролирует и координирует деятельность государственных органов обеспечения безопасности, в том числе в пограничной сфере.

Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определенных законодательством, обеспечивает руководство государственными органами в пограничной сфере. Оно организует и контролирует разработку и реализацию мероприятий по обеспечению безопасности страны в пограничной сфере федеральными органами исполнительной власти, другими подведомственными ему органами.

Важнейшая роль в охране государственной границы страны принадлежит органам государственной власти приграничных субъектов Российской Федерации.

Составными элементами системы обеспечения безопасности Российской Федерации в пограничной сфере, наряду с федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, являются общественные объединения и граждане, участвующие в пограничной деятельности. Организацию и координацию этой деятельности осуществляет ФСБ России.

Сегодня в обеспечении безопасности в пограничной сфере участвуют около 30 органов государственной власти Российской Федерации. К государственной границе примыкает 45 пограничных регионов, где находятся порядка 250 органов местного самоуправления. Это обстоятельство требует четкого взаимодействия между субъектами пограничных отношений [6].

С целью формирования единой концептуальной основы пограничной политики государства была разработана и утверждена решением Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере [1].

В качестве законодательной инициативы Советом Федерации разработана новая, уже вторая по счету, редакция проекта федерального закона «О приграничном сотрудничестве». Принят ряд постановлений палаты, направленных на повышение эффективности пограничной политики. Большое внимание законодательному обеспечению пограничной безопасности уделяют и органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Тем не менее, проблемы обеспечения безопасности России в пограничном пространстве по-прежнему актуальны и требуют новых подходов, отвечающих современным требованиям, вызовам и угрозам. Приоритетные направления решения этих и других вопросов, в том числе в пограничном пространстве, отражены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537.

Считаем, что современные пограничные угрозы в большей степени носят внешний характер и эффективно противодействовать им, Россия сможет только совместно с сопредельными и другими заинтересованными государствами.

Как отметил Президент России, суверенное право России и наших партнёров выстраивать и развивать свой интеграционный проект должно быть надёжно защищено. Прошу здесь действовать в тесном контакте с вашими коллегами и партнёрами из Белоруссии, Казахстана и других стран, которые участвуют в тех или иных интеграционных процессах[5].

Международное сотрудничество по пограничным вопросам Россия осуществляет с 35-ю государствами. Особенно интенсивно оно развивается с Казахстаном, Таджикистаном, Болгарией, Венгрией, Германией и Японией. Укрепляются

пограничные контакты с Европейским союзом. Большой опыт взаимодействия накоплен с пограничной охраной Финляндии. Пограничные формирования России охраняют южную границу Армении, оперативные группы функционируют в Киргизии и Белоруссии.

В рамках СНГ создан и эффективно действует Совет командующих пограничными войсками. Расширяется сотрудничество береговой охраны ФСБ России с аналогичными структурами пограничных ведомств стран, расположенных в акваториях Балтийского, Черного и Каспийского морей, Тихого и Северного Ледовитого океанов.

Важным шагом в расширении пограничного сотрудничества в зоне Европейского союза могло бы стать присоединение России к Шенгенскому соглашению [2]. Россия понимает преимущества, которые этот международный акт дает ее гражданам, а также ответственность за надежную охрану государственной границы, соответствующую требованиям Шенгена. В настоящее время между Россией и Европейским союзом подписаны соглашения об упрощении визовых процедур для определенной категории граждан между Россией и Европейским союзом и о реадмиссии [6].

Дипломатические шаги в сфере межгосударственного пограничного сотрудничества направлены на реализацию долгосрочной стратегии пограничной безопасности России, суть которой заключается в адекватном реагировании на угрозы пограничной безопасности, типичные для современных государств и обусловленные глобальными вызовами, рисками и угрозами в пограничном пространстве.

В условиях глобализации особенно актуальным становится создание совместных с заинтересованными сопредельными государствами региональных зон пограничной безопасности по противодействию трансграничным угрозам.

По мнению Н.В. Шиловой, в рамках Союзного государства следует продолжить работу по гармонизации законодательства, регламентирующего вопросы пограничной безопасности. Речь идет об «уравнивании» уголовной и административной ответственности за одни и те же правонарушения в пограничной сфере в Российской Федерации и Республике Беларусь. Кроме того, целесообразно дальнейшее сближение и развитие законодательной базы, регулирующей общественные отношения, возникающие в сфере пограничной безопасности, между Федеральной службой безопасности России и пограничными ведомствами государств - участников СНГ. Для этого необходимо активизировать работу над модельным законодательством в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ [6].

Заместитель руководителя службы – руководитель Департамента пограничной охраны Пограничной службы ФСБ России отметил, что международное сотрудничество по пограничным вопросам Россия осуществляет с 37 государствами. Особенно интенсивно оно развивается со странами СНГ на уровне Совета командующих пограничными войсками государств - участников СНГ, Пограничного комитета Союзного государства и Совета по пограничным вопросам ЕврАзЭС. В соответствии с межгосударственными соглашениями пограничные органы ФСБ России охраняют южную границу Республики Армения, обеспечивают пограничную безопасность Абхазии и Южной Осетии. В решении задач по координации совместных усилий в сфере обеспечения пограничной безопасности активно участвуют оперативные пограничные группы ФСБ России в Белоруссии, Казахстане, Киргизии и Таджикистане [3].

В рамках таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации разрабатывается система дополнительных мер по обеспечению пограничной безопасности в условиях переноса согласованных видов государственного контроля на внешнюю границу. Учитывая характер угроз пограничной безопасности, исходящих из центрально-азиатского региона, в интересах всех участников таможенного союза принято принципиальное решение о сохранении пограничного контроля на российско-казахстанской границе и продолжении ее обустройства.

Укрепляются пограничные контакты со странами Европейского союза, в том числе с Европейским агентством по вопросам управления оперативным сотрудничеством на внешних границах государств - членов Европейского союза (FRONTEX) [3].

С учетом изложенного обеспечение государственной и коллективной безопасности государств-партнеров, государств - участников СНГ, государств - участников Таможенного Союза на их внешних границах является одним из приоритетных направлений пограничной политики России.

Это обусловлено следующими обстоятельствами: общностью и взаимозависимостью социально-экономических интересов государств - участников СНГ; необходимостью нейтрализации процессов, ущемляющих национальные интересы и подрывающих национальную безопасность государств Содружества; ограниченностью возможностей ряда государств Содружества по созданию национальных систем обеспечения пограничной безопасности; необходимостью противодействия попыткам геополитической изоляции России и ограничению ее социально-экономических и военно-политических связей с государствами Содружества [1].

Россия может участвовать на договорной основе в обеспечении национальных интересов и коллективной безопасности государств - участников СНГ посредством совместной охраны границ, или оказания содействия

национальным службам в осуществлении пограничного, таможенного, иммиграционного, автогрузового, санитарно-карантинного, ветеринарного, фитосанитарного и других видов контроля.

Функционирование Таможенного союза из числа государств, связанных с Россией интегрированной экономикой и политическим партнерством, предполагает совместное установление на границах с третьими странами соответствующих нормам международного права всех видов контроля.

С учетом складывающихся современных политических и социально-экономических реалий, решение проблем обеспечения пограничной безопасности неразрывно связано с реализацией государственной пограничной политики нашего государства.

Список литературы

1. Основы пограничной политики Российской Федерации, утв. Президентом Рос. Федерации от 05 октября 1996 года // Рос.газ. 1996. 6 нояб.
2. Шенгенское соглашение «Об отмене паспортного и таможенного контроля между рядом государств Европейского союза» подписано в июле 1985 г. семью государствами и вступило в силу в марте 1995 г. Сейчас в зону Шенгена входят 25 государств ЕС. Вне зоны по-прежнему остаются Великобритания и Ирландия.
3. Инчин Е. На рубежах державы // Кр. звезда. 2010. 28 мая
4. Мельников В.И. Введение к Аналитическому вестнику Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 12 (379) Серия: Проблемы национальной безопасности, Москва, 2009 год, www.council.gov.ru
5. Путин В.В. Из выступления на расширенном заседании коллегии ФСБ России, посвящённом итогам работы службы в 2012 году. |<http://news.kremlin.ru/media/events/photos/big/41d44730319c2a4e8482.jpeg>|<http://news.kremlin.ru/media/events/photos/medium/41d4473031a4ef89a89d.jpeg>
6. Шилова Н.В. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере Проблемы обеспечения безопасности России в пограничном пространстве Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 12 (379) Серия: Проблемы национальной безопасности, Москва, 2009 год, www.council.gov.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РФ

Фадеева В.А.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

Возможность учреждения должности уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте РФ следует из п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, в соответствии с которым защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, а также из п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ – в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся установление общих принципов организации системы органов государственной власти, издание федеральных законов и принятие в соответствии с ними нормативных правовых актов субъектов Федерации (ч. 2 ст. 76 Конституции РФ).

Избранная законодателем модель существования бизнес-омбудсмена на федеральном уровне и в субъектах РФ для нашего государства представляется оптимальной. Она отвечает требованиям федеративной государственности, которая предполагает «специфическую модель политико-правовой организации государственной власти, особые институциональные формы и способы взаимодействия ее различных институтов и структур»¹⁴.

Инициатива Президента РФ создать институт уполномоченного по защите прав предпринимателей изначально подразумевала, что деятельность нового органа будет организована таким образом, чтобы он был представлен и на федеральном и на региональном уровнях. Большинство обращений, которые поступали в государственные органы до создания института уполномоченного и идут к федеральному бизнес-омбудсмену

¹⁴ Липчанская М. А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве // Власть. - 2013. - № 7. - С. 136.

после того, как он появился, связаны с деятельностью региональных властей, спорами между предпринимателями в регионе¹⁵.

Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ¹⁶ (далее Федеральный закон № 78-ФЗ) регулирует деятельность Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ (ч.1 ст. 1). Данный документ является основным федеральным нормативным правовым актом, которым федеральный, а также бизнес-омбудсмены в субъектах РФ руководствуются в своей деятельности.

Существование федерального и региональных бизнес-омбудсменов позволит эффективно осуществлять защиту прав предпринимателей, а также решать общефедеральные задачи по обеспечению их прав. Но вместе с тем стоит отметить, что Федеральный закон № 78-ФЗ не требует в обязательном порядке учреждения должности уполномоченного на территории регионов.

Стоит отметить, что проблемы с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности, схожи по своему содержанию и в той или иной степени присутствуют во всех регионах. Доказательством последнего утверждения является тот факт, что законы о бизнес-омбудсменах стали появляться в регионах еще до принятия соответствующего федерального нормативного правового акта, а свою позицию о том, что «институт уполномоченных по защите прав предпринимателей должен появиться в каждом субъекте Федерации», высказал В. Путин в одной из своих предвыборных статей¹⁷.

Отметим, что легализация правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации до принятия соответствующего федерального закона началась в Ульяновской и Челябинской областях, а также Республике Калмыкия и ряде других регионов. Однако не все субъекты имели необходимую правовую базу, определяющую их компетенцию¹⁸. Отсутствие унифицированных требований к нормативно-правовой основе региональных омбудсменов привело к тому, что в отдельных регионах уполномоченные назначались и действовали на основании актов органов исполнительной власти субъекта Федерации.

Исходя из общих требований федерального законодателя, представляется, что законодательная база субъектов Федерации, касающаяся правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей, должна быть приведена в соответствие с требованиями Федерального закон № 78-ФЗ. В свою очередь, в субъектах, где бизнес-омбудсмен действовал лишь на основании актов региональных органов исполнительной власти, должны быть приняты соответствующие региональные законы об уполномоченных.

На сегодняшний день уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах РФ осуществляют свою деятельность в 75 регионах, но не везде формально утверждены. В 50 регионах бизнес-омбудсмены назначены главой субъекта и действуют на основании регионального закона (республики Татарстан, Башкортостан, Коми, Псковская, Ульяновская, Новосибирская области, Красноярский, Хабаровский, Краснодарский край, Ненецкий автономный округ и др.), в 12 регионах уполномоченные работают на общественных началах при наличии регионального закона (Ростовская, Свердловская, Кировская области, республика Хакасия, Санкт-Петербург и др.) и ещё в 12 субъектах назначены бизнес-омбудсмены, но ещё не приняты региональные законы¹⁹ (Саратовская область, Астраханская, Мурманская области и др.).

Полагаем, что в каждом субъекте России должен осуществлять работу свой бизнес-омбудсмен, работа которого должна основываться преимущественно на специальном региональном законе. Вместе с тем мы не считаем нужным, чтобы Федеральный закон № 78-ФЗ взамен существующей на этот счет диспозитивной нормы содержал императивное указание на необходимость принятия закона, регламентирующего деятельность регионального бизнес-омбудсмена. Потому как диспозитивный характер данной нормы позволяет на наш взгляд учесть в этом вопросе особенности каждого региона страны. Так, например, в Саратовской области закон о региональном бизнес-омбудсмене до сих пор не принят. Свою деятельность уполномоченный по защите прав предпринимателей в данном субъекте РФ осуществляет лишь на основании распоряжения и постановления

¹⁵ См.: Сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Совещание по вопросу функционирования института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2014/02/7949.html> (дата обращения 20 июня 2014 г.).

¹⁶ Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (в ред. от 2 ноября 2013 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

¹⁷ Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. 6 фев.

¹⁸ См.: Кирилловых А. А. Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов // Законодательство и экономика. - 2013. - № 11.

¹⁹ Сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Совещание по вопросу функционирования института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2014/02/7949.html> (дата обращения 20 июня 2014 г.).

высшего должностного лица субъекта²⁰, следовательно, у него нет законного статуса и специальных правомочий в сфере осуществления защиты прав предпринимателей. Отсутствие принятия соответствующего закона в Саратовской области объясняется тем фактом, что на должность уполномоченного по защите прав предпринимателей назначено авторитетное в области лицо - президент региональной торгово-промышленной палаты, который при осуществлении своей деятельности в качестве уполномоченного использует аппарат палаты. При этом на данный момент у него нет необходимости в финансировании своей деятельности из бюджета региона.

Для большинства субъектов Российской Федерации вопрос о материальном обеспечении деятельности регионального бизнес-омбудсмана не стал краеугольным. Финансирование деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей в них осуществляется за счет средств регионального бюджета, как того требует п. 7 ст. 9 Федерального закона № 78-ФЗ. Поэтому в случае с Саратовской областью, очевидно, что работа бизнес-омбудсмана должна быть либо оформлена в строгом соответствии с нормами Федерального закона № 78-ФЗ: строиться на основе специального регионального нормативного правового акта, предусматривающего его финансирование из средств бюджета региона, либо должен быть осуществлен поиск другой формы его деятельности. Например, бизнес-омбудсмен может осуществлять свою деятельность на территории общественной приемной федерального уполномоченного, пребывая при этом в статусе общественного представителя федерального бизнес-омбудсмана. В таком случае его деятельность будет носить опосредованный характер, а основная работа по рассмотрению жалоб от субъектов предпринимательской деятельности данного региона должна будет перенесена на федеральный уровень.

В связи со сказанным выше, полагаем, что в исследуемом федеральном законе следует предусмотреть норму, согласно которой общественные представители бизнес-омбудсмана, назначенные в субъектах Российской Федерации, в которых отсутствует региональный уполномоченный, по поручению бизнес-омбудсмана могут реализовывать права, предусмотренные Федеральным законом № 78-ФЗ для уполномоченных в субъектах Федерации.

Список литературы

1. Кирилловых А. А. Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов // СПС «КонсультантПлюс». 2013.
2. Липчанская М. А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве // Власть. - 2013. - № 7. - С. 36-139.
3. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. 6 фев.
4. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (в ред. от 2 ноября 2013 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
5. Об уполномоченном по защите прав предпринимателей при Губернаторе Саратовской области: Распоряжение Губернатора Саратовской области от 15 апреля 2013 года № 296-р; Об утверждении Положения об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Губернаторе Саратовской области: Постановление Губернатора Саратовской области от 7 августа 2013 г. № 310 // Собрание законодательства Саратовской области. 2013. № 32.
6. Сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Совещание по вопросу функционирования института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2014/02/7949.html> (дата обращения 20 июня 2014 г.).

²⁰ Об уполномоченном по защите прав предпринимателей при Губернаторе Саратовской области: Распоряжение Губернатора Саратовской области от 15 апреля 2013 года № 296-р; Об утверждении Положения об Уполномоченном по защите прав предпринимателей при Губернаторе Саратовской области: Постановление Губернатора Саратовской области от 7 августа 2013 г. № 310 // Собрание законодательства Саратовской области. 2013. № 32

ПРИЗНАКИ ЕЖЕГОДНЫХ ОТЧЕТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ

Галуева В.О.

Горский государственный аграрный университет, г.Владикавказ

В настоящее время в Российской Федерации идет тенденция к расширению сферы парламентского контроля, о чем свидетельствует конституирование нового института парламентского контроля – ежегодного отчета Правительства РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, повышающего уровень ответственности правительственной власти.

По масштабам и достигаемому результату ежегодные отчеты Правительства РФ значительно превосходят иные формы парламентского контроля – парламентские запросы, правительственный час, парламентские слушания и др. Ежегодные отчеты Правительства перед Государственной Думой можно полагать наиболее эффективной формой парламентского контроля, имеющей своим объектом правительственную власть в целом, обеспечивающую не просто подконтрольность, но и подотчетность Правительства парламенту, полномочному в этом случае системно оценивать содержание и итоги правительственной деятельности.

По своей природе и последствиям отчеты Правительства парламенту равнозначны публичным докладам, содержащим интересующую парламент информацию, подлежащую обязательному и регулярному представлению. Такого рода доклады палатам парламента представляют различные органы, в частности, Счетная палата РФ, Генеральный прокурор РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ. Последний по окончании календарного года направляет доклад о своей деятельности, в частности, в Государственную Думу, который с тем же основанием можно именовать отчетом, имея в виду, что Уполномоченный назначается Государственной Думой.

Однако отчеты Правительства РФ обладают рядом признаков, которые позволяют отличить их от остальных публичных докладов:

1. *Представление отчета преимущественно нижней палате парламента.* Правительство Российской Федерации представляет ежегодный отчет о своей деятельности только Государственной Думе, но не Совету Федерации, что вполне соответствует зарубежной конституционной практике, основанной на ответственности Правительства, прежде всего, перед нижней палатой парламента, обыкновенно участвующей в формировании правительства.

В то же время подотчетность Правительства главным образом Государственной Думе не противоречит тезису о едином парламентском контроле над Правительством РФ и исполнительной властью в целом, имея в виду единство парламентской организации, предопределенность функциональной деятельности палат общим назначением парламента.

2. *Обязательность отчета,* который должен непременно предоставляться Правительством в определенный период.

Согласно Регламенту Государственной Думы Федерального Собрания РФ Государственная Дума рассматривает вопрос о ежегодном отчете Правительства РФ о результатах его деятельности в период весенней сессии. Дата рассмотрения вопроса о ежегодном отчете Правительства Российской Федерации устанавливается Советом Государственной Думы по согласованию с Председателем Правительства Российской Федерации (ст.

3. *Отчеты Правительства выражают правосубъектность Правительства в целом,* а не отдельных правительственных органов или должностных лиц.

В этом принципиальное отличие между отчетом Правительства и таким институтом парламентского контроля, как правительственный час, предполагающий выступление в палате Федерального Собрания РФ с интересующей депутатов информацией отдельных правительственных лиц – федеральных министров, иных должностных лиц, которые выступают с информацией о подведомственной деятельности. Этим объясняется формат правительственных ежегодных отчетов, подлежащих рассмотрению исключительно на заседаниях Правительства (ст. 28 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»).

4. *Регулярность отчета*

В соответствии со статьями 103 и 114 Конституции Российской Федерации Государственная Дума ежегодно заслушивает отчеты Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (ст. 154-3).

5. Тематическая определенность отчета

Предусмотренные законодательством отчеты Правительства РФ имеют конкретное содержание, предопределяемое названием отчета – отчет Правительства о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой; отчет Правительства РФ об исполнении федерального бюджета; отчет Правительства РФ о реализации мер по поддержке финансового рынка, банковской системы, рынка труда, отраслей экономики Российской Федерации, социальному обеспечению населения и других мер социальной политики.

6. *Определенный режим отчета*, предполагающий наличие единообразного организационно-правового формата предоставления, заслушивания и удостоверения отчета, составляющего отдельную и особую парламентскую процедуру. Применительно к ежегодным отчету Правительства РФ о результатах своей деятельности характерными признаками этого режима выступают:

- утверждение Советом Государственной Думы перечня вопросов о деятельности Правительства Российской Федерации;
- заслушивание правительственного доклада на пленарном заседании Государственной Думы;
- принятие Государственной Думой по итогам рассмотрения ежегодного отчета Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности постановления, проект которого готовит и вносит на рассмотрение палаты Комитет Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы (глава 18.1 Регламента Государственной Думы).

С позиций нормативно-правовых отчет Правительства РФ перед Государственной Думой представляет собой конституционно-правовой институт, содержащий конституционно-правовые нормы, определяющие содержание и формат представления правительственного отчета Государственной Думе. Институт ежегодных отчетов Правительства РФ перед Государственной Думой о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, представляет собой связанную совокупность следующих нормативных предписаний:

- конституционные нормы, относящиеся к ведению Государственной Думы заслушивание ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности (п. «в» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ); а к полномочиям Правительства РФ – предоставление подобных отчетов (п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ);

- нормы Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», обязывающие Правительство РФ представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (ст. 13); относящие рассмотрение ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности, к вопросам, решения по которым принимаются исключительно на заседаниях Правительства РФ (ст. 29);

- нормы Регламента Государственной Думы, определяющие порядок рассмотрения вопроса о ежегодном отчете Правительства РФ о результатах его деятельности (глава 18.1).

Сказанное позволяет сформулировать следующее определение ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой: *«Ежегодный отчет Правительства Российской Федерации, представляемый Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в порядке п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, представляет собой официальный публичный доклад Правительства Российской Федерации на заседании Государственной Думы о результатах деятельности Правительства Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, предполагающий оценку этой деятельности со стороны Государственной Думы с точки зрения ее законности и эффективности».*

Наличие правительственных отчетов усиливает парламентские начала государственного правления, выраженные в России, по сравнению с президентскими, недостаточно. В литературе справедливо указывается, что Российская Федерация – полупрезидентская республика с явным тяготением к президентской форме правления. Институт правительственных отчетов повышает парламентское участие в государственной деятельности, усиливает степень политической ответственности правительства перед народным представительством, придает форме государственного правления России, относимой в большинстве источников к республикам смешанного, президентско-парламентарного типа, более гибкий, сбалансированный характер, обеспечивающий паритет ветвей государственной власти.

Список литературы

1. Дзидзоев Р.М. Правительственная власть: российское измерение. Краснодар, 2010

2. Козлов А.И. Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы: сравнительно-правовой анализ // Современное право. 2011. № 4.
3. Княгинин Д.К. К вопросу о понятии публичной подотчетности // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13.
4. Мамаева А.Ю. Особенности формы правления в России в контексте реализации отдельных полномочий главы государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3.
5. Овсепян Ж.И. Концепция статуса Правительства РФ в Конституции России // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 3.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ СУДАМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АРБИТРАЖНЫМ СУДАМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОПТИМИЗАЦИИ

Алисултанов В.С.

Российский государственный социальный университет, г. Москва

Аннотация: в статье рассматриваются процессуальные и конституционно-правовые вопросы разграничения подведомственности дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам на основании действующего законодательства, правовых позиций высших судов Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, а также статистических данных о работе судов.

Summary: The article examines the procedural and constitutional and legal issues of division of jurisdiction of cases to courts of general jurisdiction and arbitration courts on the basis of existing legislation, the legal positions of the highest courts of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, as well as statistical data on the work of the courts.

Ключевые слова: «подведомственность», «судебная система», «суд общей юрисдикции», «арбитражный суд», «взаимодействие».

Keywords: «jurisdiction», «judicial system», «the court of general jurisdiction», «arbitral tribunal», «interaction».

Характеристика подведомственности дел судам как процессуального института, имеющего межотраслевой характер, данная некоторыми учеными-процессуалистами [4, с. 7], позволяет выявить некоторые направления взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В свете изменений, внесенных в ст. 29 АПК РФ Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ, необходимо отметить следующее. Еще в 2013 г. к подведомственности арбитражных судов были отнесены дела об оспаривании нормативных правовых актов, если их рассмотрение федеральным законом отнесено к компетенции арбитражного суда (ч. 4 ст. 190 АПК РФ в редакции Федерального закона от 7 июня 2013 г. № 126-ФЗ). В постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 58 этому правилу было дано расширительное толкование: заявление о признании нормативного правового акта недействующим может быть подано в арбитражный суд, в том числе, если в федеральном законе содержится указание на рассмотрение в арбитражном суде споров в определенной сфере правового регулирования (как представляется, здесь имела место своеобразная «подведомственность по связи дел», аналог соответствующего вида подсудности). Аналогичная правовая позиция была сформулирована по некоторым делам, рассмотренным Президиумом ВАС РФ (например, дело № ВАС-7282/13). При этом Пленум ВАС РФ пришел к выводу о том, что если в принятии заявления было отказано судом общей юрисдикции по мотиву неподведомственности, арбитражный суд может принять его к производству.

В свою очередь, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. унифицировал подведомственность таких дел, передав ее большую часть судам общей юрисдикции. Подведомственность дел арбитражным судам в этой части ограничена компетенцией Суда по интеллектуальным правам. При этом дела, не рассмотренные на день вступления в силу положений этого закона, будут рассматриваться теми судами, которые приняли их к производству, и по тем правилам, которые действовали на момент принятия их к производству.

Таким образом, унификация подведомственности дел об оспаривании нормативных правовых актов еще не завершена. В силу п. 1 ч. 4 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» ему как суду первой инстанции подведомственны дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и некоторых других субъектов (Президента РФ, Правительства РФ, Генеральной прокуратуры РФ и т.д.). Дела об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ, затрагивающих права, свободы и

законные интересы граждан и организаций, рассматриваются Верховным судом республики, областным, краевым и равными им судами (п. 2 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ). Законодатель избрал территориальный принцип разграничения подведомственности между высшим судебным органом и судами уровня субъектов РФ, а в контексте разных судебных юрисдикций – принцип определения исключительной юрисдикции арбитражных судов. Это представляется не до конца продуманным, поскольку содержит признаки правовой неопределенности.

Разграничение подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов при принятии ГПК РФ и АПК РФ не было четко регламентировано и по ряду других позиций. Так, в ч. 4 ст. 27 АПК РФ установлено правило, в соответствии с которым дело рассматривается в арбитражном суде, если оно было принято к его производству с соблюдением правил подведомственности, даже если в процессе рассмотрения к участию в деле будет привлечено физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем.

В свою очередь, в силу ч. 4 ст. 22 ГПК РФ, если по делу заявлено несколько взаимосвязанных требований, одно из которых является подведомственностью арбитражного суда, а другое – суда общей юрисдикции, дело подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции. Такое положение можно объяснить приоритетным отношением к защите прав и законных интересов граждан, а не организаций.

Между тем, исходя из положений Конституции РФ, права и законные интересы физических и юридических лиц должны получать равную правовую защиту. Кроме того, положения ст. 22 ГПК РФ не определяют в полном объеме, каким образом и в какой момент может быть произведено объединение дел, находящихся в производстве арбитражного суда и суда общей юрисдикции, по чьей инициативе это должно быть сделано, и каковы последствия несоблюдения этого правила.

Несогласованность действующих норм о подведомственности получила достаточно негативную оценку в юридической литературе [1, с. 150]. Между тем, в системе действующего правового регулирования положения о подведомственности характеризуются определенной стабильностью. Ст. 22 ГПК РФ не изменялась ни разу с момента его вступления в силу; положения арбитражного процессуального законодательства в этой части изменялись трижды (в 2009, 2010 и 2013 гг.) вследствие уточнения или расширения подведомственности, а также в 2014 г. в связи с учреждением объединенного Верховного Суда РФ.

Неподведомственность спора арбитражному суду является основанием для прекращения производства по делу (п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ). Аналогичные нормы предусмотрены в ГПК РФ с прямым указанием на рассмотрение дела в ином судебном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220 ГПК РФ). Таким образом, в процессуальном законодательстве при наличии пробела в четком определении подведомственности дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции создано условие для их взаимодействия при определении вопроса о подведомственности конкретного дела. На сегодняшний день эта проблема не получила законодательного разрешения. При прекращении производства по делу или отказе в приеме искового заявления не предусмотрено никаких активных действий судов в целях обеспечения доступа к правосудию лицу, предъявившему неподведомственное требование. Такому субъекту возвращаются исковое заявление и приложения к нему, при этом отказ в принятии искового заявления лишает истца права на повторное обращение в суд с иском к тому же ответчику, по тому же предмету и основанию (чч. 2-3 ст. 134 ГПК РФ). Доступ к правосудию обеспечивается только возможностью обжалования отказа в принятии искового заявления (ч. 3 ст. 134 ГПК РФ).

Следует отметить, что в литературе высказано обоснованное суждение о том, что констатация судом отсутствия у себя полномочий по рассмотрению дела не только является проявлением ошибочности, но и ограничивает доступ к правосудию [3, с. 189]. При этом некоторые авторы положительно оценивают перспективы создания органа, который разрешал бы вопросы о подсудности в спорных ситуациях [2, с. 38]. Но при выработке концепции современного процессуального законодательства победила другая точка зрения, сторонники которой исходили из того, что споры о подсудности запрещены. Более уместным было бы комплексное решение проблем подведомственности и подсудности, но при этом следует учитывать, что для решения вопросов определения подсудности в процессуальном законодательстве созданы правовые условия, а вопросов определения подведомственности – не в полном объеме.

Позиция российских властей при рассмотрении в ЕСПЧ жалоб, связанных с нарушением правил подведомственности, сводится к тому, что, направляя жалобу в неподведомственный суд, заявитель сам определил судьбу своих заявлений: процессуальное законодательство Российской Федерации, прецедентное право национальных и международных судов действуют из посылки, что споры, рассмотренные в неподведомственных судах, отменяются (постановление ЕСПЧ от 23.07.2009 по делу «Сутяжник» против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02)). Позиция ЕСПЧ исходит из того, что нарушение правил юрисдикции может быть рассмотрено как «существенный недостаток», влекущий отмену или изменение вступившего в законную силу решения (постановление ЕСПЧ от 10.04.2008 по делу «Лучкина против Российской Федерации» (жалоба № 3548/04)). Между тем, как представляется, в равной степени не соответствует положениям Конституции РФ о

праве каждого на судебную защиту как рассмотрение судом дела, неподведомственного ему, так и отказ в доступе к правосудию, необеспеченный никакими дополнительными действиями суда как властного органа.

Далее, количество исковых заявлений, возвращенных арбитражными судами, остается достаточно стабильным (в период с 2009 по 2013 гг. – 4,7% от общего числа, за исключением 2011 г., когда этот показатель достиг 5,8%). По судам общей юрисдикции этот показатель составляет от 3,1 до 3,5% (районные суды) или около 4% (областные и равные им суды). В связи с тем, что доля выявленных неподведомственных дел достаточно низкая, в целях обеспечения конституционного права на доступ к правосудию и на судебную защиту представляется уместным уполномочить судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов на совершение следующих действий распорядительного характера:

- признав дело неподведомственным суду общей юрисдикции (арбитражному суду), принимать решение о направлении его по подведомственности с разъяснением истцу (заявителю) права принести частную жалобу на это решение;

- информировать вышестоящий суд общей юрисдикции (арбитражный суд) о направлении дела по подведомственности с тем, чтобы он организовал контроль за своевременностью принятия к производству дела, направленного по подведомственности.

Срок направления дела по подведомственности может быть установлен продолжительностью трое суток, в течение которых поступившие материалы вместе с иском заявлением (заявлением) должны быть направлены в суд, которому подведомственно данное дело. Процедура принятия дела к производству в суде, в который оно было направлено по подведомственности, также не должна превышать трех суток с момента его поступления в этот суд.

Таким способом будет достигаться обеспечение доступа к правосудию и повышаться эффективность взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Одновременно будет исключаться ситуация, когда и суд общей юрисдикции, и арбитражный суд может принять решение о неподведомственности данного дела. Кроме того, поскольку уже имеется постановление Европейского суда по правам человека, вынесенное против России, в котором констатировано наличие причинной связи между существенными задержками в рассмотрении дела и повторными направлениями его из суда общей юрисдикции в арбитражный суд и обратно (постановление ЕСПЧ от 20.06.2006 по делу «Авакова против Российской Федерации» (жалоба № 30395/04)), наличие предлагаемого правового механизма позволило бы избежать подобной ситуации.

В контексте взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов в вопросах разграничения подведомственности достаточно интересно выглядит правовая конструкция, обоснованная Президиумом ВАС РФ в постановлении от 1 июня 2010 г. № 3342/10. По сути, оно дифференцирует категории взаимодействия и вмешательства.

В данном постановлении Президиум ВАС РФ пришел к выводу о том, что арбитражные суды, рассматривая спор, связанный с исполнением определения суда общей юрисдикции, допустили вмешательство в его деятельность, чем нарушили правила подведомственности установленные главой 4 АПК РФ и ст. 22 ГПК РФ, а также требования ст. 5 ГПК РФ, предусматривающей, что правосудие по гражданским делам, подведомственным судам общей юрисдикции, осуществляется только этими судами.

Между тем, правовой механизм, с помощью которого можно было бы определить, когда взаимодействие становится вмешательством, и каковы последствия такого вмешательства, законодательно не урегулирован. В связи с этим разрешение вопросов процессуального характера в режиме согласованного взаимодействия может подразумевать:

- четкое разграничение предпринимательского (экономического) характера спора или отнесение его к гражданским делам, подведомственным судам общей юрисдикции;

- определение критериев, согласно которым будет происходить такая дифференциация.

Ключевой позицией для выработки этих критериев должны стать положения Конституции РФ о: 1) праве каждого на судебную защиту; 2) равенстве всех перед законом и судом; 3) праве каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности. В силу того, что объединенный Верховный Суд РФ получил полномочия как по осуществлению судебного надзора за деятельностью судов, так и по формированию единообразной судебной практики (ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»), выработка указанных критериев может быть возложена на его Пленум и реализована в рамках соответствующего постановления.

Исходя из изложенного, пределы взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов при решении вопросов разграничения подведомственности могут быть определены следующим образом:

Во-первых, конституционные положения, закрепленные в ст. ст. 118 и 120 Конституции РФ, утверждают основное направление реализации судебной власти в виде осуществления правосудия и защиты прав и законных интересов субъектов.

Во-вторых, различие в подведомственности дел судам устанавливается в процессуальном законодательстве (уголовном, гражданском, арбитражном) и законодательстве об административных правонарушениях.

В-третьих, осуществляя правосудие и реализуя иные полномочия, предоставленные им как органам судебной власти, суды (и судьи как должностные лица – носители судебной власти) руководствуются одними и теми же принципами деятельности и пользуются равным объемом материально-правовых и процессуальных гарантий и гарантий независимости.

Список литературы

1. Жилин, Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции / Г.А. Жилин. – М.: Городец, 2000. – 320 с.
2. Жуйков, В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В.М. Жуйков. – М.: Статут, 2006. – 283 с.
3. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. – СПб: Юридический центр пресс, 2005. – 672 с.
4. Чудиновских, К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / К.А. Чудиновских. – Екатеринбург, 2002. – 231 с.

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ БАНКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Нуреева Э.М.

Марийский государственный университет, г.Йошкар-Ола

За сравнительно короткую историю существования отечественной банковской системы, ей довелось пережить, как минимум, шесть серьезных потрясений. В 1993 году – проблемы с Кассовым союзом, в 1994 году – «черный вторник», кризис ликвидности в 1995-м, обвал и кризис доверия всей банковской системе в 1998-м, микрокризис в 2004 году и глобальный финансовый кризис 2008-2010 г.г. В России действовали те же предпосылки, что и в других странах. Однако ситуация усугублялась недоразвитостью финансовой системы страны.

На современном этапе наиболее существенное негативное влияние на экономический рост начали оказывать западные санкции в отношении России в связи с присоединением Крыма и событиями на Украине.

С целью преодоления последствий кризисных явлений Банк России проводил политику реструктуризации банковской системы, направленную на повышение ликвидности кредитных организаций, с одновременным применением к некоторым банкам крайней меры регулирования – отзыва лицензии на осуществление банковских операций. В целом, денежно-кредитная политика, проводимая Центральным банком Российской Федерации, заключается в поддержании финансовой стабильности и формировании условий, обеспечивающих устойчивость экономического роста страны.

Однако, процессы, происходящие как в экономике России, так и на международном уровне, создали предпосылки для модернизации надзора в сфере финансовых рынков. Целесообразным становится вопрос о создании регулятора финансовых рынков с целью укрепления финансовой, банковской системы и в целом упрочения экономического положения страны на мировом уровне.

Идея о необходимости создания мегарегулятора финансовых рынков и сосредоточения в нем функции контроля и надзора за всеми секторами финансового рынка возникла в России с 1999 года с разной периодичностью.[3]. Стоит заметить, что данная идея зародилась после произошедшего наиболее серьезного российского кризиса-дефолта 1998 года.

И только в 2013 году Центральный банк Российской Федерации становится мегарегулятором финансовых рынков. Эксперты высказывают противоположные мнения по этому поводу. По мнению А. Хандруева: «Создание института мегарегулирования способно минимизировать системные риски, повысить уровень защиты инвесторов, увеличить поток частных инвестиций за счет унификации инструментов инвестирования, и – наконец – в целом повысить конкурентоспособность российского финансового рынка»[5].

К. Корищенко называет «прагматичным» создание мегарегулятора на базе ЦБ. По его словам, основу финансовой системы России создают банки, поддерживаемые государством, а также сырьевые экспортеры, тесно связанные с государством. ФСФР, по словам Корищенко, никогда не занималась оценкой кредитных рисков и

никогда не применяла «рискоориентированный надзор» на финансовом рынке — деятельность ведомства сосредотачивалась на регулировании операций (выработке стандартов, требований к раскрытию информации и пр.).

В. Плескачевский, напротив, подчеркивает, что аналоги мегарегулятора на базе ЦБ есть только в нескольких развивающихся странах — например, в Буркина-Фасо. Он признает, что отдавать разные финансовые инструменты в ведение разным ведомствам, как было сделано в 1990-е годы, принципиально неверно — нужна синхронизация. Однако созданная в 2004 году ФСФР, по словам В. Плескачевского, с синхронизацией не справилась и ситуацию не улучшила. Теперь эксперт сомневается, что справиться с задачей сможет ЦБ[4].

Не можем не согласиться с мнениями экспертов о том, что присоединение ФСФР РФ к Банку России, как любая реформа, имеет как преимущества, так и недостатки.

На данном этапе важно было правильно сформулировать те задачи, которые должен решать новый орган, ориентируя их на совершенствование самой методологии финансового надзора. Более чем 20-летний опыт Банка России в области банковского надзора дает основание сделать вывод о постоянном совершенствовании методологических подходов в области банковского надзора [4].

Необходимо отметить, что с приобретением Банком России нового статуса и в связи с наделением его новыми полномочиями были расширены цели его деятельности. Цели (защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы) были дополнены также следующими: развитие российского финансового рынка и обеспечение его стабильности[1]. Для того, чтобы Банк России мог на практике выполнять функции мегарегулятора финансового рынка, он был наделен рядом новых полномочий, таких как нормативно-правовое регулирование финансового рынка[2]. Помимо этого, теперь Банк России осуществляет полномочия по контролю и надзору за финансовыми некредитными организациями, к числу которых относятся: профессиональные участники рынка ценных бумаг (брокеры, дилеры, управляющие, депозитарии, специализированные регистраторы); управляющие компании и специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда; акционерные инвестиционные фонды; клиринговые организации; организаторы торговли, в том числе биржи (товарные, валютные и фондовые) и внебиржевые организаторы торгов; центральный депозитарий; страховые компании и страховые брокеры; негосударственные пенсионные фонды; микрофинансовые организации; кредитные потребительские кооперативы; жилищные накопительные кооперативы; бюро кредитных историй; актуарии; рейтинговые агентства; сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы.

Кроме того, изменение статуса Центрального банка Российской Федерации обусловлено принятием Федерального закона от 23 июля 2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков». Указанный закон внес изменения в более чем пятьдесят нормативно-правовых актов, тем самым еще более укрепив позиции Банка России.

Таким образом, остается надеяться на то, что Центральный банк, оставаясь независимым институтом с расширенными полномочиями мегарегулятора финансовых рынков, сохранит способность оперативно и независимо от сиюминутной политической или какой-либо иной конъюнктуры реагировать на всевозможные сигналы финансового рынка как одного из важнейших сегментов экономики. Как видится, это является одним из основополагающих принципов построения эффективной банковской системы особенно в период кризисных явлений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» с изменениями и дополнениями.
2. Федеральный закон от 23 июля 2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» с изменениями и дополнениями.
3. Вавулин Д.А., Симонов С.В. Центральный банк Российской Федерации как мегарегулятор российского финансового рынка Журнал «Финансы и кредит», февраль, 2014.
4. Счастливая Т.В. К вопросу создания мегарегулятора финансового рынка в России // Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2013, №1, с.113-121.
5. Хандруев А.А. Направление – мегарегулятор «Отрасли и рынки/ финансовый рынок», 26 Октября 2012.

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭМБРИОНОВ

Пестрикова А.А.

ЧОУ ВО Самарская гуманитарная академия, г. Самара

Правовой статус эмбриона уже длительное время является актуальной темой научных исследований, поскольку определение и закрепление данной категории позволит разрешить многие вопросы использования, хранения, а главное утилизации эмбрионов. По некоторым данным, только в США хранится порядка 500 000 замороженных эмбрионов²¹. Многим клиникам из-за большого количества хранящихся эмбрионов приходится заключать договоры с банками хранения на неопределенный срок. Можно выделить три группы доноров гамет, которые ответственны за столь большое количество замороженных эмбрионов. Первые – это те, кто относятся к эмбрионам как к детям, они продолжают платить за хранение эмбрионов, не позволяя их уничтожение. Как заявила одна пациентка, «если я умру, похороните эмбрион со мной»²². Вторая группа – это разведенные родители, которые не имеют планов по дальнейшему использованию эмбрионов, созданных в момент, когда они находились в браке. Как правило, один из бывших супругов желает либо использовать эмбрион самостоятельно, либо передать его другой бесплодной паре, а другой супруг желает уничтожить эмбрион, поскольку не имеет намерения стать генетическим родителем. Поэтому эмбрионы таких пар продолжают храниться до того момента, как они придут к согласованному решению или до вынесения решения суда. И наконец, третья группа – это те, кто просто оставляет эмбрионы в медицинских учреждениях или банках хранения, не имея намерений каким-либо образом ими распорядиться. Все это приводит к ежегодному увеличению количества хранящихся эмбрионов, что требует определенных финансовых затрат, кроме того, запрет в некоторых странах на использование эмбрионов для научных и исследовательских целей, не позволяет использовать даже невостребованные эмбрионы.

В настоящее время интересные исследования посвящены разработке концепции договорного регулирования отношений, связанных с получением, хранением и использованием эмбрионов. Так, профессор John Robertson полагает, что доноры гамет, заключившие договор об их дальнейшем использовании, должны быть уверены в исполнении такого договора обеими сторонами²³. Если стороны не исполняют договор, то решение о дальнейшей судьбе эмбрионов должен принимать суд. Позиция John Robertson в настоящий момент воспринята многими клиниками и судами США. В то же время, профессор Carl H. Coleman указывает, что такие договоры нарушают публичный порядок, и не имеют юридической силы, особенно если стороны изменили свое первоначальное решение²⁴. Тем более, как он подчеркивает, невозможно предугадать чувства людей после создания эмбриона, это сходно контракту, обязывающего женщину сделать аборт до момента ее беременности. Профессор Glenn Cohen полагает, что в отдельных случаях можно допустить понуждение человека стать генетическим родителем²⁵. По мнению Judith F. Daar право на потомство должно превалировать над правом не иметь потомства, и суд при принятии решений по делам, в которых один из генетических родителей хочет использовать эмбрион, а другой – против и настаивает на его уничтожении, должен руководствоваться данным принципом²⁶. Интересна ее позиция в отношении срока, в течение которого женщина имеет абсолютное право на распоряжении эмбрионом – ровно столько, сколько у беременной женщин есть право на аборт (например, в РФ до 12 недель закреплено право женщины на искусственное прерывание беременности по социальным показаниям).

²¹ Shirley Darby Howell The Frozen Embryo: Scholarly Theories, Case Law, and Proposed State Regulation. 18 APR 2013 // <http://www.humanlifereview.com/>

²² Там же.

²³ Diane K. Yang, *What's Mine is Mine, but What's Yours Should Also be Mine: An Analysis of State Statutes That Mandate the Implantation of Frozen Preembryos*, 10 J.L. & Pol'y (2002). P. 597-598.

²⁴ Diane K. Yang, *What's Mine is Mine, but What's Yours Should Also be Mine: An Analysis of State Statutes That Mandate the Implantation of Frozen Preembryos*, 10 J.L. & Pol'y (2002). P. 597-598.

²⁵ См.: Glenn Cohen, *The Constitution and the Rights Not to Procreate*, 60 Stan. L. Rev. (2008).P. 1135, 1148.

²⁶ Judith F. Daar, *Assisted Reproductive Technologies and the Pregnancy Process: Developing an Equality Model to Protect Reproductive Liberties*, 25 Am. J.L. & Med. (1999).P. 455, 466.

Заслуживает особого внимания и детального изучения решение, принятое Израильским судом в деле *Nahmani v. Nahmani*. По материалам дела Ruth (Руфь) и Daniel (Даниель) Nahmani решили использовать процедуру ЭКО, но поскольку женщина (Руфь) не могла выносить ребенка, они полагали обратиться к услугам суррогатной матери. После получения эмбрионов, но до их подсадки суррогатной матери, Даниель оставляет жену и уже во втором браке у него рождается ребенок. Несмотря на это Руфь изъявила желание использовать полученные эмбрионы, с учетом того, что она больше не могла воспроизводить яйцеклетки и это была последняя возможность для нее стать генетической матерью, в то время как Даниель настаивал на их уничтожении. В связи с чем, пара обратилась в суд. Суд исходил из положений, что право на продолжение рода является конституционным и должно превалировать над правом не иметь продолжения рода. Суд также отметил, что первоначальное желание Даниеля стать отцом было выражено им свободно, он настаивал на заключении договора с суррогатной матерью, он подписал договор об использовании процедуры ЭКО и в дальнейшем отказался от всех своих намерений. Используя принцип запрета эстоппеля, суд указал, что Руфь прошла сложную, длительную, дорогостоящую и достаточно рискованную для здоровья процедуру, поэтому Даниель должен быть лишен права на распоряжение полученными эмбрионами. Кроме этого, суд подчеркнул, что у женщины есть абсолютное право решать дальнейшую судьбу эмбрионов в течение всего периода, предоставленного законом для искусственного прерывания беременности по социальным показаниям²⁷. Таким образом, в данном деле достаточно четко обозначено право женщины на распоряжение эмбрионами, что подчеркивает их правовой режим, скорее, объекта, чем субъекта права.

Вероятнее, что последняя мировая судебная практика, широкое распространение отношений, связанных с ЭКО, приведет к необходимости закрепления в законе контрактного регулирования. Подобный подход законодателя можно было наблюдать и в отношениях, связанных с суррогатным материнством, от полного отрицания и запрета до законодательного разрешения заключать договоры и требовать их исполнения. Следует только детально и четко прописать, где заканчивается частный интерес и начинается публичный, чтобы максимально защитить права всех участников и определить правовой статус или правовой режим эмбрионов.

Стороны такого договора должны определить, в первую очередь, судьбу полученных эмбрионов: имплантацию, уничтожение, передача бесплодной паре или хранение. Публичный интерес должен защищать, по мнению Shirley Darby Howell того участника соглашения, для кого это последний шанс стать генетическим родителем, что подтверждается последней судебной практикой. Но должен быть решен вопрос об освобождении или наделении (в случае выражения желания) отказавшегося участника договора от притязаний со стороны использовавшего эмбрионы на алименты или другие расходы по рождению и воспитанию ребенка, что представляет собой сложную проблему. Хотя можно по аналогии использовать договоры о суррогатном материнстве, в случае если суррогатная мать оставляет ребенка себе, она не имеет права на признание отцовства и взыскание алиментов на ребенка.

Вопрос о невостребованных эмбрионах также требует законодательного разрешения, необходимо установить срок хранения, после которого эмбрионы либо могут быть уничтожены, либо переданы бездетным лицам для имплантации.

Совершенно очевидно, что дальнейшее стремительное развитие медицины в сфере биомедицинских технологий, распространение методов искусственного оплодотворения, в связи с повышением процента бесплодных пар, приведет к необходимости именно законодательного закрепления многих положений, выработки понятийного аппарата и четкого правового регулирования тех отношений, которые еще двадцать лет назад не представляли интерес с правовой точки зрения.

Список литературы

1. Diane K. Yang, *What's Mine is Mine, but What's Yours Should Also be Mine: An Analysis of State Statutes That Mandate the Implantation of Frozen Preembryos*, 10 J.L. & Pol'y (2002). P. 597-598.
2. Glenn Cohen, *The Constitution and the Rights Not to Procreate*, 60 Stan. L. Rev. (2008). P. 1135, 1148.
3. Instruction on Respect for Human Life in Its Origin and on the Dignity of Procreation, supra note 37// <http://www.humanlifereview.com/>
4. Judith F. Daar, *Assisted Reproductive Technologies and the Pregnancy Process: Developing an Equality Model to Protect Reproductive Liberties*, 25 Am. J.L. & Med. (1999).P. 455, 466.
5. La. Rev. Stat. Ann. § 9:130 (1986) // <http://www.humanlifereview.com/>

²⁷ Shirley Darby Howell The Frozen Embryo: Scholarly Theories, Case Law, and Proposed State Regulation. 18 APR 2013 // <http://www.humanlifereview.com/>

6. Loane Skene. The current approach of the courts. *Journal of Medical Ethics* jme.bmj.com J Med Ethics 2014; 40:10-13 doi:10.1136/medethics-2012-100994 // <http://jme.bmj.com/>
7. N.M. Stat. Ann. § 24-9A-1(D) (2012) // <http://www.humanlifereview.com/>
8. *Planned Parenthood of Se. Penn. v. Casey*, 505 U.S .P. 833, 873
9. Robert George & Christopher Tollefsen, *Embryo: A Defense of Human Life* 50 (2008). // <http://www.humanlifereview.com/>
10. Shirley Darby Howell The Frozen Embryo: Scholarly Theories, Case Law, and Proposed State Regulation. 18 APR 2013 // <http://www.humanlifereview.com/>
11. *York v. Jones*, 717 F.Supp. (E.D. Va. 1989). P. 421, 425.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА: РИСКИ И ОСОБЕННОСТИ

Чумакова О.Н.

Юго-Западный государственный университет, г.Курск

На современном этапе заключения сделки значение предварительного договора чрезвычайно велико, так как согласно ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором.

Не редко в силу возникших обстоятельств недобросовестная сторона уклоняется от выполнения условий предусмотренных предварительным договором. Согласно п.3 ст.429 ГК РФ предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также другие существенные условия основного договора. Поэтому необходимо оговорить ключевые моменты сделки, конечно же закрепив все это в письменной форме, хотя данный документ не подразумевает имущественных обязательств и не закрепляется нотариально, также будет разумно оговорить неустойку на случай отказа одной из сторон выполнения своих обязательств.

На современном этапе, предварительный договор обеспечивает несколько важных функций:

- способствует возникновению договорных обязательств, т.е. стороны оговаривают предмет основного договора и основные условия его выполнения, образуя тем самым договорные связи;
- убергает стороны от нежелательных трат до момента заключения основного договора и тд.

Обязательным условием заключения предварительного договора является установление предмета основного договора. К примеру, в Решении Арбитражного суда Чувашской Республики от 12.08.2010 №А79-5611/2010 сказано: в силу ст. 554 ГК РФ в договоре продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору.²⁸ Так, договор купли-продажи недвижимости должен содержать адрес (местоположение), вид (название) объекта, площадь, назначение, этажность для отдельно стоящих зданий. Проанализировав предварительный договор, на котором основывает свои требования истец, суд признает его незаключенным, поскольку указанное имущество не содержит признаков, позволяющих его идентифицировать, соответственно, в договоре не определен предмет сделки.²⁹

Нередко стороны, преследуя свои собственные интересы, включают в предварительный договор как можно больше условий. Таким образом предварительный договор теряет свою природную квалификацию и может быть трактован как смешанный договор.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 №9798/12 указано: предварительный договор не может устанавливаться для сторон каких-либо иных обязательств, в том числе обязанности передавать имущество или обязанности производить платежи за пользование им.³⁰ При этом правила ст.429 ГК РФ не требуют того, чтобы имущество, являющееся предметом будущего договора, существовало на момент заключения предварительного договора. На сегодняшний день Арбитражная практика придерживается мнения то что, оплата по предварительному договору ставит под сомнение именно волю сторон на заключение предварительного договора, а не условие о предварительной оплате по основному договору. Но тем не менее, в случае когда предметом сделки является недвижимость и сторонами заключен договор, поименованный ими как

²⁸ Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 12.08.2010 по делу N А79-4288/2010

²⁹ Мандрюков А.В. Отдельные особенности регулирования предварительного договора // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. 2013. №5 С.71.

³⁰ Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 №9798/12

предварительный, в соответствии с которым они обязуются заключить в будущем на предусмотренных им условиях основной договор о продаже недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено в последующем, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену недвижимого имущества или существенную ее часть, суды должны квалифицировать его как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с условием о предварительной оплате.

Подводя итог к выше сказанному, нужно отметить, что из предварительного договора не возникает имущественных обязательств, возникают только обязательства заключить основной договор, следует, что предварительный договор не может содержать условия об оплате.

Еще одним важным пунктом при заключении предварительного договора является возмещение убытков одной из сторон, так согласно (п.4 ст.445 ГК РФ): сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения основного договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки. Нельзя не обратить внимание на важное судебное решение - Постановление Президиума ВАС РФ от 12.02.2013 г. №13585/12, в котором дан ответ на вопрос о законности взыскания неустойки в случае уклонения одной из сторон предварительного договора. При этом было указано что п.5 ст.429 ГК РФ устанавливает гражданско-правовые последствия уклонения стороны предварительного договора от заключения основного договора и не регулирует отношений, связанных с обеспечением исполнения обязательств, к которым относится неустойка. Таким образом, можно сделать вывод, что условие о взыскании неустойки за невыполнение обязательств по заключению основного договора может быть включено в предварительный договор.

При заключении предварительного договора, важно учитывать цену предмета ради которого он заключается. На практике у арбитражных судов возник вопрос, вправе ли арбитражный суд понуждать сторону включить в основной договор условия о цене, если такое условие не было предусмотрено в предварительном договоре. В соответствии со ст. 424 ГК РФ исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. При отсутствии в возмездном договоре условия о цене и невозможности ее определения исходя из условий договора исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы и услуги. Отсюда следует, что требование о включении в основной договор условия о том, что цена определяется в порядке, предусмотренном ст. 424 ГК РФ, должно быть удовлетворено арбитражным судом.

Согласно действующей редакции п. 5 ст. 429 ГК РФ в случаях, когда сторона, заключившая предварительный договор, уклоняется от заключения основного договора, применяются положения, установленные п. 4 ст. 445 ГК РФ. Данный пункт дополнен вторым абзацем, в соответствии с которым разногласия сторон по условиям основного договора рассматриваются судом в порядке, определенном ст. 446 ГК РФ. В связи с этим следует обратить внимание на то, что Проект ГК РФ дополняет упомянутую ст. 446 ГК РФ, согласно которой разногласия, возникшие при заключении договора и не переданные на рассмотрение суда в течение шести месяцев с момента их возникновения, не подлежат урегулированию в судебном порядке.

Подводя итог значения предварительного договора, можно сказать, что предварительный договор характеризует требования сторон по обязательствам из договора, который будет заключен в будущем (основного договора). Таким образом, целью заключения предварительного договора является закрепление достигнутых договоренностей в условиях невозможности исполнить обязательства в момент заключения договора, а также в принятии на себя обязанности заключить основной договор в будущем.

Существенными условиями предварительного договора являются:

- 1) предмет;
- 2) условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида;
- 3) все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение;
- 4) предмет и существенные условия основного договора.

Важно отметить, что сам по себе предварительный договор не является договором о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг.

Таким образом, предварительный договор обеспечивает покупателю "резервирование" неких дефицитных ресурсов продавца, а продавцу, в свою очередь, гарантирует сбыт товаров, работ, услуг.

Список литературы

1. Мандрюков А.В. Отдельные особенности регулирования предварительного договора // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. 2013. №5 С.71-72.

2. Петров Д.А. Теоретические и практические аспекты применения норм о предварительном договоре в коммерческом обороте недвижимости//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия:14. Право.2009. Вып.3 С.23.
3. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 12.08.2010 по делу N А79-4288/2010//СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 №9798/12//СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.02.2013 г. №13585/12// СПС «КонсультантПлюс»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В КАЧЕСТВЕ СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВ

Томаев И.О.

Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики», г.Москва

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в настоящее время государственную регистрацию следует понимать в нескольких смыслах: способ защиты гражданских прав на недвижимое имущество; правовой институт, а также факт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения гражданских прав на недвижимое имущество, опосредованный в государственном акте, представленном в виде специальной записи в Едином государственном реестре прав (далее - ЕГРП).

Отметим, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК) не ограничивает гражданина в выборе способа защиты нарушенного права и не ставит использование общих гражданско-правовых способов защиты в зависимость от наличия специальных, вещно-правовых, способов и граждане и юридические лица в силу статьи 9 ГК вправе осуществить этот выбор по своему усмотрению, при этом законодатель не упоминает о таком способе защиты прав в статье 12 ГК, а весь список однозначно является открытым.

<8> Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 N 6-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева".

Добавим, что в соответствии со ст. 131 ГК РФ вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в ЕГРП регистрирующими органами. Часть 2 ст. 8.1 ГК РФ устанавливает, что права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Стороны, как правило, должны достигать соглашения по количественным и качественным характеристикам, то есть по всем существенным условиям. Поскольку цель правоотношения, требующего государственной регистрации, может быть удовлетворена только после принятия такого акта регистрации, она по сути своей попадает под категорию существенных условий, однако, последняя не может являться существенным условием конкретного договора, так как заключенный в надлежащей форме и зарегистрированный договор служит лишь основанием возникновения обязательственного (частного) правоотношения, ибо его существование означает наличие определенной связи между конкретными лицами (контрагентами по договору) и порождает правовые требования на совершение (несовершение) отдельных действий. Согласование всех условий уже произошло, договор состоялся, однако без государственной регистрации не приобрел юридической силы, такой вид договора при аренде здания или сооружения законом признается незаключенным, а в других случаях, как было указано выше, просто ничтожным.

На основании вышесказанного можно сделать логический вывод, что самостоятельной роли в возникновении права государственная регистрация не играет, она лишь выражает признание возникшего права со стороны государства, что должно пониматься как формальное условие обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты прав лица, возникающих из договорных отношений, объектом которых является недвижимое имущество. Она призвана лишь удостоверить со стороны государства юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов. Таким образом, государственная регистрация создает гарантии надлежащего выполнения сторонами обязательств и, следовательно, способствует упрочению и стабильности гражданского оборота в целом. Она не затрагивает самого содержания указанного гражданского права, не ограничивает свободу договоров, юридическое равенство сторон, автономию их воли и имущественную самостоятельность.

В подтверждение сказанного приведем Определение КС РФ от 05.07.2001 N 154-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества "СЭВЭНТ" на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 165, пункта 3 статьи 433 и пункта 3 статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации" <1>, в котором признается, что государственная регистрация как формальное условие обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты прав лица, возникающих из договорных отношений, объектом которых является недвижимое имущество, призвана удостоверить юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов.

Регистрация прав на недвижимое имущество придает им свойство публичной достоверности, что само по себе придает информации из ЕГРП высокую степень достоверности <1>. Как было отмечено ранее, государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права.

По мнению Н.С. Потапенко, иск о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество используется контрагентом стороны по сделке отчуждения недвижимого имущества, уклоняющейся от выполнения процедуры государственной регистрации, прописанной в ФЗ от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним". Основой иска является, в частности, ст. 551 ГК РФ. Согласно указанной норме в случае, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, также по требованию судебного пристава-исполнителя вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности.

Таким образом, проведенное исследование в области государственной регистрации договора аренды здания или сооружения и применение последствий несоблюдения требований о государственной регистрации к данным отношениям позволяет сделать следующий однозначный вывод: государственная регистрация - особый институт регулирования гражданского правоотношения, которая ориентирована на защиту права. Она является средством правоохранительного характера, сочетающим как регулятивные, так и предупредительные функции, выражающиеся, согласно п. 1 ст. 2 Закона о государственной регистрации, в юридическом акте признания государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения вещных прав на недвижимое имущество в соответствии с ГК РФ.

Список литературы

1. Алиев Т.Т. Государственная регистрация как способ защиты прав участников арендных отношений по договору аренды здания или сооружения ("Современное право", 2012, N 12).
2. Васильев Е.А., Комаров А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учеб.: В 2 т. Т. 1 / М., 2006. С. 535.
3. Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. N 1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238 - 239. 08.12.1994.
5. Кирсанов А.Р. Регистрационное право - формирующаяся отрасль современного российского права // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2001. N 11. С. 60 - 61.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. N 132-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. N 1.
7. Пискунова М.Г. Правовое регулирование процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2001. N 4. С. 23. способа защиты гражданских прав на недвижимое имущество и формальное удостоверение со стороны государства юридической силы правоустанавливающих документов.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 N 6-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева".
9. Потапенко Н.С. Способы защиты права собственности на недвижимую вещь. "Российская юстиция", 2010, N 5.
10. Хрипунов М.И. Тенденции и перспективы развития гражданского законодательства о государственной регистрации права собственности на недвижимость // Современное право. 2007. N 8. С. 56.

НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ

Кирикова А.А., Хмелевская Д.В., Торубарова К.В.

ФГБОУВПО Юго–западный государственный университет, г.Курск

В статье анализируется современное состояние права собственности, поднимаются его негативные моменты сквозь призму стратификации общества.

Ключевые слова: сосредоточение собственности, право собственности, рынок, монополизм, децильный коэффициент.

Тот или иной общественный строй обладает своей классовой структурой и правом, обуславливающим стратификацию (деление общества на социальные слои): право рабовладения и сословное право, обуславливающие стратификацию при рабстве и феодализме соответственно, признаны ограничивающими свободу личности и запрещены. Настала эпоха права собственности.

Приступая к критическому анализу явления права собственности на современную действительность, следует отметить, что в *римском праве* не было чётко сформулированного определения собственности. Оно возникло только при феодализме в роли составляющей, служебной части *сословного права*, а далее при *капитализме* стало базой, вокруг которой выстраивалось всё законодательство. Не свидетельствует ли это о том, что право собственности как детище эволюции, достигнув предела, *должно изжить себя и кануть в забвение?*.. В данной статье мы попробуем ответить на этот вопрос.

Из курса экономики мы знаем, что самым ярким показателем экономической стратификации является т.н. «*децильный коэффициент*» (по нему сопоставляется отношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан). Пограничным вариантом принято считать показатель коэффициента равный 7, за его чертой страна впадает в катастрофы или революции, ибо тогда концентрация капитала превышает свою критическую отметку. Такому эскалационному перегибу способствует на данный момент бизнес, который стремительно склоняется к укрупнению, *глобализации, усилению концентрации собственности*. В связи с этим, отмена права собственности, стимулирующего данный рост концентрации и капитала, это вопрос времени. Вектор направления современного бизнеса — *захват новых рынков сбыта, монополия*. Чем последняя выше, тем меньше становится девственной конкуренции (между прочим, ведущее условие для саморегулирования рынка!) и больше недобросовестной. При высокой степени монополизации, законы рынка — это фикция чистой воды. К примеру, литр бензина в РФ стоит дороже, чем в США, а куб воды в Украине дороже, чем в некоторых странах Африки, и почему, собственно говоря?.. Соответственно, если нет саморегуляции рынка, люди рано или поздно сталкиваются с кризисом экономики. А так как мир глобален, то — *мировым кризисом, умерщвлением малого и среднего бизнеса, который уже сейчас весь забитый и существующий на последнем издыхании*. Таким образом, высокое *сосредоточение собственности*, уже при современном уровне монополизации, *оказывает отрицательное влияние на экономику*.

Каково первостепенное значение собственности? Издревле она служила *гарантом благополучного развития потомства*, однако уже сейчас наличествующие в избытке технологии и ресурсы позволяют обеспечить совершенно любого человека минимальным количеством качественных продуктов питания, обособленным жильем с учётом необходимых гигиенических норм и передовым медицинским обслуживанием. И лишь явление права собственности, определяющее руководство распределением ресурсов, *допускает смерть миллионов людей* от голода, неблагоприятных климатических условий, болезней (тот же вирус Эбола), различных техногенных катастроф. Ярчайшим образом подобные картины проступают в Африке, но ею не исчерпываются.

Что происходит с ростом совсем не метафоричной пропасти между бедными и богатыми? Общество трансформируется в кастовое, его обыденному члену всё *труднее становится повысить свой социальный статус*, он обычно даже *лишен возможности обеспечить достойное воспитание своим отпрыскам*. В свою очередь и «золотая молодёжь» претерпевает чрезмерное отрицательное воздействие, так как:

– она с детства находится в некотором защитном «*коконе*» против всяческих невзгод, что *не содействует развитию конкурентоспособности в данной среде*. По факту, в своей абсолютной массе она нежизнеспособна и не приспособлена к обычным жизненным условиям;

– она *растёт в обстановке вседозволенности*, не считаясь с мнением закона, ведь в случае чего его можно и *подкупить*;

– она понимает, что их персональное участие навряд ли коренным образом повлияет на размеры семейного состояния, поэтому зачастую *склоняются к праздному времяпрепровождению*;

– как цель существования — «понты» — *обособление себя от серой массы*, выставление напоказ своей доминантности и превосходства.

Но это ещё не всё, в целях пресечения межклассовых контактов организованы *специализированные* учебные заведения, *закрытые* места для отдыха, места проживания с *ограниченным допуском*, курорты для «своих» и т.д. Исключение составляет, по-видимому, только вышколенный обслуживающий персонал— практически единственные люди не из «круга», с которыми приходится взаимодействовать. Таким образом, реальность богатого поколения во втором поколении уже невозможно отождествить с жизнью обычного человека. *С ростом децильного коэффициента более негативное воздействие оказывает высокое сосредоточение собственности на развитие последующего поколения.*

Можно ведь даже не пытаться дорваться до власти без помощи олигархов, это нереально, не так ли? Связи и взаимные уступки решают многое, если не всё. Самая большая же загвоздка заключается в том, что большинство политической мешанины происходит лишь для отвода глаз. Ведь не только две–три политические партии, представляющие интересы олигархии, получают финансовую поддержку, а также националистические, религиозные, экологические, феминистические, защитников животных. Это создаёт иллюзию выбора, перетягивает внимание протестного электората. Но задним умом мы прекрасно понимаем, что власть срослась с олигархией. Практические функции государственных органов отличаются от декларируемых в законе (к примеру: основная функция органов правопорядка — это *защита правящей верхушки от населения*, а задача судебной ветви — *придание законности любым действиям олигархии*, всё доведено до абсурда!). С учётом чего составляются бюджетные программы всех уровней? Быть может с *задумкой будущего «распила»* (допустим: борьба с туберкулезом или сердечно–сосудистыми заболеваниями уступает борьбе с типичной пневмонией или птичьим гриппом, а фундаментальная наука уступает борьбе с глобальным потеплением и т.д.)?.. *Сосредоточение собственности уже при современном уровне коррумпированности, зажатости общества становится ведущей дестабилизирующей силой.*

Нам нетрудно расписать в отдельности неблагоприятное воздействие чрезмерного сосредоточения собственности на другие области жизни общества: науку, культуру, экологию, генную наследственность (отрицательный естественный отбор), качество оказываемых услуг, продуктов питания и т.д. Но остановимся только на одном примере из почти нескончаемого перечня отрицательного воздействия устаревшего «доминирующего права». Сравнительно недавно, почти тридцать лет назад перуанский медик Хорхе Каналес разработал методику излечения диабета, но ведущий мировой производитель инсулина фирма «Ali Lilly» запатентовала её. Любопытно, решившийся публично пропагандировать методику, немедленно привлекался фирмой к судебной ответственности³¹. А сколько людей погибло от диабета?!..

Таким образом, в ходе нашего исследования была выявлена явная негативно настроенное повышенное сосредоточение собственности, в связи с этим нами выдвигается предложение аннулировать право обуславливающую неизбежность роста данного сосредоточения.

Список литературы

1. Ефимова В. Сахарный диабет — излечим? / URL: www.fpss.ru/gazeta/ills/4592/ (дата обращения: 23.11.2014).

ОФОРМЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Свидерская Л.В.

Государственный Университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г.Владимир

Наследование, то есть переход прав и обязанностей умершего человека (наследодателя) к его наследникам (правопреемникам), является весьма распространенным способом приобретения права собственности, и призвано служить целям упрочения и охраны имущественных отношений.

После того, как человек умирает, его имущество, а также его имущественные обязательства переходят к его наследникам. Для того чтобы вступить в наследство, необходима процедура оформления наследственных прав, а само оформление наследственных прав регламентируется тем, какое отношение данный гражданин имеет к наследодателю.

³¹ Ефимова В. Сахарный диабет — излечим? / URL: www.fpss.ru/gazeta/ills/4592/ (дата обращения: 23.11.2014).

Конечно, чаще всего речь идет о родственных отношениях. В этом случае речь идет о наследовании по закону. Но, действующее законодательство предусматривает наследование по завещанию, а в завещании может быть упомянут кто угодно.

В порядке наследования переходят главным образом право собственности, другие имущественные права, а также обязанности, составляющие в своей совокупности наследственную массу.

Наследство открывается со смертью гражданина. День смерти наследодателя считается днем открытия наследства. Наследственное дело открывается нотариусом по месту открытия наследства.

Законом предусмотрено право принять наследство фактически, то есть наследник должен своими действиями подтвердить принятие наследства. В законе перечислены действия, которые будут свидетельствовать о фактическом принятии наследства:

1. наследник вступил во владение или в управление наследственным имуществом;
2. принял меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц;
3. произвел за свой счет расходы на содержание наследственного имущества;
4. оплатил за свой счет долги наследодателя или получил от третьих лиц причитавшиеся наследодателю денежные средства.

Но для подтверждения факта принятия наследства и получения официальных документов о собственности придется в судебном порядке доказывать этот факт. С подобными исками сталкиваются наследники, не обладающие знаниями в области юриспруденции. Но не знание закона не освободит от судебной тяжбы.

Также следует помнить о том, что принятие наследства в какой-либо его части не допускается. В законе прямо указано, что принятие части наследство означает принятие всего наследства, даже если о каком-то наследстве наследник не осведомлен. Поэтому факт посещения нотариуса и подача заявления о принятии наследства является важным моментом.

Процедура оформления имущества состоит из нескольких этапов, если говорить конкретнее, то из четырех.

Первый этап - это открытие наследственного дела. Для приобретения наследства необходимо его принять. Принятие наследства осуществляется, по общему правилу, подачей наследником заявления о принятии наследства нотариусу по последнему месту жительства наследодателя в течение установленного срока. Этот срок равняется 6 месяцам, именно этот срок установлен для определения круга наследников либо по закону (если наследование осуществляется по закону), либо по завещанию. Для открытия наследственного дела, в первую очередь, нужно предоставить нотариусу следующие документы:

- свидетельство о смерти (подтверждает факт и время открытия наследства);
- справка с места жительства умершего либо выписка из домовой книги (подтверждает регистрацию по месту жительства наследодателя на день его смерти – место открытия наследства);
- документы, подтверждающие родственные или иные отношения с наследодателем, дающие право на отнесение к кругу наследников (свидетельства, выдаваемые органами ЗАГС – о браке, о рождении, а также решения суда (для иждивенца), завещание (для наследника по завещанию));
- документы, подтверждающие наличие наследственного имущества, его состав и принадлежность наследодателю ко дню его смерти.

На втором этапе оформляются и подаются запросы для получения необходимых документов, подтверждающих наличие у наследодателя прав на имущество, таких как:

- правоустанавливающие и правоподтверждающие документы на наследуемое имущество;
- справки, выписки, кадастровые паспорта на объекты недвижимости и иные объекты, архивные копии различных приказов, постановлений;

На данном этапе также определяется круг наследников, осуществляется розыск имущества, если его местоположение не известно. Кроме этого происходит проверка первично поданных документов, их достоверность и подлинность.

Третий этап заключается в получении свидетельства о праве на наследство. После того, как наследник принял наследство, собрал все необходимые документы, нотариус, который, открыл наследственное дело, обязан выдать вам свидетельство о праве на наследство. Свидетельство о праве на наследство - это юридический документ, удостоверяющий право наследника на указанное в нем имущество. Согласно Гражданскому кодексу РФ, по желанию наследника или наследников, если их больше одного, свидетельство может быть выдано всем наследникам вместе или каждому наследнику по отдельности, на все наследственное имущество в целом или на его отдельные части. Свидетельство о праве на наследство выдается наследнику по истечении шести месяцев со дня смерти наследодателя при условии представления нотариусу необходимых для этого документов.

Четвертый этап (в случае, если в состав наследства входит недвижимое имущество) - это регистрация права собственности на недвижимое имущество в Управлении Росреестра. На данном этапе наследник обязан оплатить госпошлину за проведение государственной регистрации права собственности, а также подать в регистрирующий орган все необходимые документы. Как правило, это свидетельство о праве на наследство, кадастровый паспорт объекта недвижимости, копия паспорта и квитанция об уплате государственной пошлины. После регистрации права собственности наследнику выдается свидетельство о праве собственности.

Нельзя не отметить, что объектами наследования может быть абсолютно разное имущество: квартира, домовладение, земельный участок, автотранспортное средство, гараж, машино-место, денежный вклад, акции, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, акции акционерных обществ и т.д. Для каждого объекта есть свой определенный перечень документов, необходимых для оформления наследственных прав.

Итак, оформление наследства является не обязанностью, а правом наследника, которым он может и не воспользоваться. Но, лучше собраться и оформить все в срок, отведенный законом, согласно установленным требованиям.

Список литературы

1. Актуальные проблемы и особенности оформления наследственных прав в России и странах ближнего зарубежья. Материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 28–29 мая 2009 года). – М.: ФРПК, 2009. – 128 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ, в ред. от 05.05.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Гражданское право. Учебник. Ч.3/ Под ред. А.П. Сергеева; Ю.К. Толстого. - М.: Академия, 2013. – 467 с.
4. Грудцына Л.Ю. Наследственное право РФ. Учебное пособие. - Ростов н-Д.: Феникс, 2012. – 302 с.
5. Корнеева И.Л. Наследственное право РФ: Учебное пособие. - М.: Юристъ, 2014. – 354 с.
6. Серехов А.А. Завещание, вступление в наследство и раздел имущества. - М.: Книга – Сервис, 2013. – 255 с.
7. Сывороткина И.Ю. Современное Российское наследственное право и законодательство // Юрист. - 2010. - № 1. – С. 12-16.

ПОНЯТИЕ ЗАЛОГОВОЙ СТОИМОСТИ. СООТНОШЕНИЕ РЫНОЧНОЙ И ЗАЛОГОВОЙ СТОИМОСТИ

Тарасова Л.А.

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

Пунктом 1 ст. 340 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] (далее – ГК РФ) установлено, что стоимость предмета залога определяется по соглашению сторон, если иное не предусмотрено законом. Однако данное условие не заявлено в законе как существенное. Одновременно с этим, пунктом 1 ст. 9 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[8] (далее – ФЗ «Об ипотеке») установлено, что «в договоре об ипотеке должны быть указаны предмет ипотеки, его оценка, существо, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого ипотекой».

Таким образом, стороны залоговых правоотношений обязаны указать согласованную оценку заложенного имущества. Определить такую оценку они могут как самостоятельно, так и обратившись к оценщику.

Участники залоговых отношений определяют оценку самостоятельно, согласовав ее между собой, либо обращаются к оценщику и указывают в задании, какой вид стоимости следует определить.

Закон не определяет, на основании каких критериев должна производиться оценка. Способ согласования стоимости предмета залога законом не предписан. На практике в договоре стороны могут указать стоимость заложенного имущества, не определив ее вид, могут указать несколько видов стоимости. Участники залоговых сделок могут определить стоимость на основании отчета независимого оценщика, либо согласовать самостоятельно, без привлечения профессионала, руководствуясь среднерыночными ценами на аналогичное имущество.

В пункте 19 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.01.2005г. № 90 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с договором об ипотеке» [7] указано, что при указании сторонами в договоре об ипотеке нескольких разных оценок предмета ипотеки такой договор не может считаться

незаклученным, если возможно установить, какая из оценок представляет собой ту, о которой стороны договорились как о существенном условии договора об ипотеке.

В разъяснение к указанной рекомендации ВАС РФ приведены обстоятельства одного из рассмотренных дел. Как следует из обстоятельств дела, в договоре об ипотеке стороны указали три разных оценки предмета ипотеки: оценку по заключению независимого оценщика, залоговую оценку и оценку по документам органа технической инвентаризации.

При этом суд установил, что стоимость заложенного здания по документам органа технической инвентаризации указана сторонами в целях реализации п. 4 ст. 4 Закона РФ от 09.12.1991 № 2005-1 «О государственной пошлине» [2], действовавшего в момент заключения договора об ипотеке. Оценка, которую дал предмету ипотеки независимый оценщик, привлеченный сторонами, и которую стороны указали в договоре об ипотеке, в силу статьи 12 ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [9] носила для них рекомендательный характер и не являлась обязательной.

Исходя из указанных обстоятельств, суд пришел к выводу, что именно залоговая оценка является той оценкой заложенного здания, которую стороны по соглашению между собой дали этому предмету ипотеки.

В пунктах 1 и 2 ст. 340 ГК в ред. ФЗ от 21.12.2013г. №367-ФЗ [10] указано, что если иное не предусмотрено законом, то стоимость предмета залога определяется по соглашению сторон. Изменение рыночной стоимости предмета залога после заключения договора залога или возникновения залога в силу закона не является основанием для изменения или прекращения залога, если иное не предусмотрено законом или договором.

ФЗ «Об ипотеке» упоминает два вида стоимости недвижимости: *залоговая стоимость* (в пункте 2 статьи 67 указано, что «залоговая стоимость земельного участка, передаваемого в залог по договору об ипотеке, устанавливается по соглашению залогодателя с залогодержателем») и *рыночная стоимость* (в пункте 3 статьи 9 указано: «В случае залога не завершенного строительством недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется оценка рыночной стоимости этого имущества»). Более нигде в законе не указывается, какой вид стоимости недвижимости необходимо указать в договоре.

В ст. 3 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» [9] *рыночная стоимость* объекта оценки определяется как наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

Законодательного определения залоговой стоимости имущества нет. В науке гражданского права в последнее время получила распространение позиция, согласно которой, встречающийся в нормативных актах термин «залоговая стоимость» следует рассматривать как синоним рыночной стоимости, которую также называют «действительной», «справедливой» и т.п.[11]

Однако такая позиция представляется не совсем верной. В условиях действующих норм и при отсутствии понятия залоговой стоимости, безусловно, следует согласиться с тем, что поскольку нет залоговой стоимости в федеральных стандартах оценки, отсутствуют указания относительно способа определения залоговой стоимости, мы не можем считать ее самостоятельным видом стоимости. Вместе с тем, в отличие от общепринятых синонимов рыночной стоимости, понятие «залоговая стоимость» применяется именно для того, чтобы подчеркнуть особый характер стоимости имущества, находящегося в залоге, противопоставить ее рыночной стоимости. Имеются достаточные предпосылки для выделения залоговой стоимости как вида стоимости. В частности, право должно исходить из реальных потребностей общества. Практика залоговых отношений показывает, что стоимость предмета залога, особенно при реализации имущества с торгов не должна определяться на основании рыночной стоимости.

В своей деятельности банки активно оперируют этим спорным термином. Понятие залоговой стоимости сформировалось из Инструкции Центрального Банка РФ от 30 июня 1997г. № 62а «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» [5] ныне утратившей силу, где залоговая стоимость определяется как «максимальная сумма обязательств клиента, которую может обеспечить данное имущество, данная сумма определяется как рыночная стоимость залога за вычетом затрат на его реализацию и возможных скидок на скорость реализации». Банковская практика руководствуется в большинстве случаев именно этими критериями в целях определения залоговой стоимости.

Экономическая потребность в определении и использовании термина залоговой стоимости имеется. Банки, являющиеся залогодержателями, пользуются залоговой стоимостью, несмотря на то, что в настоящее время законом она не признана в качестве самостоятельного вида стоимости и может быть отнесена к обычаю.

Особых указаний для оценки имущества, передаваемого в залог, в настоящее время законом не предусмотрено. В настоящее время, в тех случаях, когда имущество подлежит обязательной оценке в договоре в целях залога должна устанавливаться рыночная стоимость имущества.

Судебная практика свидетельствует о том, что оценка при обращении взыскания на предмет залога должна определяться исходя из рыночной стоимости имущества. Такой позиции придерживается Высший Арбитражный Суд РФ. В пункте 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.1998г. № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» [6] указано, что при наличии спора между залогодателем и залогодержателем начальная продажная цена заложенного имущества устанавливается судом исходя из рыночной цены этого имущества. Несмотря на то, что указанные рекомендации информационного письма Президиума ВАС РФ были выработаны до принятия ФЗ «Об ипотеке», они действуют в настоящее время, по прошествии 16 лет.

В случае отсутствия спора суд, безусловно, укажет цену, согласованную в договоре. Такое положение косвенно свидетельствует о том, что цена в договоре должна быть рыночной. По сути, если в договоре указана не рыночная цена, а какая-либо иная, и не одна из сторон не возражает против продажи имущества по такой цене, то у суда не будет оснований самостоятельно устанавливать начальную продажную цену.

П. 2 ст. 348 ГК [1] и п. 1 ст. 54.1 ФЗ «Об ипотеке» [8] установлено, что обращение взыскания на заложенное имущество не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества.

Незначительность нарушения предполагается, если на момент принятия судом решения об обращении взыскания одновременно соблюдены следующие условия: сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов *от стоимости предмета ипотеки* и период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее трех месяцев (п. 1 ст. 54.1 ФЗ «Об ипотеке» [8]). Для залога движимого имущества подп. 1 п. 2 ст. 348 ГК РФ [1] предусмотрено, что нарушение обеспеченного залогом обязательства предполагается незначительным и размер требований залогодержателя явно несоразмерным стоимости заложенного имущества, если сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера стоимости заложенного имущества и период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца. В отличие от ФЗ «Об ипотеке» [8] ГК РФ [1] не предусматривает, что правило распространяется только на судебный порядок обращения взыскания.

Таким образом, стоимость предмета залога находится во взаимосвязи с размером неисполненного должником обязательства. Возможность обратиться взыскание на предмет залога зависит от соотношения суммы задолженности со стоимостью заложенного имущества, а также просрочки исполнения.

При этом, указанные нормы ст. 348 ГК [1] и ст. 54.1. ФЗ «Об ипотеке» [8] не вносят ясности в анализируемый вопрос, поскольку являются недостаточно конкретными. Сохраняется неопределенность правовой природы стоимости, указанной в договоре о залоге. По-прежнему неясно, от какой именно стоимости исчисляются пять процентов задолженности. Как будет определяться такая стоимость.

Отсутствие определенности в нормах способствует возникновению споров: в суде возможен спор о том, допустимо ли в конкретной ситуации обратиться взыскание на имущество. Стороны могут предлагать разные варианты исчисления пяти процентов, трактуя нормы закона в свою пользу: пять процентов от стоимости указанной в договоре, либо пять процентов от рыночной стоимости на момент спора. Как показывает практика, такая стоимость может значительно различаться.

На наш взгляд, нормы ст. 348 ГК [1] и ст. 54.1 ФЗ «Об ипотеке» [8] следует толковать с применением стоимости, указанной в договоре о залоге. Для этого есть определенные причины. В частности, исходить следует из общего смысла норм и воли законодателя. По нашему убеждению, указанные нормы должны функционировать не только для суда, но и для сторон залоговых правоотношений еще до момента обращения в суд. Исходя из требований закона, стороны должны самостоятельно определить в какой момент и при каких обстоятельствах у них возникает право обратиться взыскание на предмет залога в судебном порядке. То есть, задача исследуемых норм в том, чтобы предотвратить преждевременное обращение в суд под страхом отказа в удовлетворении требований.

На основании проведенного анализа считаем необходимым выделить самостоятельную функцию залоговой стоимости: залоговая стоимость в соотношении с суммой долга является критерием для определения возможности обращения взыскания на предмет залога.

Примечательно, что первоначальная редакция ст. 348 ГК РФ не предполагала какое-либо соотношение стоимости заложенного имущества с суммой долга по основному обязательству. Поэтому такое соотношение определялось только судами и носило оценочный характер, в связи с чем в некоторых случаях суды весьма неожиданно отказывали в иске.

Одна из целей использования понятия «залоговая стоимость» это определение максимального размера денежного обязательства должника перед кредитором, и означает предельную сумму, которая может быть обеспечена залогом определенного имущества.

При этом термин «залоговая стоимость» в настоящее время предусмотрен только для земельного участка в ФЗ «Об ипотеке». Термин «залоговая стоимость» содержался в статье 3 Закона г.Москвы от 11.02.1998 г. № 3 «Об оценочной деятельности в городе Москве»[3], согласно которой для целей указанного закона под оценочной деятельностью понимается совокупность отношений юридического, экономического, организационно - технического и иного характера по установлению в отношении объектов оценки рыночной или иной стоимости (залоговой, ликвидационной и другой). Указанный документ утратил силу в 2002 году, в связи с принятием Закона г.Москвы от 22.05.2002 № 28 [4]. Залоговая стоимость указывалась в законе как отдельный вид стоимости, наряду с рыночной и ликвидационной.

Как видно, нормативно-правовые акты отчасти признают залоговую стоимость как специфический вид стоимости. Однако, залоговая стоимость в настоящее время не является самостоятельным видом стоимости. Полагаем, что указанный пробел, вызывающий споры и неопределенность при регулировании залоговых правоотношений должен быть устранен. Для этого, на наш взгляд, залоговая стоимость должна стать реально действующим видом стоимости, должно быть определено ее место в системе норм о залоге, необходимо сформулировать понятие залоговой стоимости, определить способ ее определения и изменения.

Нами предлагается следующее понятие залоговой стоимости. Залоговая стоимость – стоимость предмета залога, согласованная сторонами в договоре о залоге и определяющая максимальную денежную сумму, которая может быть обеспечена залогом конкретного объекта, а также служащая критерием для определения возможности обращения взыскания на предмет залога в соотношении с суммой задолженности по основному договору и отражающая наиболее вероятную цену по которой может быть отчужден предмет залога путем продажи с публичных торгов или путем реализации иным способом, согласованным залогодателем и залогодержателем.

В основе залоговой стоимости лежит рыночная стоимость. Ипотечное законодательство РФ установило, что при обращении взыскания на заложенное имущество, начальная продажная цена устанавливается равной восьмидесяти процентам рыночной стоимости имущества, определенной в отчете оценщика (пункт 4 части 2 статьи 54 ФЗ «Об ипотеке»[8]).

Дифференцированное регулирование начальной продажной цены для судебного и внесудебного порядка обращения взыскания, существовавшее длительное время, отсутствие ссылки на вид стоимости, использование терминов, которые не определены законодательством приводят к снижению эффективности залоговых операций.

К сожалению, до настоящего времени шаги в данном направлении не предпринимаются. Изменения вносимые в ГК посвящены иным проблемам залоговых правоотношений. По всей видимости предстоит большая правотворческая работа в целях стабилизации залога как обеспечения исполнения обязательств.

Практика залоговых отношений показывает, что именно вопросу стоимости необходимо уделить должное внимание, выработать единую и логичную структуру правоотношений в области определения стоимости заложенного имущества в целях достижения максимальной эффективности залоговых операций.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Закон РФ от 09.12.1991 № 2005-1 «О государственной пошлине» //Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – №1. – ст. 19.
3. Закон г.Москвы от 11.02.1998 г. № 3 «Об оценочной деятельности в городе Москве» // Ведомости Московской Думы. – № 5 (с. 39). – 1998.
4. Закон г.Москвы от 22.05.2002 № 28 «О признании утратившим силу Закона города Москвы от 11 февраля 1998 года № 3 «Об оценочной деятельности в городе Москве» и внесении изменений в Закон города Москвы от 21 февраля 2001 года № 6 «О приведении в соответствие с Бюджетным кодексом Российской Федерации отдельных законов города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. – № 6 (ст. 124). – 17.07.2002.
5. Инструкция Центрального Банка РФ от 30 июня 1997г. № 62а «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» // Вестник Банка России. – № 91-92. – 31.12.1997.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998г. № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» // Вестник ВАС РФ. - № 3. – 1998.

7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.01.2005 № 90 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с договором об ипотеке» // Вестник ВАС РФ. – № 4. – 2005.
8. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. – 20.07.1998. – № 29. – ст. 3400.
9. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – ст. 3813.
10. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 23.12.2013. – № 51. – ст. 6687.
11. Шевелев Б. Существует ли залоговая стоимость? // Бухгалтерия и банки. 2011. № 10. С. 43 - 49.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПЕРВООЧЕРЕДНОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИНВАЛИДАМ

Балыков А.Н.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г.Владимир

Вопросы предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства (далее - ИЖС) на территории России регламентируются статьей 30.1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – Земельный кодекс РФ), согласно которой все земельные участки предоставляются на условиях равного открытого аукциона между желающими получить данный участок. Земельный кодекс РФ не содержит исключение из данного правила.

В тоже время частью 14 статьи 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 181-ФЗ) установлено, что инвалидам и семьям, имеющим в своем составе инвалидов, предоставляется право на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства. Но Федеральный закон № 181-ФЗ не содержит конкретного механизма реализации данного права инвалидами.

В связи с тем, что данные вопросы не урегулированы ни Земельным кодексом РФ, ни Федеральным законом № 181-ФЗ, на практике возникают многочисленные судебные споры между инвалидами и органами власти, осуществляющими распоряжение земельными участками.

Инвалидам зачастую непонятны основания предоставления данного права, непонятно сохраняется ли данное право на земельный участок, если у инвалидов уже имеется иная собственность и иные земельные участки или только достаточно, чтобы выбранный инвалидом участок земли был свободен и не обременен правами третьих лиц.

За защитой своих прав инвалиды вынуждены обращаться в судебные органы. Но в большинстве своем судебным органам приходится вставать на сторону административных органов, так как для реализации права на первоочередное предоставление земельного участка мало обладать статусом инвалида, необходимо также соответствовать и иному условию, о котором названный выше закон умалчивает.

Так, инвалид С.М.В. обратился в Ивановский районный суд Ивановской области с заявлением об оспаривании отказа комитета по управлению муниципальным имуществом администрации городского округа Кохма в предоставлении ему земельного участка для ИЖС и обязанности предоставить ему земельный участок для ИЖС в черте города Кохма как инвалиду II группы. В обоснование своего заявления инвалид С.М.В. указал, что ему, как инвалиду II группы, в нарушении статьи 17 Федерального закона № 181-ФЗ было отказано в предоставлении земельного участка под индивидуальное жилищное строительство в черте города Кохма Ивановской области. Решением Ивановского районного суда от 17 января 2014 года по делу № 2 – 149/13 заявление инвалида С.М.В. оставлено без удовлетворения, в связи с тем, что заявитель каких-либо документов, подтверждающих его нуждаемость в улучшении жилищных условий не предоставил. Указанное решение вступило в законную силу.

Верховный суд Российской Федерации в своем определении от 24 июня 2014 года № АПЛ14-243 установил, что законодатель именно с целью установления дополнительных гарантий реализации жилищных

прав инвалидов частями 1 и 14 статьи 17 Федерального закона № 181-ФЗ закрепил право инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, нуждающихся в улучшении жилищных условий, на обеспечение жилой площадью, на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства.

Свою позицию Верховный суд РФ основывает на положениях статьи 17 Федерального закона № 181-ФЗ и Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 июля 1996 года № 901, которым утверждены Правила предоставления льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг (далее – Правила). Указанными Правилами установлены основания признания инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, нуждающихся в улучшении жилищных условий для принятия на учет (пункт 2), порядок учета нуждающихся в улучшении жилищных условий инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов (пункт 3), перечень документов, которые необходимо представить для постановки на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов (пункт 4). Согласно пункту 1 Правил инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями с учетом льгот, установленных Федеральным законом № 181-ФЗ, по обеспечению жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг, по получению земельных участков для индивидуального жилищного строительства, а также ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства в соответствии с установленным порядком и положениями Правил.

Частью 3 статьи 52 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено, что принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий осуществляется органом местного самоуправления на основании заявления гражданина, поданного в указанный орган по месту своего жительства.

Следовательно, право инвалидов на первоочередное получение земельных участков для ИЖС предусмотрено законодателем с целью установления дополнительных гарантий реализации данной категорией граждан их права на жилое помещение, связано с нуждаемостью инвалида в улучшении жилищных условий.

Таким образом, для первоочередного получения земельного участка для ИЖС инвалид должен сначала быть признан нуждающимся и поставлен на учет в качестве нуждающегося в предоставлении жилого помещения по договору социального найма, после этого он уже может обратиться в соответствующий орган за первоочередным приобретением земельного участка; купить или взять в аренду этот участок, так как согласно части 2 статьи 28 Земельного кодекса РФ предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц осуществляется за плату.

Как мы установили ранее инвалиды, признанные нуждающимися в улучшении жилищных условий, пользуются первоочередным правом на приобретение земельного участка для ИЖС, то есть они могут не участвовать в торгах, наравне с иными участниками, в тоже время такая первоочередность не дает никакой гарантии того, что фактическая цена участка будет меньше чем та, которая будет установлена в результате аукционных процедур. Тут необходимо отметить, что законодатель не установил, как определяется цена, по которой предоставляется земельный участок инвалидам - по кадастровой стоимости или рыночной цене, установленной независимым оценщиком, или стоимость должна определяться иными способами. Как известно, если отсутствует четкая регламентация действий должностных лиц органов власти, возникает возможность коррупционных проявлений.

В связи с платностью предоставления земельных участков, реализация рассматриваемого права инвалида, нуждающегося в улучшении жилищных условий, вызывает у нас большое сомнение, так как в большинстве своем к такой категории относятся малообеспеченные граждане.

Кроме того, законодатель не установил, имеет ли право инвалид выбрать самостоятельно конкретный свободный земельный участок для ИЖС или орган власти, распоряжающийся земельными участками, в праве самостоятельно определить, тот земельный участок, который подлежит предоставлению инвалиду в целях реализации его первоочередного права. Если допустить, что конкретный земельный участок определяет именно орган власти, то велика вероятность предоставления инвалидам для приобретения земельного участка, который не заинтересовал покупателей при проведении аукционных процедур, в связи с какой-либо ущербностью данного земельного участка.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время очень слабо регламентирована процедура реализации инвалидами права на первоочередное предоставление земельных участков для ИЖС, многие вопросы остаются открытыми и решаются по усмотрению должностных лиц органов, осуществляющих распоряжение земельными участками, что не должно допускаться в правовом государстве, которым в соответствии со статьей 1 Конституции Российской Федерации является Россия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 14.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 27.11.1995, № 48, ст. 4563.
5. Постановление Правительства РФ от 27.07.1996 № 901 «О предоставлении льгот инвалидам и семьям, имеющим детей - инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг» // «Собрание законодательства РФ», 05.08.1996, № 32, ст. 3936.

СОДЕРЖАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РЕКЛАМНОЙ СФЕРЕ

Венгеровский Е.Л.

Финансовый университет при Правительстве РФ, г.Москва

Рассматривая конкурентные отношения в сфере рекламы, необходимо отметить значение конкуренции в развитии экономических отношений. Некоторые авторы полагают, что с переходом к рыночной экономике в России сложился «предпринимательский стиль управления», который характеризуется таким важным фактором как конкуренция, возникающим между хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности при производстве товаров, работ или услуг, в частности рекламных услуг. В литературе отмечается, что положительное влияние конкуренции на экономику проявляется, прежде всего, в развитии предпринимательской инициативы, конкуренция способствует использованию более эффективных форм и методов организации производства, а также рациональному распределению ресурсов, вложению инвестиций и т.д. По-мнению Н.М. Коршунова, работа рыночного механизма невозможна без конкуренции, поскольку она стимулирует и поддерживает его жизнедеятельность. Основой правового регулирования конкурентных отношений является норма, установленная статьей 8 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности. Данная норма является основополагающей в системе антимонопольного законодательства, которую, кроме вышеуказанного Федерального закона «О защите конкуренции», составляют иные Федеральные законы, в том числе Федеральный закон «О рекламе». Также необходимо отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) в п. 1 ст. 10 установил запрет осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Данная норма направлена, в частности, на пресечение недобросовестной конкуренции. Переходя непосредственно к особенностям правового регулирования конкуренции при осуществлении рекламной деятельности, необходимо отметить, что в действующем законодательстве и правовой доктрине отсутствует понятие указанных конкурентных правоотношений. Поэтому требуется комплексный анализ рекламного и конкурентного законодательства, в связи с чем, рассмотрим соотношение законодательства о рекламе и о конкуренции. Анализ норм законодательства о конкуренции и рекламе позволяет сделать вывод о том, что цели правового регулирования рассматриваемых правоотношений во многом схожи. Так статья 1 Федерального закона от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе» и п. 2 статьи 1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливают, что целью правового регулирования как законодательства о защите конкуренции, так и законодательства о рекламе является развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение единства экономического пространства и реализация принципов свободы экономической деятельности. Помимо этого Федеральный закон «О рекламе» целью правового регулирования устанавливает создание благоприятных условий для производства и распространения социальной рекламы. Необходимо также отметить, что рекламная деятельность является одним из способов формирования здоровой конкуренции на рынке, поэтому рекламное законодательство играет важную роль в системе правового регулирования конкурентных отношений. В связи с чем, следует согласиться с мнением И.Ю. Артемьева, считающим, что рекламное законодательство является

частью конкурентного законодательства и представляют собой систему нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, связанные с защитой конкуренции, с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции ... конкурентное законодательство формирует подотрасль предпринимательского права: *конкурентное право*. Основой рекламного законодательства является Федеральный закон «О рекламе». Некоторые специалисты, рассматривая его роль в системе регулирования конкурентных отношений, считают его «специальным, уточняющим законом в области противодействия недобросовестной конкуренции». Также в систему нормативно-правовых актов рекламного законодательства входят Федеральные законы, регламентирующие особенности и правила рекламирования отдельных видов товаров, не соблюдение которых, в частности, приводит к нарушению законодательства о конкуренции (например, Федеральный закон от 22 апреля 1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и др.). По-мнению М.В. Барановой, указанные нормативно-правовые акты составляют *рекламное право*. Однако, некоторые авторы полагают, что «рекламное право не является самостоятельной отраслью правовой системы России. Нормы, регулирующие отношения в сфере рекламы, входят в состав различных правовых отраслей ... большая часть этих норм относится к гражданскому, административному и конституционному праву». А.А. Кирилловых полагает, что рекламное право не представляет собой самостоятельную отрасль права, однако автор отмечает, что следует признать базовый характер Федерального закона «О рекламе» 2006 г., представляющего собой системообразующий нормативный акт всего рекламного законодательства. Системность рекламному законодательству придают также единство целей ряда нормативных актов, выполнение которых обеспечивается взаимопроникновением отдельных их норм, посвященных сходному объекту правового регулирования. Примечательно здесь также то, что этот, по сути, разноотраслевой нормативный материал находит непосредственный выход в рекламное право. При этом Федеральный закон «О рекламе» имеет более высокую юридическую силу по отношению к иным нормативным актам в части регулирования рекламных отношений. Рекламное право образует сложную комплексную иерархически соподчиненную систему, основанную на положениях разноотраслевых нормативных актов, в том числе международно-правовых стандартов, а также этических правил и норм. В этой связи можно утверждать, что оно не носит самостоятельного отраслевого значения, в том числе в силу ограниченного круга общественных отношений, касающихся сферы производства и распространения рекламы.

Как было отмечено выше, рекламное законодательство является составляющей конкурентного законодательства, поэтому следует согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, считающих рекламное право институтом конкурентного права, основной функцией которого, среди прочего, является защита от недобросовестной конкуренции в области рекламы, предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы. Субъектами рекламного права являются: рекламодатели, рекламопроизводители, рекламораспространители и потребители рекламы. В законодательстве о рекламе содержится определение понятия ненадлежащей рекламы. Так п. 4 статьи 3 Федерального закона «О рекламе» устанавливает, что ненадлежащей признается реклама не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации. Видом ненадлежащей рекламы является недобросовестная реклама, которой согласно подп. 4 п.2 ст. 5 Федерального закона «О рекламе» признается реклама, являющаяся актом недобросовестной конкуренции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что рекламная деятельность является важным фактором, влияющим на поддержание здоровых конкурентных отношений в условиях рыночной экономики. Анализ соотношения законодательства о конкуренции и законодательства о рекламе и содержание рекламного права, можно сделать вывод о том, что конкуренцией при осуществлении рекламной деятельности признаются законные действия субъектов рекламного права, представляющие собой соперничество, основанное на принципах добросовестной конкуренции и направленное на развитие рынков товаров, работ, создание благоприятных условий для производства и распространения рекламы.

Список литературы

1. Владимирова П.М. Правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 16.
2. Ручкина Г.Ф. Предпринимательское право: учебник. М. Юрайт-Издат. 2009. С. 468
3. Коршунов Н.М. Предпринимательское право: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2012. С. 250-254.
4. Лапшина Д.И. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция // Конкуренция и право. 2011. №4. С. 58-65.

5. Артемьев И.Ю. Конкурентное право России. Учебник. Москва. Издательский дом Высшая школа экономики. 2012. С. 15-16.
6. Запольский С.В. Правовое регулирование конкуренции и монополии в Российской Федерации: Курс лекций. СТАТУТ. 2010. С. 57-59.
7. Богацкая С.Г. Правовое регулирование рекламной деятельности. Учебное пособие. Москва. Университетская книга. 2009. С. 77.
8. Маркович А.М. Гражданско-правовые аспекты соотношения понятий «реклама» и «рекламная деятельность» // Право и политика. 2010. № 10. С. 47.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)

ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Барина И.С.

Хабаровская государственная академия экономики и права, г.Хабаровск

Возмещение ущерба потерпевшему, причиненного преступлением, является важным инструментом защиты частных и публичных интересов.

Причиненный посягательством вред определяет характер и степень общественной опасности преступления [1].

Так, по мнению А.Д. Бойкова, выделяются две формы причиняемого вреда: преступный результат и преступные последствия, а также типы вреда, причиняемого преступным действием и преступным бездействием, и виды вреда в зависимости от характера нарушенного блага. К преступным последствиям он относит: физический вред, психический вред, синдром жертвы преступления, моральный, имущественный вред. Приведенная классификация обычно используется для того, чтобы выделить вред как основной, дополнительный и квалифицирующий признак состава преступления или как отягчающее обстоятельство, а также для того, чтобы дать представление о ситуациях, в которых физическое лицо может быть признано потерпевшим от преступлений и способах обеспечения защиты их интересов [2].

Причинение вреда является обязательным последствием преступного вторжения в сферу законных прав и свобод гражданина. Не существует такого преступного деяния, которое не повлекло бы причинение вреда в той или иной степени. В частности, речь идет о покушении на преступление, в результате которого нет материальных последствий, но обязательно причиняется нематериальный вред: психический, организационный, идеологический. Довольно часто преступные последствия трактуются исследователями как изменения, происходящие в объекте посягательства вследствие совершенного лицом общественно опасного деяния. Так, по мнению Г. Новоселова, необходимо четко разграничить понятия преступного последствия и преступного вреда [3]. Не отрицая тесной взаимосвязи одного с другим, следует признать, что в данном случае ни о каком тождестве речь не может идти. Действительно, когда речь идет о преступных последствиях, следует иметь в виду объективные изменения окружающего нас мира. Преступный вред – это не столько факт изменения, сколько факт значения этих изменений для человека. Заметим, что, используя термин вред, Уголовно-процессуальный кодекс

РФ (*далее – УПК РФ*) не раскрывает его понятия, а Уголовный кодекс РФ (*далее – УК РФ*) закрепляет разные термины (вред, ущерб, последствия), что и приводит к неоднозначному пониманию и применению данных терминов в практической деятельности.

На основании ч. 4 ст. 42 УПК РФ размер вреда, подлежащего возмещению, определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства. В последнем случае законодатель отсылает нас к нормам гражданского законодательства.

Соответственно, имущественный вред – это вред, причиненный непосредственно имуществу потерпевшего: утрата, повреждение, уничтожение. Ответственность за причиненный вред может наступать в форме возмещения убытков, уплаты неустойки, потери задатка и т.д. Среди этих форм гражданско-правовой ответственности особое место занимает возмещение убытков.

Обусловлено это тем, что наиболее существенным и распространенным последствием нарушения прав являются убытки.

Убытки – денежная оценка причиненного вреда. Легальное определение реальных убытков (ущерба) дается в п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ (*далее – ГК РФ*) – это расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления своего нарушенного права, утраты или повреждения его имущества.

Существует чисто гражданская категория – упущенная выгода. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ упущенная выгода включает в себя неполученные доходы, которые потерпевшее лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Если попытаться спроектировать категорию упущенной выгоды на уголовный процесс, то необходимо учитывать, что при определении размера неполученного дохода должны учитываться только точные данные, которые бесспорно подтверждают реальную возможность получения денежной суммы или иного имущества.

Судебной практике известны случаи, когда в возвращении денежного эквивалента упущенной выгоды в рамках уголовного процесса пострадавшему отказывают. Как справедливо отмечает А.П. Рыжаков, «эта разновидность убытков может и должна подлежать возмещению, конечно же, только в тех случаях, когда бесспорно доказано обстоятельство, что указанные доходы лицо смогло бы получить при обычных условиях»[4].

Гражданское законодательство исходит из принципа полного возмещения убытков. В соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В порядке уголовного судопроизводства, как правило, возмещается только реальный ущерб, причиненный преступлением, то есть прямые убытки. Представляется целесообразным в рамках искового производства о возмещении по уголовному делу включить в размер возмещения и упущенную выгоду при условии доказанности этого обстоятельства. В связи с этим в законе необходимо закрепить, что сумма материального ущерба складывается из: а) наличных потерь; б) реальных в будущем потерь; в) упущенной выгоды.

В русском уголовном процессе безоговорочно признавалась возможность требовать возмещения имущественного (материального) вреда как единственно оценимого и единственно вознаградимого денежным или иным вещественным образом. Подтверждение этому мы находим в работах дореволюционных процессуалистов. Так, С.И. Викторский в этой связи отмечал: «...чтобы иметь право на гражданский иск, надо понести какой-либо материальный ущерб, поддающийся оценке, и понести его именно от преступления как известного факта, пусть даже по обстоятельствам дела и не вменимого в вину подсудимого... Во всяком, однако, случае имущественно заинтересованные лица, чтобы называться гражданскими истцами, должны доказать наличность или по крайней мере возможность возникновения вреда от преступления и притом вреда непременно имущественного, хотя бы таковой и понимался в самом широком смысле» [5].

В ходе возмещения имущественного вреда в уголовном судопроизводстве возникают различные сложности. Например, похищенное имущество возвращено жертве преступления в процессе проведения следствия, но в испорченном либо потерявшем товарный вид на момент возврата состоянии. Данное обстоятельство имеет существенное значение для пострадавшего, и особенно в случаях, когда это имущество предназначалось для каких-либо гражданско-правовых сделок (мена, дарение, купля-продажа). Повреждения могут явиться как следствием небрежного хранения, так и результатом умышленных действий. По причине изменения качественных характеристик имущества владелец вправе отказаться от его получения. В таком случае поврежденное имущество может быть оставлено у подсудимого по решению суда либо продано, а причиненный утратой имущества вред возмещен гражданскому истцу в полном объеме по его стоимости на момент исполнения судебного решения.

Следует иметь в виду, что причиненный вред может быть заглажен любым приемлемым для потерпевшего образом, включая денежную компенсацию материального и морального вреда.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ часть 1: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
4. Бойков А.Д. Жертвы преступлений в России, правовые и социальные проблемы их защиты. Третья власть в России: в 2 кн. Кн. вторая: продолжение реформ / А.Д. Бойков. – М.: Юрлитинформ, 2002.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учебн. пособие / С.И. Викторский. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1997.
6. Курс уголовного права. Общая часть: в 2 т. – Т. 1: Учение о преступлении: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало, 2002.
7. Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления / Г. Новоселов // Российская юстиция. – 2001. – №3.
8. Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением / А.П. Рыжаков. – М.: Приор, 1999.
9. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник : 2-е изд., перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов. – М.: Проспект, 2009.

ГЕНЕЗИС НОРМ О НАДРУГАТЕЛЬСТВЕ НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Тертышникова Е.М.

ФГКОУВПО Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г.Хабаровск

Развитие уголовных норм, предусматривающих ответственность за совершение надругательств над телами умерших и местами их захоронения имеет длительную историю становления, обладает рядом особенностей, характерных для соответствующего периода исторического развития российского государства. Одним из ярких этапов в истории Отечественного законодательства является период создания нового советского государства, осуществления социально-экономических преобразований и проведения обширных кодификационных работ.

Тем не менее, после падения императорской власти в 1917 году, проблема надругательства над телами умерших и местами их захоронения не находила своего отражения в уголовно-правовых памятниках России. Объяснение этому, по нашему мнению, связано с новой политикой социалистического государства. Память об усопших, особенное поклонение могилам предков, священные обряды над их телами, издревле связаны с религиозными и нравственными устоями христиан. После проведения Октябрьского переворота со стороны Советской власти активно начались гонения на церковь, широко пропагандировалась идея отделения советского государства от церкви. Вследствие этого многие церкви, кладбища, подвергались разрушению и уничтожению. В.И.Ленин в своих сочинениях писал о том, что государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью, упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены³². Вполне логично, что состав преступления, связанный с надругательством над телами умерших, не нашел своего отражения в уголовных кодексах советского государства 1922 и 1926 годов, ведь это противоречило бы идеологии советской власти.

Только во время «хрущевской оттепели», после смерти Сталина, назрела необходимость масштабного обновления общесоюзного уголовного законодательства. Это время характеризовалось во внутривластной жизни СССР ослаблением тоталитарной власти, появлением некоторой свободы слова, относительной демократизацией политической и общественной жизни, большей свободой творческой деятельности. Интересующий нас состав преступления был закреплен в 10 главе УК РСФСР 1960 года, посвященной преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. В ст. 229 УК РСФСР говорилось о надругательстве над могилой, а равно похищении находящихся в могиле или на могиле

³² См.: Ленин В.И. Сочинение. Т. VII., М., 1915. С. 420.

предметов, за совершение этих противоправных действий, лицо наказывалось лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года³³.

Интересно мнение В.К. Глистина, который считал, что надругательства над могилой есть разновидность хулиганства, не смотря на то, что законодатель выделил в отдельный состав указанное преступное деяние³⁴. В свою очередь Н.П. Грабовская дав уголовно-правовую характеристику надругательству над могилой указала, что предусмотренные статьей 229 УК РСФСР действия посягают на нравственные основы социалистического общества, так как они оскорбительны для памяти об умершем, причиняют тяжелые моральные страдания близким покойного и соответствующий нормам социалистической нравственности порядок, обеспечивающий сохранность захоронений³⁵.

Объектом преступления ст. 229 УК РСФСР являлись нравственные, моральные устои советских граждан. Как отмечает Б.А. Куринов, такого рода преступные действия оскорбляют моральные чувства советских граждан, наносят им душевные травмы, противоречат социалистическому образу жизни³⁶.

По мнению Н.П. Грабовской, объектом этих преступлений является общественный порядок, охраняющий исторически сложившуюся традицию уважительного отношения к умершим, интересам и чувствам близких умершему людей, а также порядок на кладбищах и в других местах, где имеются захоронения³⁷.

Объективная сторона надругательства над могилой – совершение безнравственных, дерзостных, оскверняющих или циничных действий, грубо нарушающих установленный для мест захоронения порядок, разрушение надмогильных сооружений, памятников, надмогильной насыпи, нанесение на могильный холм нечистот, мусора, нецензурные надписи на памятниках и оградах, уничтожение цветов и т. п. Окончено это преступление в момент совершаемых действий независимо от того, выполнил ли виновный свое намерение до конца и стало ли известно лицам, близким умершему.

Субъективная сторона этого преступления – прямой умысел и стремление надругаться, совершить действия, оскорбительные для памяти об умершем. Мотивы при этом могут быть различные – месть, личная неприязнь и т.д. Если помимо надругательства над могилой совершенные действия выражают собой явное неуважение к обществу (например, совершены во время похорон публично, отличаются цинизмом или дерзостью), их следует квалифицировать по совокупности с ч. 2 ст. 206 УК РСФСР³⁸.

Субъектом преступления по статье 229 УК РСФСР может быть вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Согласно п. 93 Указа Президиума Верховного Суда РСФСР от 3 декабря 1982 г. в ст. 229 УК РСФСР 1960 г. было внесено изменение: увеличена уголовная ответственность за совершение рассматриваемых деяний³⁹. После вступления в силу поправки, к лицам, совершившим преступление, предусмотренное статьей 229 УК РСФСР, применялось наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет.

После принятия в 1996 году нового УК РФ, уголовно-правовая норма, регулирующая интересующий нас состав преступления, претерпела ряд изменений. Во-первых, существенно расширен перечень уголовно-наказуемых действий по отношению к телам умерших и местам их захоронений, во-вторых, введены квалифицирующие признаки, отражающие практику борьбы с посягательствами на защищаемые объекты⁴⁰. Отмечается существенное расширение предмета данного преступления, конкретизирована формулировка его объективной стороны⁴¹. Также отметим, что в сравнение со ст. 229 УК РСФСР санкция ст. 244 УК РФ предусматривала более расширенный перечень видов наказаний. Согласно первой редакции ст. 244 УК РФ это были: штраф, обязательные работы, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы. В то время как ст. 229 УК РСФСР в качестве наказания предусматривала только лишение свободы либо исправительные работы. Однако, размер наказания ст. 229 УК РСФСР был строже ст. 244 УК РФ. Так согласно последней редакции ст. 229 УК РСФСР наказание в виде исправительных работ могло быть назначено на срок до

³³ См.: Закон об утверждении уголовного кодекса РСФСР. URL:http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 22.03.2014).

³⁴ См.: Курс советского уголовного права / отв. редактор проф. Н.А. Беляев, Ленинград, 1981. Т. 5. С. 6.

³⁵ См.: Курс советского уголовного права. Указ. соч. С.32-33.

³⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / подред. Ю.Д. Северина М., 1984. С. 477.

³⁷ См.: Курс советского уголовного права. Указ. соч. С.32-33.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» URL:
http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11354.htm (дата обращения: 22.03.2014).

⁴⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 558.

⁴¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией А.В. Наумова. М., 1996. С. 445.

двух лет, тогда как первоначальная редакция ч. 1 ст. 244 УК РФ, определяла размер исправительных работ на срок до одного года.

Итак, проанализировав нормы законодательства, получившие свое развитие в советское время, мы пришли к ряду заключений. Так, нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение надругательств над телами умерших и местами их захоронения развивались сообразно советскому праву в целом. Если на начальном этапе развития указанная норма долгое время не была закреплена в рамках советского законодательства, ввиду социально-политических преобразований, то со временем, законодателями все более уделялось внимание развитию норм, связанных с достойным отношением к умершим.

Как нам кажется исторический опыт становления и развития уголовной ответственности за совершения преступлений, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения не только интересен в рамках ретроспективного анализа, но и актуален для совершенствования норм статьи 244 УК РФ. Считаем необходимым как и в ст. 229 УК РСФСР ужесточить уголовную ответственность в виде исправительных работ на срок до двух лет. Увеличение размера уголовно-правовой санкции, как одного из элементов предупредительных мер уголовной политики государства, приведет к снижению уровня совершенных преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ.

Считаем важным осуществлять изучение истории развития Отечественного законодательства ввиду того, что это является необходимым для понимания современного состояния права, тенденций развития и дальнейшего совершенствования.

Список литературы

5. Закон об утверждении уголовного кодекса РСФСР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 22.03.2014).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией А.В. Наумова. М., 1996.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина М., 1984.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996.
9. Курс советского уголовного права / отв. редактор проф. Н.А. Беляев, Ленинград, 1981. Т. 5.
10. Ленин В.И. Сочинение. Т. VII., М., 1915.
11. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11354.htm (дата обращения: 22.03.2014).

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Хромова Н.М.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Действующее законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних явилось результатом многовекового развития. Так, на протяжении нескольких веков идет гуманизация и модернизация наказания в отношении несовершеннолетних. Это прослеживается со времен древнерусского права до настоящего времени.

Итак, в текстах первых памятников древнерусского права - Русской Правде, Судебнике царя Ивана IV Грозного (1550), Судебнике царя Федора Ивановича (1589) нет норм, четко определяющих возраст привлечения к уголовной ответственности, а тем более не называются особенности применения мер уголовных репрессий в отношении несовершеннолетних. Лишь в нормах Соборного уложения 1649 года впервые в истории отечественного права употребляется понятие «малолетние»⁴². В указанном документе была сделана попытка определения специальных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних. В соответствии со статьей 6 Соборного уложения дети полностью подчинялись родительской власти⁴³.

В уголовном законодательстве периода царствования Петра I происходит развитие нормативных

⁴² История государства и права СССР Ч. 1: Учебник для вузов / Ахмедов Ф.Н., Дюков Л.В., Жакипова А.Ж. и др.; Отв. ред. К.А. Софроненко; МГУ им. М.В. Ломоносова. - Москва: Юридическая литература, 1967. С. 102

⁴³ Возможно, подобные меры стали прообразом действующему пункту «б» части 2 статьи 90 УК РФ

предписаний относительно смягчения наказания малолетним и возможности замены им уголовного наказания иными мерами исправительного воздействия⁴⁴.

Зарождение идеи гуманизации правосудия в отношении несовершеннолетних и понимания специфики детской преступности относится к 1742 году. Иллюстрацией сказанному является ряд положений сенатского Указа императрицы Елизаветы от 23 августа 1742 года, способствовавших значительной гуманизации норм уголовного законодательства, в том числе адресованных несовершеннолетним.

В данном случае весьма наглядным свидетельством изменения вектора рассматриваемого сегмента профилактики является законодательное закрепление отдельных, весьма важных, принципов уголовного законодательства⁴⁵. В частности, устанавливалось, что «малолетними» как мужского, так и женского пола следует считать лиц до 17 лет и таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых. Лица до 17 лет, совершившие преступление, не могли подвергаться ни смертной казни, ни пытке, ни кнуту. Для них наказание заменялось сечением плетьюми и отдачей в монастырь для исправления, где они должны были выполнять «тяжелые монастырские работы»⁴⁶.

В XVIII – XIX вв. уголовное законодательство пошло по пути дифференциации уголовной ответственности с учетом возрастных особенностей лица, совершившего преступление. Допуская применение к несовершеннолетним правонарушителям альтернативных уголовно-правовых мер.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предельный возраст невменяемости был равен 7 годам. В частности, в Уложении значилось, что дети от 7 до 10 лет не подвергаются определенному законом наказанию, а отдаются родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления. Согласно статье 144 Уложения уголовному наказанию подлежало лицо не моложе 10 лет. Согласно статье 145 Уложения лица в возрасте от 14 до 21 года подвергались тем же наказаниям, что и взрослые преступники, только с некоторым исключением, а именно что наказания «телесные над ними, которые по состоянию своему от оных не изъяты, совершаются не через палачей, а через полицейских служителей и не плетьюми, а розгами, и что время работ, к которым они приговариваются, сокращаются одною третью; а в случаях, когда их следовало приговорить к каторжной работе в рудниках без срока, они приговариваются к каторжным работам в рудниках на двадцать лет»⁴⁷.

В Уголовном уложении 1903 года предусматривалось расширение числа мер, заменяющих наказание для подростков внушением от суда, которому подлежали дети от 10 до 17 лет вместо ареста и денежной пени. Применение этой меры зависело от усмотрения судьи. Указанный род взыскания подразделялся на три вида: выговор, замечание и внушение. Выговор представлял открытое осуждение действий и поступков виновного лица и мог быть «более или менее строгим, с внесением в формуляр или без внесения». Замечание представляло собой постановку на вид «неправильных» действий виновного, а внушение – объяснение противозаконности его поступка⁴⁸.

В отношении несовершеннолетних в России в первые 17 лет XX века преобладала репрессивная и карательная тенденция. В частности, за период 1898–1907 годы 4074 несовершеннолетних были осуждены к помещению в колонии (учреждения, преимущественно исправительно-воспитательного характера, что отличало их от тюрем и других пенитенциарных заведений), в то время как 8442 несовершеннолетних – в тюрьмы и арестные дома; а в 1912 году в тюрьмы и арестные дома были помещены уже 15822 несовершеннолетних осужденных⁴⁹.

Через два с небольшим месяца после установления советской власти, а именно – 14 января 1918 года – был принят Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних». В соответствии с ним уголовной ответственности подлежали лица только с 17 лет, то есть все дети и подростки в возрасте до 17 лет были исключены из сферы уголовного судопроизводства.

Основная идея упомянутого Декрета – исправление несовершеннолетних правонарушителей, прежде всего, мерами воспитательного характера – нашла свое воплощение и в принятых в 1919 года Руководящих началах по уголовному праву РСФСР. Согласно статье 13 Руководящих начал, несовершеннолетние до 14 лет не подлежали суду и наказанию. К ним применялись лишь воспитательные меры, или «приспособления». Такие же меры применялись в отношении лиц «переходного возраста», т.е. 14-18 лет, «действующих без разума». Данную

⁴⁴ Блясова И.Ю. Парадигмы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в дореволюционный период // Российский следователь. 2012. № 17 / СПС «КонсультантПлюс»

⁴⁵ Там же

⁴⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 159

⁴⁷ Российское законодательство X - XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М. 1988 С. 202.

⁴⁸ Таганцев Н.С. Указ.соч. С. 180

⁴⁹ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2001. С. 62

норму, как считают некоторые специалисты, можно в определенной мере рассматривать как прообраз нормы о возрастной невменяемости, вошедшей в законодательство позже. Если же несовершеннолетние правонарушители «действовали с разумением», т.е. сознавая общественную опасность своих действий, были возможны меры уголовного наказания.

УК РСФСР 1922 года вновь понизил возраст уголовной ответственности с 18 до 16 лет. Для лиц младше этого возраста, совершивших преступления, основным средством воздействия по-прежнему оставались меры воспитательного характера. Так, статья 18 (с двумя дополняющими ее пунктами «а», «б») УК РСФСР 1922 года сохранил полное исключение применения уголовного наказания к малолетним до 14 лет, а также к несовершеннолетним от 14 до 16 лет, если в отношении данной категории лиц можно было ограничиться мерами медико-педагогического характера. УК РСФСР 1926 года в первоначальной редакции признавал субъектом преступления только лицо, совершившее общественно опасное деяние и достигшее возраста 14 лет, хотя, как уже отмечалось, приоритетными мерами в отношении лиц в возрасте 14-16 лет на первых порах действия УК РСФСР оставались меры воспитательного характера. Вместе с тем УК РСФСР 1926 года исключил смертную казнь для несовершеннолетних, допускавшаяся Уголовным кодексом 1922 года (правда, в примечании к статье 33 УК 1922 года указывалось, что «высшая мера – расстрел – не может быть применена к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста»). Кроме того, статья 14 УК РСФСР 1926 года предусматривала обязательное смягчение наказания: несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет – наполовину, в возрасте от 16 до 18 лет – на треть.

07 апреля 1935 г. специальным Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» возраст уголовной ответственности по ряду преступлений (в том числе по кражам) был снижен до 12 лет; ликвидирована норма (статья 8 Основных начал уголовного законодательства СССР) о преимущественном применении к несовершеннолетним мер медико-педагогического характера; восстановлена возможность применения к несовершеннолетним всех видов уголовного наказания. Соответствующие изменения были внесены в УК РСФСР.

С середины 1930-х годов карательная, а точнее – репрессивная политика в отношении детской преступности стала доминирующей, оставаясь таковой до конца 50-х годов XX века. Между тем в 50-х гг. XX столетия в основу новых УК и УПК РСФСР были положены дореволюционные ювенальные начала.

Так, в УК РСФСР 1960 г. подход к уголовной ответственности и наказанию несовершеннолетних был достаточно гуманным, однако соответствующие нормы были рассредоточены в различных главах Общей части и не были систематизированы. Так, в УК РСФСР 1960 года вводились нормы, смягчающие наказание в отношении несовершеннолетних, а также предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера.

В УК РФ 1996 г. эти начала были «забыты», но Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» гуманизировал положения УК РФ в отношении несовершеннолетних. Так, указанный Закон внес ряд значимых изменений в статьи главы 14 УК РФ «Особенность уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», касающиеся размера штрафа (ч. 2 ст. 88 УК РФ), установления низшего предела наказания за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления (ч. 6¹ ст. 88 УК РФ), а также установление повторного условного осуждения несовершеннолетнему за новое преступление, которое не является особо тяжким (ч. 6² ст. 88 УК РФ). Все эти изменения означают, что основной идеей уголовного наказания несовершеннолетних во все времена является исправить и перевоспитать несовершеннолетнего правонарушителя.

Список литературы

1. Блясова И.Ю. Парадигмы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в дореволюционный период // Российский следователь. 2012. № 17 .
2. История государства и права СССР Ч. 1: Учебник для вузов / Ахмедов Ф.Н., Дюков Л.В., Жакипова А.Ж. и др.; отв. ред. К.А. Софроненко; МГУ им. М.В. Ломоносова. - Москва: Юридическая литература, 1967.
3. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2000.
4. Российское законодательство X - XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Боричев К.В., Павлик М.Ю.

ЧОУ ВПО Институт правоведения и предпринимательства, г.Санкт-Петербург

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению существующей на сегодняшний день проблемы определения такого широко распространённого понятия как «терроризм». Рассматриваются некоторые имеющиеся на сегодняшний день в юридической литературе определения, а также законодательное определение этого понятия, существующее в российском законодательстве, в т.ч. анализ его недостатков. Предлагается определение понятия «терроризм» с учётом выявленных неточностей.

Ключевые слова: идеология насилия, международный терроризм, терроризм, устрашение.

The article is devoted of consideration of a current problem - the definition of such a common term as «terrorism». Discusses some of the evidence in the legal literature definitions and the legal definition of this term in Russian legislation, including analysis of its incorrectness. Proposed definition of «terrorism» based on identified discrepancies.

Key words: ideology of violence, global (transnational) terrorism, terrorism, intimidation.

Общеизвестно, что сам термин «терроризм» происходит от латинского слова *terror*, которое означает ужас или страх. При этом сам терроризм, представляя собой сложное социально-политическое явление и общественно опасное деяние, насчитывает многовековую историю. Следует отметить, что обыденное и юридическое понимание терроризма менялось с течением времени, с изменением политической и социально-экономической ситуации в той или иной стране, с развитием юридической мысли и законодательной системы, однако основная его суть оставалась прежней – наведение ужаса и страха на власть, властные структуры и население, которое достигается путём совершения жестокого насилия либо угроз насилием, и имеет своей целью устрашение, запугивание или подавление политических противников и конкурентов, навязывание им желательной террористам линии поведения [3, с. 130].

На сегодняшний день в различных источниках приводится более 100 определений понятия «терроризм». При этом важно отметить, что практически во всех из них присутствуют два главных признака непосредственно террористических действий – насилие и его необходимое следствие – устрашение [5, с. 9].

Так, в издании «Терроризм в современном мире», подготовленном Центром исследования проблем безопасности РАН, в качестве одного из имеющихся на сегодняшний день определений представлено следующее: под терроризмом и террористической деятельностью понимается сложное социально-политическое, общественно опасное явление, которое имеет длительную историю и существовавшее на протяжении многих веков, представляющее собой сложный конгломерат различных уголовно наказуемых деяний, которые при определённой мотивации субъектов преступлений представляют собой конкретные формы террористической деятельности [5, с. 287].

Различного рода международные организации неоднократно обсуждали тему терроризма и делали попытки дать объяснение данному понятию. В качестве примера можно привести определение терроризму, которое было дано в так называемой Мекканской декларации, принятой на XVI сессии Академии фикха при Лиге исламского мира в 2002 году, в которой терроризм был определён как агрессия против человека и произвол по отношению к нему. В этой же декларации было дано определение терроризма как агрессии, к которой прибегают отдельные лица, группы или государства, против человека и посягающей на его религию, жизнь, разум, честь или имущество. Кроме того, в понятие терроризм были включены и не имеющие правовых оснований запугивание людей, угрозу применения силы, причинение им страданий и смерти [5, с. 442].

Важно отметить, что на сегодняшний день существование множества определений терроризма, трактовок его характеристик и элементов связано с тем, что различные государства по-разному воспринимают террористическую угрозу и определяют адрес её источников, с тем, что трактовка терроризма в значительной степени зависит от методологических или прикладных целей исследования данного феномена [4, с. 19].

Основную сложность при выработке однозначного толкования терроризма для международного сообщества представляет непосредственное или опосредованное признание справедливости того, что различные народы могут бороться за свою независимость, при наличии противоречивых международно-правовых принципов – с одной стороны, право наций на самоопределение, а с другой – международное признание суверенитета государств. Также не способствует выработке единого понимания терроризма использование

различными государствами двойных стандартов при оценке действий тех или иных национальных, религиозных, политических и социальных групп населения [3, с. 133]. Так, в зависимости от того, что удобнее в определённой ситуации для конкретной страны, одно государство, проводя оценку деятельности террористических сообществ и организаций, которые используют крайнее насилие для достижения своих политических, сепаратистских, религиозных или националистических целей, признаёт их борьбой за свободу, а другая страна считает эти же самые действия терроризмом. В последнее время ярким примером проявления политики «двойных стандартов» является внешняя политика США в странах Ближнего Востока, в результате которой в ряде стран произошла так называемая «Арабская весна» и действующие правительства и режимы были свергнуты. При этом в целях реализации своих интересов США активно задействовали региональные террористические организации, оказывая им материальное содействие, а в глазах мировой общественности представляя боевиков террористических организаций как лиц, борющихся за свободу и независимость своей страны.

Действительно, одним из проблемных моментов является отграничение терроризма от освободительной и национально-освободительной борьбы. При этом следует отметить, что терроризм в основном не носит массового характера и антидемократичен по сути. Но если освободительная борьба представляет собой убийство невинных мирных жителей, женщин и детей, то она не отличается от терроризма. Такая двойственность наблюдалась как в период противостояния в холодной войне двух мировых систем, так сохраняется и на сегодняшний день [3, с. 134].

На сегодняшний день в связи с распространением террора по всему миру и тем, что он затрагивает одновременно целый ряд государств, важным является появление и юридическое закрепление такого понятия, как международный терроризм, который по сути представляет собой способ устрашения государств (народов, а также этнических или религиозных групп) со стороны международных террористических и экстремистских движений или объединений религиозных фанатиков путём проведения террористических актов против государственных и общественных деятелей, сотрудников международных организаций, а также гражданского населения [2, с. 59].

Таким образом, различие подходов в понимании и оценках терроризма обуславливает и несовпадение определений, даваемых этому явлению.

Так, в «Юридической энциклопедии» под ред. М.Ю. Тихомирова приводится определение понятия «терроризм», заимствованное из Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в котором в ст. 3 указывается: терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [6, с. 948].

В Российской Федерации на данный момент указанное определение является общепризнанными и используется в правовой и судебной практике, в т.ч. при квалификации преступлений террористической направленности.

Необходимо отметить, что действующее в настоящий момент определение понятия «терроризм» нуждается в корректировке ввиду наличия определённых недостатков и неточностей, а именно:

1) не уточнено, о каком именно идеологическом аспекте применительно к терроризму идёт речь. При этом с целью отграничения терроризма от иных форм идеологически обоснованного насилия необходимо указание непосредственно на социально-политический характер этого насилия, чего нет в легальной дефиниции;

2) из буквального толкования фразы о механизме террористического воздействия путём устрашения населения или «иных форм противоправных насильственных действий» следует, что к терроризму могут быть отнесены мятеж, массовые беспорядки, военная агрессия, захват власти или другие формы нелегитимного насилия, что неприемлемо к терроризму;

3) законодателем сужены целевые установки субъектов террористической деятельности и определено, что они сводятся к принуждению принять определённые решения только структур, обладающих определённым статусом либо имеющих властные полномочия (органы государственной власти, органы местного самоуправления или международные организации). Но важно учитывать, что объектом воздействия террористов часто являются и заранее выбранные ими слои населения, поведением которых они пытаются управлять.

В качестве примера можно привести массовые грабежи, захват имущества, убийства, изнасилования и иные формы террора в 1990-х годах в Чечне в отношении представителей некоренного, «неэлитного» населения, которые были направлены на достижение конкретной политической цели – их вытеснения из «свободной и независимой Ичкерии». В данном случае субъекты массового террора не пытались воздействовать на какие-то органы власти, т.к. фактически местная власть поощряла эту этническую чистку населения, а федеральная была на тот момент бессильна. И устрашение населения выступало не в качестве инструмента опосредованного

воздействия на органы государственной власти, органы местного самоуправления или международные организации, а в роли самостоятельного, прямого рычага воздействия. Это – яркий пример применения террористического метода для достижения социально-политических целей путём прямого воздействия на социум, который не «встраивается» в определение терроризма, данное российским законодателем.

При этом важно учитывать, что в действующих на сегодняшний день международных нормативных актах особое внимание уделяется тому, что терроризм ни при каких условиях не может быть оправдан какими-либо соображениями политического, экономического, социального, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении преступлений террористической направленности, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом, и им должно быть назначено наказание с учётом тяжести совершенных преступлений.

Необходимо отметить, что определение понятия «терроризм» в Модельном законе МПА СНГ «О борьбе с терроризмом» в редакции 2004 года более полно характеризовало этот опасный феномен в качестве угрозы безопасности: терроризм – наиболее опасная форма политического экстремизма, связанная с шоковым воздействием на массовое сознание и сознание государственных и общественных деятелей и заключающаяся в применении насилия либо угроз его применения, посредством чего через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели» [4, с. 241].

Учитывая сказанное, на современном этапе можно предложить следующее определение понятия «терроризм», максимально объективно характеризующее его и как опасное криминальное и социально-политическое явление, и как угрозу безопасности общества и государства: терроризм – это идеологически обоснованное и носящее социально-политический характер нелегитимное применение насилия либо угрозы применения такового, посредством которого осуществляется воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями или дестабилизация их деятельности, а также осуществляется управление в выгодном для террористов направлении поведением физических лиц путём их устрашения в целях достижения преследуемых террористами целей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с послед. изм. и доп.) // «Собрание законодательства РФ», 13.03.2006, № 11, ст. 1146.
2. Война и мир в терминах и определения. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Лунев. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 872 с.
4. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террологию. – М.: КРАСАНД, 2013. – 464 с.
5. Терроризм в современном мире. 2-изд. / под ред. В.Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. – М.: Наука, 2011. – 603с.
6. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополненное и переработанное/Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2012. – 1088 с.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Николаев П.Д., Васильев Д.Н.

Северо-Восточный федеральный университет, г.Якутск

На протяжении многих десятилетий конфискация имущества в России была предусмотрена в Уголовном кодексе как вид дополнительного наказания.

В современной России на протяжении более двух лет после принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ конфискации имущества как меры наказания не существовало. Имущество могло быть конфисковано только как вещественное доказательство на основании ст. 81 УПК РФ.

После отказа от этого вида наказания уже в 2004 году произошел значительный рост числа лиц, виновных в преступлениях против собственности - 438234 (+14%). В 2005 году негативные тенденции еще более усилились: осуждено 503792 человека (+15%). Относительно 2003 года прирост составил 31%. С момента исключения конфискации из системы наказаний произошли сдвиги и в уровне причиненного преступлениями материального

ущерба. В 2004 году сумма потерь к предыдущему году увеличилась на 46%, в 2005 возросла в 5,35 раз относительно 2004 года и в 7,82 по сравнению с 2003 годом.

Исходя из этого, законодатель, сделав вывод о важной превентивной роли конфискации имущества, вернул ее в 2006 году в УК РФ, но в качестве иной меры уголовно-правового характера. И на сегодняшний день она является наиболее спорной иной мерой уголовно-правового характера.

Как показало изучение статистических данных Якутского городского суда с 2008 по 2013 года, правоприменительная практика по конфискации имущества очень слабая, как и по всей России. Так, в 2008 г. конфискацию Якутский городской суд применил по 6 приговорам, в 2009 г. - по 5 приговорам, в 2010 г. – по 1 приговору, в 2011-2013 гг. не применялась.

Причиной неиспользования конфискации в практике борьбы с преступностью, прежде всего, является неудовлетворительное законодательное регулирование этой меры.

Во-первых, не представляется возможным определить ясные критерии, позволившие законодателю включить в перечень преступлений, содержащихся в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ те или иные преступления.

Возникает вопрос об обоснованности включения в перечень конфискационных преступлений ряда деяний. Корыстный мотив для большинства посягательств, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104,1, не является конструктивным признаком состава преступления, выступая в качестве квалифицирующего или факультативного признака, либо вовсе находится за рамками состава преступления.

Напротив, некоторые посягательства корыстной направленности не упоминаются в перечне конфискационных преступлений. Например, в данном перечне отсутствуют статьи, предусматривающие ответственность за преступления против собственности (к примеру, статьи 158 - 164, 171, 172, 178 УК РФ).

Думаю, что представляется целесообразным отказаться от существующего перечня преступлений. Таким образом, исключение из оснований применения конфискации имущества позволит расширить сферу применения данной меры уголовно-правового воздействия и более эффективно восстанавливать нарушенные преступлением материальные правоотношения.

Конфискация имущества может наступать только на основании провозглашенного обвинительного приговора, что исключает возможность применения данной меры в случае совершения общественно-опасного деяния невменяемым либо в случае смерти обвиняемого, а также при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 75, 76 УК РФ), когда факт совершения деяния является установленным.

Из-за этого могут возникать различные проблемы в правоприменительной практике. И поэтому полагается, что будет наиболее верным исключить упоминание о том, на основании какого именно процессуального решения суда должно изыматься имущество.

По смыслу ч. 3 ст. 104.1 УК РФ следует, что имущество не может быть изъято, если лицо не знало и не должно было знать о его преступном происхождении. Данное правило не позволяет изымать имущество, полученное в результате совершения преступления и переданное, например, в дар родственникам или близким лицам, не осведомленным о его преступном происхождении. Таким образом, возникает ситуация, когда нормы уголовного права входят в прямое противоречие с нормами гражданского права.

Разрешив вышесказанные и другие проблемы, возникающие в правоприменительной практике по конфискации имущества, можно будет добиться эффективности в борьбе с особо опасными преступлениями имущественного и коррупционного характера.

Список литературы

1. Векленко С.В., Карпов К.Н. – Конфискация имущества: противоречия законодательства.
2. Векленко С.В., Самойлова С.Ю. - Совершенствование уголовного законодательства в части правовой регламентации конфискации имущества.
3. Чупрова А.Ю. – Основные тенденции развития института конфискации в уголовном праве.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 264 УК РФ, В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 25 ОТ 09.12.2008

Кусакин В.В., Латыпова Э.Ю.

Институт экономики, управления и права, г.Казань

Существующую систему уголовного законодательства в Российской Федерации нельзя назвать совершенной, и зачастую при применении законов возникают определенные трудности, которые требуют разъяснения. В даче разъяснений по вопросам судебной практики и заключается основная задача Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации представляет собой орган Верховного суда, включающий в себя всех судей Верховного Суда РФ, при этом он не осуществляет правосудие сам, его задачей является приведение к единству применения правовых норм и исключения правового разнобоя, разъяснение возникающих спорных моментов.

Статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая уголовную ответственность за преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, не лишена спорных моментов. Рассмотрение спорных моментов данной статьи – само по себе тема для отдельной работы. Транспортная проблема очень актуальна в нашей стране, учитывая автопарк, насчитывающий более 50 миллионов стоящих на учете в органах ГИБДД автомобилей всех видов, извечную проблему качества наших дорог, и то, что в результате транспортного фактора на российских дорогах ежегодно погибает до 30 тысяч человек и получают различной степени тяжести вред здоровью больше 200 тысяч человек.

9 декабря 2008 года Пленум Верховного суда Российской Федерации принял постановление № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Данное постановление было принято в связи со спорными моментами, возникающими при осуществлении правосудия по ст. 264, 266 и 166 УК РФ. Одним из спорных моментов данного постановления, на взгляд автора, является субъект преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Проанализируем отдельные аспекты данной проблемы в контексте вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Общеизвестно, преступление представляет собой общественно опасное деяние, которое запрещено Уголовным кодексом под угрозой наказания.

Неотъемлемыми и обязательными признаками любого преступления являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона и при отсутствии одного из данных признаков деяние не может считаться преступным.

Субъект преступления – это лицо, совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 14 УК РФ. В российском уголовном праве субъектом преступления может являться лишь физическое лицо, не могут являться субъектами преступления юридические лица, животные, а также неодушевленные предметы.

Общими обязательными признаками субъекта преступления являются вменяемость и достижение лицом определенного возраста, предусмотренного ст. 20 УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ, является лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, что также отмечено и в п. 2 рассматриваемого Постановления. Субъектом признается лицо, которое управляло автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством, предназначенным для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нём.

Как нам представляется, последний аспект, относящийся к управлению отдельными видами транспортных средств, на который также указывается в Постановлении со ссылкой на Правила дорожного движения, является недостаточно чётко сформулированным. Так, в ст. 264 УК РФ есть примечание, согласно которому под другими механическими средствами, кроме автомобиля и трамвая, понимаются троллейбусы, трактора, другие самоходные машины, мотоциклы и иные механические средства. В сравнении с данным примечанием, на взгляд автора, Пленум истолковал предмет преступления более узко, поскольку существуют транспортные средства, которые не предназначены для указанных в Постановлении перевозок, а используются для иных определенных целей и эти виды транспорта в Постановлении остались не указанными.

К таким видам транспорта, в частности, можно отнести сельскохозяйственные, дорожные и иные транспортные средства, такие как автокраны, комбайны, автопогрузчики, экскаваторы, бурильные машины. Отсылка к п. 1.2 Правил дорожного движения в данном случае не решает проблемы, поскольку в них также не дается более подробного толкования.

В п. 4 Постановления указаны действия субъекта преступления, совершенные при проведении строительных, дорожных и сельскохозяйственных работ, но в ином контексте и не в результате нарушения ПДД или эксплуатации транспорта. А между тем и с использованием вышеуказанных транспортных средств возможны нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, поскольку эти средства также могут принимать участие в дорожном движении.

В целом мы согласны с определением Пленума в п. 2 Постановления о том, что субъектом признается не только водитель, имеющий право на управление транспортным средством, полученное в установленном законом порядке, но и вообще любое лицо, которое находилось за управлением транспортным средством. Также Пленум в данном постановлении подтвердил положения одного из определений Верховного Суда СССР 1971 года, где было сказано, что за нарушение правил безопасности движения на машине с двойным управлением несёт инструктор, а не ученик. Данное разъяснение не утратило актуальности и после принятия нового Уголовного кодекса 1996 года, закрепив указанные положения в новых правовых реалиях.

При этом, на взгляд авторов, является необходимым внесение в постановление Пленума № 25 от 9 декабря 2008 года положения о том, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ в случае наличияотягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «н» и «о» ст. 63 УК РФ, является обязательным назначение дополнительного наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, предусматривающей лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это связано в связи с рядом случаев, когда лицо, занимающее на момент совершения преступления какую-либо должность либо являющееся сотрудником правоохранительного органа, избегает наказания либо получает гораздо более мягкое наказание. Данное предложение связано с тем, что совершаемые данными лицами преступления свидетельствуют об их особой изощренности и тем самым дискредитируют властные органы в глазах граждан.

Дальнейшее совершенствование постановления Пленума № 25 от 9 декабря 2009 года, равно как и других правовых актов, устанавливающих ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, является залогом повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с безопасностью дорожного движения, и вследствие этого – снижения риска смерти или причинение вреда здоровью на дорогах и улучшения экономической и нравственной атмосферы в стране.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) //Собрание законодательства РФ. –2014. – № 15. – Ст. 1691.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2310
3. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. – 2014 – № 42 – Ст. 5615
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2
5. Петухов Н.А., Мамыкин А. С. Правоохранительные и судебные органы России. Учебник. Под ред. Н.А. Петухова и А.С. Мамыкина – М.: РАП, 2009 – 414 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ И ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Семикина М.С.

Дальневосточный юридический институт МВД России, г.Хабаровск

Современное состояние и перспективы российско-китайских отношений заставляют переориентировать большинство социально-правовых институтов обеих держав. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», обозначен в качестве программного документа, определяющего развитие китайско-российских отношений в новом веке[5]. Процесс

крупномасштабных изменений спровоцирован не только наличием протяженной государственной границы, исторически сформированных интересов и контактов, но и необходимостью общемировой борьбы с трансграничными преступлениями, среди которых значительную часть составляют торговля детьми сопряженная с эксплуатацией.

Более десяти лет назад эксперты отметили наличие данной проблемы, требующей решения в рамках международного сотрудничества. С момента открытия границ большой интерес китайский и российский криминал проявил к бизнесу по оказанию сексуальных услуг. Сотни российских девушек завозились на территорию Китая, где попадали в фактическое рабство и принуждались к проституции [6,24].

В настоящее время, рабству подвергаются не только взрослые мужчины и женщины, жертвами преступления все чаще становятся несовершеннолетние, а среди их обидчиков не только преступные организации, но и собственные родители. По сообщению средств массовой информации КНР в провинции Шаньдун задержана преступная группа осуществляющая торговлю младенцами. «Ценовая политика» варьировалась: мальчиков продавали за 245 тысяч юаней, девочек за 146 тысяч, вознаграждение посредников составляло 25-35 тысяч юаней. За несколько лет, преступной группой было совершено одиннадцать сделок подобного рода. Самой младшей жертве было 5 дней, самой старшей не более месяца. В провинции Хайнань были спасены семь мальчиков, подвергшиеся жестокому насилию, которые были сданы родителями в аренду[8]. Общемировой резонанс получили события произошедшие летом 2014 года, в одной из провинций семейная пара продала своих сыновей в рабство, решив таким образом заработать денег для покупки предметов для участия в онлайн-игре[3].

Не менее утешительной представляется ситуация в России. В Москве, в декабре 2010 года, гражданка России родила ребёнка мужского пола, после чего, осуществила продажу своего малолетнего сына получив за него 1.200.000 рублей [7]. В феврале 2012 года в городе Бикин Хабаровского края, Савченко Ю, продала своего 5-летнего сына за 300 тысяч рублей, при первоначальном требовании в 800 тысяч рублей [4].

Вышеотмеченное, диктует необходимость обдуманного, научно и практически обоснованного подхода и планирования совместной деятельности по борьбе с эксплуатацией несовершеннолетних. В первую очередь, необходимо совершенствование национального законодательства, позволяющего активизировать международное сотрудничество.

Китайская Народная Республика представлена в качестве страны транзита и страны назначения для несовершеннолетних, подвергающихся в значительной части сексуальной эксплуатации. Зачастую жертвами рабства становятся люди из соседних стран, в том числе Вьетнама, России, Северной Кореи. Продолжают поступать сообщения, что китайские дети, вовлеченные в занятие проституцией, а также различные формы принудительного труда, включая попрошайничество, воровство. Имеются также сообщения об использовании принудительного детского труда при сборе урожая хлопка в провинции Синьцзян[1].

Обострившаяся ситуация в КНР, обусловила активизацию государственной деятельности по борьбе с данным рода посягательствами. В первую очередь это коснулось совершенствования законодательства. Анализируя правовую базу Китайской Народной Республики, особое внимание необходимо уделить Постановлению Государственного Совета КНР от 2 марта 2013 г. № 19 «Об утверждении Национального Плана КНР действий по борьбе с торговлей людьми на 2013-2020 гг.». Документ достаточно содержателен и определяет основные направления деятельности, среди которых особое внимание уделено борьбе с торговлей и эксплуатацией несовершеннолетними. Так, принципиальными являются позиции по активизации программ планирования семьи, обязательное получение детьми первоначального образования, поддержка студенчества и молодежи. Программа в целом, определяет направления деятельности Народной полиции Министерства общественной безопасности КНР, среди которых особое внимание уделено выявлению фактов торговли детьми и борьбе с рабством. Наряду с указанным, государство заинтересовано в осуществлении процесса адаптации детей, ставших жертвами преступления, в связи с чем, разработаны конкретные программы восстановления социальной роли несовершеннолетних. Среди важнейших направлений зафиксирована необходимость международного сотрудничества, реализуемая в обмене информационном, аналитическом, методическом[2].

Тем не менее, говорить о наличии идеального механизма противодействия торговле детьми не приходится. Уголовный закон КНР, предусматривающий ответственность за указанную категорию преступлений, несколько сокращает возможности правоприменителей. Отсутствие разъяснений категории «продажа» и «покупка» человека затрудняет объективное понимание сущности общественно опасного деяния. К примеру, среди немногочисленных норм, предусматривающих защиту от рабства, представлена статья 244УК КНР «Принуждение рабочих к труду посредством ограничения свободы человека организациями, использующими рабочую силу, в нарушение положений трудового законодательства». Однако содержательная часть нормы весьма ограничивает круг потерпевших, не позволяя говорить об универсальности ее применения даже в отношении

несовершеннолетних. Соответственно, наличие столь перспективного плана борьбы с торговлей людьми, позволяющего достаточно объективно скорректировать деятельность в этом направлении, обеспечивая государство необходимыми уголовно-правовыми средствами, в тоже время, ни в коей мере не повлияло на совершенствование уголовного законодательства, что негативно сказывается на практике реализации, как норм уголовного закона, так и перспективных положений плана.

Диаметрально противоположная ситуация происходит в Российской Федерации. Многочисленные изменения коснулись уголовного закона, предусматривающего ответственность за торговлю несовершеннолетними сопряженную с эксплуатацией. Примечание ст. 127.1 УК РФ содержит понятие эксплуатации человека присущее торговле людьми. Содержательная часть данной категории не является самостоятельной разработкой российского законодателя, а заимствована из ратифицированных международных документов, однако позволяет определить границы криминальной купли-продажи человека. Наряду с указанным, преступления против свободы личности, содержат категорию рабского труда, позволяя тем самым говорить, о различии таких понятий как эксплуатация и рабский труд. Однако при относительной содержательности уголовного закона, в отличие от КНР, мы лишены объективного плана противодействия столь опасного преступного посягательства как торговля людьми, содержащего все элементы категории рабства. На наш взгляд, отсутствие унифицированного плана не позволяет в полной мере скорректировать направления уголовной политики, механизм борьбы с преступлениями, а равно направления по предупреждению и пресечению преступной деятельности в отношении несовершеннолетних. Нельзя не принять во внимание и необходимость разработки механизма помощи жертвам преступлений, особенно если ими становятся несовершеннолетние, требующие особого подхода. Бесспорно, наличие норм уголовного закона не способно в достаточной мере отразить направления совершенствования системы борьбы с преступностью в целом, и некоторыми наиболее общественно опасными деяниями, имеющими статус опасности международного уровня.

Изложенное, позволяет сделать вывод, о необходимости преодоления определенных проблем, возникающих при реализации национального законодательства в борьбе с преступлениями международного характера. В большей степени это относится к несовершенству механизма в целом. Восприняв опыт других государств, в нашем случае, Китайской Народной Республики, обратившись к положениям Постановления Государственного Совета КНР от 2 марта 2013 г. № 19 «Об утверждении Национального Плана КНР действий по борьбе с торговлей людьми на 2013-2020 гг.», целесообразно проанализировать наиболее перспективные его положения. В частности, наличия программ, направленных на профилактику негативных явлений и процессов, порождающих торговлю детьми. В то же время, законодателю Китайской Народной Республики, можно обратиться к опыту российских коллег, о заимствовании ряда уголовно-правовых категорий, регламентированных международными положениями, в целях совершенствования и единства понятийного аппарата и соответственно механизма противодействия торговле и эксплуатации несовершеннолетними.

Список литературы

1. China National Plan of Action on Combating Trafficking in Women and Children (2008-2012) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.humantrafficking.org/countries/china/>
- 2.国务院办公厅关于印发中国反对拐卖人口行动计划（2013—2020年）的通知，
国务院办公厅2013年3月2日19号 / Постановление Государственного Совета КНР от 2 марта 2013 г. № 19 «Об утверждении Национального Плана КНР действий по борьбе с торговлей людьми на 2013-2020 гг.» / Пер. А.Ю. Манцуров
3. В Китае родители продали детей в рабство ради игры [Электронный ресурс] // URL: http://piter.tv/event/V_Kitae_roditeli_prokali_detej_v_rabstvo_radi_igri/(дата обращения 15.10.2014)
4. Вынесен приговор за покушение на продажу ребенка. [08.11.2012] [Электронный ресурс] URL: http://bikinsky.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=11&cl=1&did (дата обращения 13.11.2014)
5. Московское совместное заявление глав государств России и Китая // Сборник российско-китайских документов. 1999 — 2007. М., 2007. С. 153.
6. Нырова Н.Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности. Хабаровск, 2003. С. 24.
7. Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы 05.04.2011 года по обвинению Канацуй М.М.// Архив Зеленоградского районного суда г.Москвы за 2011 год. Уголовное дело №1-154/2011
8. Торговля детьми в Китае [Электронный ресурс] // URL:<http://voprosik.net/> (дата обращения 10.11.2014)

ПРЕСТУПНАЯ СОВМЕЩНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ВИДЫ

Романов А.К.

Юридический факультет им. М.М. Сперанского Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г.Москва

Институт преступной совмештности – один из сложнейших в уголовном праве. В современной юридической литературе преступная совмештность нередко рассматривается лишь в рамках соучастия, как «обязательный признак, характеризующий деятельность всех соучастников» [5, 24]. Между тем соучастие - всего лишь одна из форм преступной совмештности. Преступная совмештность может принимать и целый ряд иных форм, известных в уголовном праве.

В целом преступную совмештность можно определить как институт уголовного права. Нормы этого института регламентируют пределы и последствия той юридической связи, которая может иметь место между двумя и более лицами при совершении преступления. В зависимости от особенностей уголовно-правовой характеристики и признаков преступной совмештности в УК РФ, а также в теории выделяют разные ее формы. Систему преступной совмештности образуют такие ее формы, как совиновничество, соучастие, прикосновенность, посредственное причинение и сопричастность. О них пойдет речь в настоящей статье.

Совиновничество (sicii criminis) - элементарная форма, которую может приобретать преступная совмештность. Виды совиновничества определяются положениями ст. 35 УК РФ. К ним относятся: совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией). Совиновничество в установленных законом формах возникает при умышленном соединении преступных действий двух и более лиц при непосредственном совершении умышленного преступления. Совиновничество и его уголовно-правовые последствия учитываются нормами Общей и Особенной части УК РФ.

В ч. 7 ст. 35 УК РФ устанавливает, что совиновничество возможно в виде совершения преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией). Совершение преступления в рамках совиновничества влечет более строгое наказание. В п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ совиновничество признается обстоятельством, отягчающим наказание. В Особенной части УК РФ преступная совмештность в форме совиновничества учитывается в качестве квалифицирующего признака в составах многих преступлений. Примером могут служить положения п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 158 («Кража»), которыми устанавливаются уголовно-правовые последствия совершения кражи группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, соответственно.

Соучастие (soocii in crimine) - более сложная, в сравнении с совиновничеством, форма преступной совмештности. Виды соучастия устанавливаются положениями ст. 33 УК РФ. К ним, в частности, относятся: исполнение, организация, подстрекательство и пособничество.

Соучастие предполагает разделение ролей при совершении преступления, отягченного преступной совмештностью. Главное же, что отличает соучастие от совиновничества, состоит в том, что в рамках соучастия не все лица, связанные умышленной преступной совмештностью, непосредственно совершают преступление. При соучастии преступление непосредственно совершается исполнителем (исполнителями). Особенностью соучастия как формы преступной совмештности является то, что при соучастии имеет место не просто соединение, но умышленное объединение преступных действий всех участников преступления. Нередко на практике и в научной литературе преступная совмештность подменяется фактической причастностью. В отсутствие фактической причастности преступная совмештность невозможна. Однако фактическая причастность соучастников не подменяет юридическую обоснованность их уголовной ответственности. Она определяется не только с учетом фактической причастности, но и нормативных требований, установленных для преступной совмештности.

Фактическая причастность двух и более лиц к совершаемому преступлению может иметь место и в отсутствие преступной совмештности в форме соучастия. При этом сама преступная совмештность, в иной форме, не исключается. В таких случаях уголовная ответственность наступает на общих основаниях. Поясним это на примере.

Допустим, И., желая убить В., подговорил П. выстрелить в В. из ружья, уверив П., что ружье заряжено холостыми патронами и цель - только напугать В. Согласно договоренности П. стреляет и убивает В. Фактически к смерти В. причастен не только П., но и И., поэтому возникает вопрос об ответственности И. за смерть В., причиненную действиями П. В данном случае преступная совмештность в форме посредственного причинения вносит новацию в квалификацию содеянного И. Так, П. виновен в неосторожном причинении смерти П. (ч. 1 ст.

109 УК РФ), а И. - в убийстве П., отягощенном преступной совместностью в форме посредственного причинения. Его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ. И. действовал умышленно, а П. - по неосторожности. Это исключает их соучастие и их совиновничество, но не преступную совместность в форме посредственного причинения. И. использовал для совершения преступления П., который не подлежит ответственности за умышленное причинение смерти В. В силу ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем убийства В. признается И. Что касается П., то он должен нести ответственность за преступление, совершенное им по неосторожности.

Посредственное причинение - самостоятельная форма преступной совместности, которая при совершении преступления возникает между лицом, подлежащим уголовной ответственности, и лицом, уголовная ответственность которого исключается в силу возраста, невменяемости или по другим, предусмотренным уголовным законом основаниям. К числу последних, например, относятся обстоятельства, исключающие преступность деяния, - физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Ситуация преступной совместности в форме посредственного причинения описывается известной максимой римского права *qui facit per alium facit per se* («кто действует через другого - действует сам»). При посредственном причинении преступление считается совершенным именно тем, кто непосредственно преступление не совершает, а «действует через другого».

Посредственное причинение исключает не преступную совместность как таковую, а такие ее формы, как совиновничество и соучастие. Наличие уголовно-правового отношения (преступной совместности) между лицом, юридически совершающим преступление, и лицом, лишь используемым при совершении преступления, дополняет положения ст. 8 УК РФ по вопросу об основании уголовной ответственности с учетом преступной совместности.

Так, в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 09.02.2012) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" отмечается, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем *посредственного причинения* [4, 2].

Посредственное причинение как форма преступной совместности устанавливается положениями ч. 2 ст. 33 УК РФ. Согласно закону лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ, признается исполнителем преступления. В литературе положения ч. 2 ст. 33 УК РФ подверглись, на наш взгляд, обоснованной критике ввиду неудачного места, которое законодатель определил для данной нормы [1, 46 - 51; 6, 111- 119]. Действительно, конструктивный недостаток ч. 2 ст. 33 УК РФ состоит в том, что она не исключает ложный вывод, согласно которому «посредственное причинение» (в терминологии Верховного Суда РФ), или «посредственное исполнение» (в юридической литературной традиции) относится к такой форме преступной совместности, как соучастие. На самом деле оснований для этого нет. Вдумчивое толкование закона в целом, а не только текста ст. 33 УК РФ («Виды соучастников преступления»), приводит к выводу, что посредственное причинение наряду с совиновничеством и соучастием есть не что иное, как самостоятельная форма преступной совместности в уголовном праве.

Прикосновенность - форма преступной совместности, которая возникает в связи и по поводу уже совершенного преступления, причем как умышленного, так и неосторожного. Прикосновенность лишена субъективных и объективных признаков совиновничества и соучастия. Данная форма преступной совместности возникает лишь в том случае, если действия (бездействие), ее образующие являются умышленными и совершаются в связи и по поводу уже оконченного преступления. Например, понятием прикосновенности охватываются легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ), заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ).

Сопричастность - форма преступной совместности, которая возникает при совершении неосторожных преступлений двумя и более лицами. Ситуацию сопричастности хорошо иллюстрирует пример, который приводит П.И. Люблинский (1882 – 1938). Двое крестьян затеяли езду наперегонки в телегах. Они пустили вскачь своих лошадей по большой дороге. На пути им попался прохожий – он был задавлен, но чьей именно телегой, установить не удалось [7, 201]. Проблема сопричастности состоит в том, что вред причиняется не кем-то одним, а стечением действий всех, кто проявляет неосторожность в конкретной ситуации.

Вопрос о признании сопричастности в качестве самостоятельной формы преступной совместности в теории уголовного права до сих пор остается дискуссионным. По общему правилу лица, причиняющие вред в результате совершения совокупных неосторожных действий (бездействия), признаются индивидуально действующими лицами. Это, в свою очередь, порождает определенные сложности при решении вопроса об уголовной ответственности за причиненный вред, поскольку индивидуальными действиями при сопричастности такой вред не был причинен. Как верно отмечает И.М. Тяжкова, «несмотря на очевидную повышенную опасность вреда, причиняемого совокупными действиями (бездействием) неосторожно действующих нескольких лиц, расширение рамок соучастия за счет таких лиц представляется ни теоретически, ни практически необоснованным» [11, 54].

Вывод о существовании в уголовном праве такой формы преступной совместности, как сопричастность, в юридической литературе разделяется многими авторами [2, 22 - 25; 8, 44 - 45, 9, 43]. Вместе с тем следует отметить, что основная проблема уголовной ответственности в рамках сопричастности заключается не в отсутствии объективной, но в отсутствии субъективной совместности. Так, в литературе отмечается, что неосторожная вина исключает осведомленность лиц, причинивших преступный результат, об их преступной совместности [3, 19; 10, 55].

Следует учитывать, что при сопричастности общественно опасные последствия порождаются стечением неосторожных действий двух и более лиц, а не индивидуально ими совершенными. Сопричастностью, таким образом, охватываются случаи совместного неосторожного причинения единых общественно опасных последствий неосторожными действиями (бездействием) двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности.

Список литературы

1. Абудеев, В.В. Определение в УК РФ понятия посредственного исполнителя преступления / В.В. Абудеев // Право: теория и практика. - 2008. - № 11-12. - С. 46-51.
2. Безбородов, Д.А. Совместность деяния в неосторожном преступлении: о целесообразности изменения подходов к исследованию / Д.А. Безбородов // Российская юстиция. - 2007. - № 6. - С. 22-25.
3. Бородин, С.В. Еще раз о соучастии / С.В. Бородин // Социалистическая законность. - 1957. - № 12. - С. 18 - 24.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2011, № 4. - С. 2 – 10.
5. Гузун, В. Совместность - признак соучастия / Гузун, В. // Сов. юстиция. - 1975. - № 1. - С. 24-25.
6. Лутков, Д.А. Место и название института посредственного причинения вреда требуют уточнения / Д.А. Лутков // Российский юридический журнал. - 2011. - № 5 (80). - С. 111-119.
7. *Люблинский, П.И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова / П.И. Люблинский. – М.: Зерцало, 2004.- 284 с.
8. Нерсесян, В. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. Нерсесян // Российская юстиция, 1999. № 10. С. 44 – 45.
9. Тайбаков, А. Сопричастность при неосторожной форме вины / А. Тайбаков // Законность. - 2000, № 6. - С. 43.
10. *Тельнов, П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. - М., 1974. - 208 с.
11. *Тяжкова, И.М.* Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И.М. Тяжкова. - С.-Пб., 2002. - 278 с.

СЕКЦИЯ №7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОРОСКОПИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ефимова Е.А., Картушина Д.В.

ФГБОУ ВПО Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

На сегодняшний день в криминалистических исследованиях следов пальцев рук используется такой метод как пороскопия. Ее назначение состоит в отождествлении личности по отображениям пор в следах папиллярных узоров. В статье А. Люблинского "Пороскопия", она определяется как исследование пор человеческой кожи, отображающихся в следах, "новый, дополняющий дактилоскопию, способ установления тождества человеческой личности" [4]. Создателем данного раздела дактилоскопии, является директором лаборатории научной полиции в Лионе доктор Эдмондом Локар[3]. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в практике исследования следов отпечатков пороскопические методы встречаются крайне редко, но при этом они имеют большое значение, поскольку в некоторых случаях только с помощью них можно идентифицировать лицо, совершившее преступление. Так, например, если на месте происшествия были найдены следы пальцев рук, в которых не полностью, а лишь частично отобразился папиллярный узор, то когда никакое дактилоскопическое исследование невозможно, пороскопическое исследование помогает устранить сомнения в тождестве личности [2].

Однако, несмотря на это, использование методов пороскопии в практике раскрытия преступлений довольно редко. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, подвергается сомнению самостоятельность данных методов исследований, поскольку они, как правило, проводятся совместно с дактилоскопической экспертизой либо же если имеются целые отпечатки пальцев или их части пригодные для идентификации, отпадает необходимость в проведении пороскопического исследования. В связи с этим хотелось бы согласиться с мнением С.Н. Трегубова, которое он изложил в своей книге «Основы уголовной техники». Автор писал: «Признавая чрезвычайную важность этого нового способа установления личности, мы, вместе с тем полагаем, что им нисколько не умаляется значение дактилоскопического исследования» [5].

Во-вторых, трудоемкий процесс проведения исследования и высокая вероятность ошибки в заключении эксперта, так как даже ничтожной неточности в определении границ сравниваемых отпечатков выводы могут оказаться неверными.

В-третьих, для получения экспертных образцов необходимо использовать только строго определенные вещества углекислый или йодистый свинец, окись свинца или пары йода, а например порошок графита для данных целей не пригоден, так как он засоряет поры и вследствие этого изображение их становится неясным.

В-четвертых, существует ряд причин нормативного, организационного, технического и методического характера, что затрудняет работу экспертов и специалистов. Отсутствует конкретная система сбора информации, необходимые алгоритмы действий при сборе доказательств с мест преступлений, оборудование для работы лиц, обладающих специальными знаниями в данной сфере, а также система оценка и общепринятые методики исследований следовой информации.

Несмотря на вышеуказанные недостатки, пороскопия не утрачивает свою значимость. Это связано с тем, что пора людей в микрофотографическом изображении сохраняет свою неизменность независимо от способа, с помощью которого был воспроизведен отпечаток: надавливание пальца, сильно прижимая его к предмету, произведем ли "прокатывание" пальца или прикоснемся косым движением его, даже на лету, форма пор во всех случаях останется одинаковой [1]. Кроме того, поры людей, как и папиллярные узоры, имеют свои специфические признаки, отличающие их друг от друга. Так, чрезвычайно разнообразна их форма - эллипсис, круглая форма, звездообразная, иная, похожая на криволинейный треугольник или иные неправильные геометрические фигуры; размеры, например, у мужчин они больше, чем у женщин; расположение в пределах папиллярных линий; количество пор на отдельных участках папиллярных линий.

Обобщая вышесказанное, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день пороскопия до конца не сформирована как отрасль дактилоскопической экспертизы и нуждается в дальнейшей доработке. В связи с этим необходимо развивать и внедрять пороскопические исследования в практику раскрытия преступлений, что будет

способствовать более эффективному и качественному расследованию преступлений и повышению уровня их раскрываемости.

Список литературы

1. Воробьева И.Б., Маланина Н.И. Следы на месте преступления.- Саратов, 1996.- 120 с.
2. Коваленко Т.М. Криминалистическое исследование следов рук: учебное пособие / Т.М.Коваленко; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. -164 с. (9,5 п.л.).
3. Локар Э. Руководство по криминалистике. М., 1941
4. Пороסקопия [Текст] / А.И. Люблинский. // Журнал Министерства юстиции. - 1913. - № 10. Декабрь. — С. 195—199.
5. Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. - Петроград, издание юридического книжного склада "Право", 1915

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО БОРЬБЕ С ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

Сусоров С.А.

Российская таможенная академия, г.Люберцы

Различия в конкретных условиях исторического развития каждой страны, обуславливают разнообразие способов и методов технико-криминалистического обеспечения в различных подразделениях по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе.

Однако в целом, на сегодняшний день, можно выделить два основных подхода - традиционный и нетрадиционный.

Первый (традиционный), связан, прежде всего, с надлежащим функционированием юрисдикционной составляющей и охватывает деятельность по разработке:

1) независимого материального законодательства, в отношении технико-криминалистического обеспечения в различных подразделениях по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе;

2) процессуального законодательства, прежде всего, того, которое касается сотрудничества в сфере помощи по технико-криминалистическому обеспечению в различных подразделениях по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе (например, сотрудничество в рамках Евро Юста);

3) средств и ресурсов, позволяющих адекватно проводить расследование по данной категории дел (специализированные центральные агентства по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе).

Второй (нетрадиционный) - охватывает предупредительную деятельность и включает разного рода подходы на уровне общества (предоставление гражданам соответствующей информации, внедрение горячих линий, участие в работе различных общественных организаций), а также регуляторную политику.

В целом сегодня оба подхода применяются комплексно, однако роль того или иного подхода по соотношению к конкретному государству разные.

Так, в США структура технико-криминалистического обеспечения по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе сформирована под влиянием последствий террористических актов произошедших в США 11 сентября 2001 г.

В частности, принятый 26 октября 2001 г., после экстренного рассмотрения и утверждения президентом США законопроект о дополнительных средствах для борьбы с терроризмом, сформировал у правоохранительных органов, в том числе и в сфере охраны государственной границы, правовые основы для проведения без предварительного получения соответствующих санкций прокуратуры или решений суда, целый ряд оперативно-розыскных мероприятий. Соответствующие изменения в последствии были дополнены и детализированы в

специальных НПА, таких как: «О реформировании визовой политики»⁵⁰, «О временном моратории на выдачу виз определенным категориям иностранцев»⁵¹, «Об авиационной безопасности»⁵².

Кроме того, трагические события 11 сентября 2001 г. стали причиной широкомасштабных изменений в структуре органов власти. 25 ноября 2002 г. был принят Закон «О внутренней безопасности»⁵³ в соответствии с которым в США, было организовано Министерство внутренней безопасности⁵⁴, которое объединило целый ряд ранее автономных или полуавтономных специальных служб осуществляющих борьбу с противоправной деятельностью на государственной границе: Береговая охрана; Иммиграционная и таможенная полиция США; Служба гражданства и иммиграции; Пограничная и таможенная служба; Федеральный центр подготовки сотрудников правоохранительных органов⁵⁵ и др. Совокупность этих изменений не без оснований сравнивают по своему масштабу и значению с перестройкой системы безопасности, сделанной администрацией Г. Трумэна во второй половине 40-х годов двадцатого века, когда были созданы ЦРУ, министерство обороны и Совет национальной безопасности⁵⁶.

При этом технико-криминалистическое обеспечение деятельности Таможенно-пограничной службы США осуществляется в рамках общей системы Министерства внутренней безопасности США, при условии, что научно-технический потенциал рассматривается как ключевой фактор в обеспечении внутренней безопасности США. Соответствующие исследовательские и конструкторские работы, финансируемые из федерального бюджета, сосредоточены под эгидой Министерства внутренней безопасности с тем, чтобы избежать дублирования и обеспечить плановые инвестиции в революционные проекты, способные дать высокую отдачу. Расчет делается и на привлечение частного бизнеса к разработке и производству приборов и систем, необходимых для внутренней безопасности. Большое значение придается обмену информацией и информационных систем, потому что они влияют на все аспекты внутренней безопасности.

Признается, что информационные системы страны неадекватны задачам обеспечения внутренней безопасности и прежде всего в сфере защиты государственной границы. Кроме того, существуют недостатки в коммуникационных системах штатов, разные службы используют несовместимые средства связи. С целью лучшего обеспечения защиты государственной границы планируется обеспечить эффективный и комплексный обмен информацией между структурами федерального правительства, а также между правительствами штатов и органами местного управления, частными предприятиями и гражданами, принять общие «Цель-информационные» стандарты для электронной информации, что относится к борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе⁵⁷.

Также в США считается перспективным направление, нацеленное на создание «умных границ», нацеленное на усиление защиты важной международной инфраструктуры, расширение международного научно-технического сотрудничества в области внутренней безопасности, усиления взаимодействия по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе⁵⁸.

Таким образом, в основу нынешней стратегии технико-криминалистического обеспечения в различных подразделениях по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе в США положен комплексный подход. Ставка делается на мобилизацию всех федеральных ведомств, координацию их усилий и взаимном «перекрывании» ресурсов друг друга: широкие и постоянные усилия: финансовые, разведывательные и военные, открытые и тайные, которые должны продолжаться на постоянной основе. А также акцент сделан на устранение ведомственных барьеров и усиление взаимодействия между государственными структурами не только по горизонтали, на уровне федерального правительства, но и по вертикали - между федеральным центром, штатами и местными органами власти с учетом особенностей федеративного устройства страны.

⁵⁰ On November, 6th, 2001 the Law of the USA «About reforming of a visa policy» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/law/law_1734.html

⁵¹ On November, 13th, 2001 the Law of the USA «About the time moratorium on issue of visas to certain categories of foreigners» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/law/law_1734.html

⁵² On November, 19th, 2001 the Law of the USA «About aviation safety» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/search/search_4654.html

⁵³ On November, 25th, 2002 the Law «About internal security» [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.dhs.gov/index.shtml>

⁵⁴ Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. – М., 2003. [Электронный ресурс], режим доступа: [www.archipelag.ru / authors / denisenko/?library=1900](http://www.archipelag.ru/authors/denisenko/?library=1900)

⁵⁵ [Электронный ресурс], режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁵⁶ Оськина И.Ю., Лупу А.А. История государства и права зарубежных стран. Учебное пособие: конспект лекций. – М.: Проспект, 2011. [Электронный ресурс - Электронно-библиотечная система IPRbooks], режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava-zarubezhnyix-stran.-konspekt-lekcij.html>

⁵⁷ Anderson G., Sands Ch. Negotiating North America: The Security and Prosperity Partnership. - NY., 2007. - P. 1-38.

⁵⁸ См., например: Комкова Е.Г. Новый этап американско-канадской интеграции // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2008. - № 5. – С.15

В настоящее время очевидно стремление западноевропейских стран в рамках Европейского союза создать единую политику в области охраны государственных границ⁵⁹. Вместе с тем, технико-криминалистическое обеспечение в различных подразделениях по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе, действующее в странах Евросоюза, демонстрирует явные отступления от традиционных международно-правовых стандартов в исследуемой сфере. И прежде всего, своего разрешения требует вопрос, на каком уровне должно проводиться регулирование данной деятельности?

Практика европейских государств показывает стремление к всеобъемлющему региональному сотрудничеству⁶⁰. При этом региональное регулирование отражает внутреннюю политику государств в отношении регулирования ТКО по борьбе с противоправной деятельностью на государственной границе. Поэтому основная задача заключается в том, чтобы процесс регулирования в странах ЕС основывался не только на внутригосударственных системах государств, но и на общем праве и практике.

Унифицированного документа в исследуемой области на пространстве ЕС на сегодняшний день нет. Правовые основы борьбы с противоправной деятельностью на государственной границе в рамках ЕС определяют положения Договора о Европейском Союзе (ДЕС)⁶¹ и Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), акты институтов объединения и судебная практика⁶².

Основным органом, осуществляющим технико-криминалистическое обеспечение в странах ЕС является Главный центр криминалистических исследований ЕС, имеющий перед собой следующие задачи: проведение судебной экспертизы и экспертных исследований паспортных документов; организационно-правовое и методическое руководство деятельностью экспертных подразделений Главного центра; организация научно-методического и информационного обеспечения деятельности пограничных органов стран; производство поисковых исследований; эксплуатационно-техническое и метрологическое обеспечение технико-криминалистических средств; опытная эксплуатация технических средств, которые используются во время проведения экспертизы, и обеспечение их использования в практической деятельности.

Таким образом, большинство развитых иностранных государств имеет широкую сеть научных криминалистических учреждений осуществляющих технико-криминалистическое обеспечение. Они входят, как правило, в систему министерства внутренних дел и содержат в себе как центральные научно-исследовательские учреждения (институты, центры, академии), так и региональные научно-технические подразделения (лаборатории, институты). Основными направлениями их деятельности является разработка новых средств криминалистической техники, создание и совершенствование методик исследования вещественных доказательств, производство экспертных исследований.

Характерной чертой зарубежных научных криминалистических учреждений является их высокая техническая оснащенность, использование в ходе исследований последних достижений науки, широкое применение средств вычислительной техники. Созданы и внедрены в практику комплекты научно-технических средств, разнообразные поисковые приборы, средства фиксации следов и обстановки места преступления, экспресс-методы исследования вещественных доказательств, технические средства задержания и т.д.

Список литературы

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (Договор вступил в силу 01.11.1993. Россия не участвует.). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс», режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=43211>
2. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. – М., 2003. [Электронный ресурс], режим доступа: [www.archipelag.ru / authors / denisenko/?library=1900](http://www.archipelag.ru/authors/denisenko/?library=1900) [Электронный ресурс], режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Комкова Е.Г. Новый этап американо-канадской интеграции // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2008. - № 5.

⁵⁹ Walker N. Europe's Area of Freedom, Security and Justice. - Oxford University Press, 2004.

⁶⁰ Peers S. EU Justice and Home Affairs Law. - Harlow: Pearson, 2000.

⁶¹ Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (Договор вступил в силу 01.11.1993. Россия не участвует.). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс», режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=43211>

⁶² Gilmore W. The Twin Towers and the Three Pillars // European University Institute Law Department Working Paper: Fiesole, 2003; Den Boer M., Monar J. 11 September and the Challenge of Global Terrorism to the EU as a Security Actor // JCMS. - 2002.; Walker N. The Pattern of Transnational Policing // Newburn T. Handbook of Policing. - Uffculme: Willan, 2003.

4. Оськина И.Ю., Лупу А.А. История государства и права зарубежных стран. Учебное пособие: конспект лекций. – М.: Проспект, 2011. [Электронный ресурс - Электронно-библиотечная система IPRbooks], режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava-zarubezhnyix-stran.-konspekt-lekcij.html>
5. Anderson G., Sands Ch. Negotiating North America: The Security and Prosperity Partnership. - NY., 2007. - P. 1-38.
6. Gilmore W. The Twin Towers and the Three Pillars // European University Institute Law Department Working Paper: Fiesole, 2003; Den Boer M., Monar J. 11 September and the Challenge of Global Terrorism to the EU as a Security Actor// JCMS. - 2002.; Walker N. The Pattern of Transnational Policing // Newburn T. Handbook of Policing. - Uffculme: Willan, 2003.
7. Peers S. EU Justice and Home Affairs Law. - Harlow: Pearson, 2000.
8. Walker N. Europe's Area of Freedom, Security and Justice. - Oxford University Press, 2004.
9. On November, 6th, 2001 the Law of the USA «About reforming of a visa policy» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/law/law_1734.html
10. On November, 13th, 2001 the Law of the USA «About the time moratorium on issue of visas to certain categories of foreigners» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/law/law_1734.html
11. On November, 19th, 2001 the Law of the USA «About aviation safety» / A Service of the bureau of consular affairs [Электронный ресурс], режим доступа: http://travel.state.gov/search/search_4654.html
12. On November, 25th, 2002 the Law «About internal security» [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.dhs.gov/index.shtm>

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ МИРОВОГО СУДЬИ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Шигурова Е.И.

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г.Саранск

Часть 3 ст.50 Конституции РФ устанавливает, что «каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания».

Право на обжалование судебных решений в апелляционном порядке является одной из важнейших гарантий защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе, служит средством обеспечения справедливого судебного разбирательства. Апелляционный порядок пересмотра всех решений, вынесенных судом первой инстанции, был введен Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым УПК РФ был дополнен главой 45.1, именуемой «Производство в суде апелляционной инстанции». Сравнительно-правовой анализ особенностей апелляционного обжалования решений мирового судьи нового (в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ) и ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства позволяет говорить о совершенствовании процессуального порядка производства в суде апелляционной инстанции при обжаловании судебных решений мирового судьи. По сравнению с ранее действовавшей редакцией закона круг субъектов апелляционного обжалования расширен: в него включены вышестоящий прокурор, частный обвинитель, его законный представитель и представитель, а также иные лица в той части, в которой обжалуемое решение затрагивает их права и законные интересы. Хотя ни законодатель, ни Верховный Суд РФ не разъяснили, какие лица относятся к данной категории, необходимость законодательного закрепления такого положения вытекает из правовых позиций Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ[1, 4].

В отличие от ранее действовавшего законодательства, предметом апелляционного обжалования являются любые решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. В ранее действовавшей редакции ч. 5 ст. 355 УПК РФ устанавливались виды судебных решений, не подлежащих апелляционному обжалованию. Сейчас, ст. 389.2 УПК РФ подразделяет судебные решения на подлежащие непосредственному обжалованию в апелляционном порядке (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ) и обжалуемые вместе с итоговым решением (ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ).

Приговор мирового судьи может быть обжалован сторонами в течение 10 суток со дня его провозглашения. В тот же срок со дня вынесения могут быть обжалованы постановление мирового судьи о

прекращении уголовного дела и иные его постановления. Жалоба или представление прокурора подаются мировому судье и направляются им вместе с материалами уголовного дела в районный суд для рассмотрения в апелляционном порядке. Рассмотрение таких уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется судьей районного суда единолично.

Производство в суде апелляционной инстанции ведется по всем правилам производства в суде первой инстанции с изъятиями, предусмотренными гл. 45.1 УПК РФ. Поскольку предметом обжалования является приговор мирового судьи, представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве обязанность мирового судьи разъяснить право на примирение с осужденным, которое возможно до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Следует иметь в виду, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, запрещающих прекращать уголовное дело за примирением с потерпевшим в случае непризнания своей вины подсудимым, но в случае заглаживания им причиненного вреда и с учетом обстоятельств совершения преступления и его тяжести.

Так, приговором Кочкуровского районного суда Республики Мордовия от 23.01.2013г. К. осужден за впервые совершенное преступление, предусмотренное ч.1 ст.112 УК РФ, к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год. Суд первой инстанции, несмотря на ходатайства подсудимого и потерпевшего, не прекратил уголовное дело на основании ст.76 УК РФ, мотивировав свои выводы в приговоре тем, что преступление средней тяжести К. совершил при скоплении большого количества людей, оно оказало на окружающих негативное психотравмирующее воздействие, обвиняемый в ходе предварительного расследования вину в совершении преступления не признавал, в ходе судебного разбирательства выдвинул доводы о противоправном поведении потерпевшего, явившимся поводом для преступления, а также об оказании медицинской помощи потерпевшему после совершения преступления. Между тем оказание на очевидцев происшествия негативного психотравмирующего воздействия материалами уголовного дела не подтверждено, а отказ в прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям ввиду непризнания обвиняемым вины в совершении преступления на стадии предварительного расследования, высказывания доводов в свою защиту в целях смягчения ответственности и наказания не основан на законе. Совершение преступления в присутствии свидетелей также не является препятствием для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Суд апелляционной инстанции в своем определении указал, что отказ в прекращении уголовного дела в отношении К. в связи с примирением сторон противоречит требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, и прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон [2].

Таким образом, действующим УПК РФ перечень решений, принимаемых судом апелляционной инстанции, не является исчерпывающим.

Подводя итог, следует отметить, что создание института мировых судей, которое привело к появлению апелляционной инстанции, позитивно повлияло на осуществление правосудия по уголовным делам. Этап опробованности апелляционной инстанции был пройден на уровне решений мирового судьи, который позволил выявить недостатки и пробелы законодательной техники и, как следствие, проблемы, возникающие на практике. В действующей редакции уголовно-процессуального законодательства механизм апелляционного производства должен быть направлен на создание дополнительных гарантий осуществления правосудия.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 119-О по жалобе гр-ки Семеновы Л.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 354 УПК РФ [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовии от 22 марта 2013 г. №22-719/2013 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовии от 26 сентября 2012 г. №22-3081/2012 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2009 № 12). [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Постановление Президиума Московского городского суда от 16 мая 2014 г. по делу № 44у-87/14. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Шигуров А.В. Закрытая форма предварительного слушания по уголовным делам: критический анализ // LexRussica. 2014. № 5. С. 556-563.
8. Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 240 с.
9. Шигуров А.В. Проблемы реализации права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (32). С. 210-212.
10. Шигурова Е.И. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 214-216.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КАНДИДАТОМ В ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЕБЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Шигуров А.В.

Средне-Волжский филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, г.Саранск

К числу актуальных тем современной уголовно-процессуальной науки, без сомнения, относятся основания отмены приговора суда в вышестоящих инстанциях. Однако, несмотря на наличие большого числа работ [6, 9], несовершенство действующего законодательства свидетельствует о важности дальнейшей разработки данной темы.

Одним из важнейших этапов формирования коллегии присяжных заседателей является опрос кандидатов судом, сторонами и последующие отводы кандидатов. Текст закона очень конкретно определяет предмет опроса кандидата в присяжные заседатели: председательствующий (ч.3 ст. 328 УПК РФ) и стороны (ч.8 ст.328 УПК РФ) вправе задавать лишь вопросы, которые, по их мнению, связаны с выяснением обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении данного уголовного дела. Таким образом, суд и стороны вправе задавать следующие вопросы: не участвовал ли кандидат в течение последнего года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя (повторное участие запрещено ч.3 ст. 326 УПК РФ); имеется ли у кандидата российское гражданство (ч.1 ст. 3 Федерального закона № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» (далее – ФЗ № 113)); достиг ли опрашиваемый возраста 25 лет, нет ли у него непогашенной или неснятой судимости, принималось ли в отношении опрашиваемого лица решение суда о признании его недееспособным или ограниченным в дееспособности, не состоит ли опрашиваемый на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств (ч.2 ст. 3 ФЗ № 113); не является ли опрашиваемый подозреваемым или обвиняемым совершении преступлений, владеет ли языком, на котором ведется судопроизводство; нет ли у него физических или психических недостатков, препятствующих полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела (ч.3 ст. 3 ФЗ № 113).

Председательствующий должен выявить все обстоятельства, препятствующие участию граждан в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, поэтому он начинает опрос кандидатов и обязан задать им все вышеуказанные вопросы[4]. Иные вопросы могут ставиться сторонами лишь в тех случаях, когда они направлены на установление обстоятельств, препятствующих участию лиц в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

С учетом вышеуказанных обстоятельств, предоставление ложной информации присяжным заседателем при ответе на вопросы председательствующего и сторон признается основанием для отмены приговора суда только в том случае, если присяжный скрыл обстоятельства, препятствующие его участию в качестве присяжного заседателя.

Так, Верховным судом РФ оставлен в силе вердикт, вынесенный с участием присяжных, которые скрыли факт привлечения их к административной ответственности. Адвокатом Л. в апелляционной жалобе в связи с данным фактом были высказаны сомнения в объективности этих присяжных заседателей ввиду возможной неприязни к сотрудникам ГИБДД, в том числе к ее подзащитному, который, ранее работал в ГАИ. Судебная коллегия не согласилась с указанным доводом: по мнению судей сам факт привлечения к административной

ответственности лица, впоследствии избранного в состав коллегии присяжных заседателей, в соответствии с п. п. 2, 4 ч. 2 ст. 3 ФЗ № 113, не является препятствием к участию данного присяжного заседателя в судебном разбирательстве[3].

В другом деле кандидатам в присяжные заседатели было предложено ответить на следующие вопросы: обращались ли они с заявлениями в милицию о совершенных в отношении них преступлениях; кто из них пострадал от незаконных действий милиции, прокуратуры, суда; являлся кто-либо из них потерпевшим, обвиняемым, подозреваемым по уголовному делу; кому из них правоохранные органы не оказали необходимой помощи. Ряд кандидатов не сообщили о том, что они ранее являлись потерпевшими, обращались в правоохранные органы с заявлениями о совершении в их отношении противоправных действий. Несмотря на это, ВС РФ не нашел оснований для признания состава суда незаконным. Данный вывод был обоснован тем, что, во-первых, по данному делу не установлено обстоятельств, препятствующих участию в рассмотрении дела в качестве присяжных заседателей, во-вторых, заданные вопросы не соответствовали требованиям ч.3, 8 ст. 328 УПК РФ (при опросе кандидатов в присяжные заседатели задаваемые вопросы должны быть конкретными, связанными с обстоятельствами, которые, по мнению опрашивающего, могут препятствовать участию кандидатов в присяжные заседатели в рассмотрении данного уголовного дела, и пониматься однозначно), следовательно, данные общие вопросы и не связанные с обстоятельствами конкретного уголовного дела, могли быть неоднозначно поняты кандидатами в присяжные заседатели [2].

Умолчание присяжного об обстоятельствах, препятствующих его участию в рассмотрении дела, является безусловным основанием для отмены вердикта, как вынесенного незаконным составом коллегии присяжных заседателей. Так, например, по данному основанию был отменен обвинительный приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 22 мая 2007 года. При формировании коллегии один из присяжных скрыл то обстоятельство, что он является инвалидом и состоит на учете в Республиканском психоневрологическом диспансере с 2005 года с диагнозом: психотическое депрессивное расстройство в связи с органическим заболеванием головного мозга. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ установив данный факт приговор отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение[5].

Выявление Верховным судом РФ факта рассмотрения дела незаконным составом коллегии присяжных заседателей является безусловным основанием для отмены приговора суда. Это влечет за собой значительные негативные последствия: нарушение права на рассмотрение дела в разумный срок, увеличение процессуальных издержек и др. Существующий процессуальный механизм борьбы с подобными нарушениями явно несовершенен: закон не закрепляет конкретных обязанностей председательствующего по выявлению обстоятельств, препятствующих участию лиц в качестве присяжных заседателей; стороны, даже имея сведения о таких обстоятельствах, могут скрывать их для того, чтобы иметь на случай вынесения невыгодного им вердикта, надежное основание для отмены решения суда.

На наш взгляд, для решения вышеуказанной проблемы необходимо возложить на председательствующего обязанность истребовать у соответствующих государственных органов по каждому кандидату в присяжные заседатели, вызываемому в суд, информацию по всем обстоятельствам, препятствующим их участию в качестве присяжного заседателя. Информацию о кандидатах, имеющих непогашенную или неснятую судимость, а также подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, суд может получить в информационных центрах МВД РФ; о гражданах, состоящих на учете в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств – в наркологических и психоневрологических диспансерах; о гражданах, признанных судами недееспособными или ограниченно дееспособными – в судах и органах опеки и попечительства и т.д. Полученные от вышеуказанных органов и учреждений справки должны храниться в материалах дела и использоваться судом и сторонами при отводе кандидатов в присяжные заседатели.

Список литературы

1. Аникина Е.И. Производство по делам частного обвинения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саранск, 2000. 171 с.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23.05.2013 № 44-АПУ13-4сп [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.02.2014 № 41-АПУ14-9СП [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.01.2013 № 72-О12-57сп [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2008 по делу № 73-007-49СП [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

6. Рябинина Т.К. О природе и понятии кассационных оснований в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 445-451.
7. Шигурова Е.И. Производство по делам частного обвинения. Сущность, особенности и проблемы уголовного судопроизводства. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 116 с.
8. Шигурова Е.И. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 214-216.
9. Юнусов А.А., Мазина Н.Н. Понятие и основные проблемы апелляционного порядка проверки судебных решений в российском уголовном процессе (до реформ от 29.12.2010) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 289-300.

ПРИРОДА «ТИПИЧНЫХ» ОШИБОК И НАРУШЕНИЙ, ДОПУСКАЕМЫХ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Назарова К.Н.

Аспирантка национального исследовательского университета «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород

Только правовое решение вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого способно обеспечить законность и охрану интересов общества, прав и свобод граждан. Основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого действующее законодательство считает наличие «достаточных доказательств», которые указывают на совершение преступления этим лицом (ч. 1 ст. 171 УПК РФ⁶³). Категория «достаточность» охватывает количественную и качественную стороны доказательственной базы. Доказательства, составляющие основу для принятия подобного решения, должны обладать предикатом достоверности, а в совокупности должны позволять принять правильное решение⁶⁴.

В научной литературе отмечается, что уголовно-процессуальное регулирование не всегда является последовательным⁶⁵, в том числе, «имеет место недостаточная согласованность института привлечения лица в качестве обвиняемого с основными положениями уголовно-процессуального законодательства»⁶⁶. Именно «недостаточная правовая регламентация... оборачивается серьёзными нарушениями прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»⁶⁷.

Рассмотрим природу ошибок и нарушений, допускаемых при привлечении лица в качестве обвиняемого, в контексте этапов предъявления обвинения по действующему законодательству.

Процедура предъявления обвинения выражается в следующей последовательности действий следователя⁶⁸:

- 1) письменное извещение обвиняемого о дне предъявления обвинения и разъяснения ему юридических вопросов, связанных с приглашением или назначением защитника (ч. 2, 4 ст. 172 УПК РФ);
- 2) удостоверение личности обвиняемого, его защитника и объявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого, разъяснение существа обвинения, разъяснение прав обвиняемому, фиксация указанных моментов в постановлении о привлечении (ч. 5 ст. 172 УПК РФ);
- 3) вручение копий постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 8 ст. 172 УПК РФ);
- 4) направление копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого прокурору (ч. 9 ст. 172 УПК РФ).

Более того, во-первых, нельзя нарушать трёхдневный срок, установленный ч. 1 ст. 172 УПК РФ, во-вторых, в силу ч. 1 ст. 173 УПК РФ следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения с соблюдением требований закона.

⁶³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. №52 (часть I). Ст. 4921.

⁶⁴ Францифоров Ю.В. Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого // Российский судья. № 5. 2002. С. 11.

⁶⁵ Бахта А.С. Нормы уголовно-процессуального права: монография / А. С. Бахта, П. Г. Марфицин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Дальневосточный юридический ин-т. Хабаровск, 2009. С. 170–172.

⁶⁶ Неретин Н.Н. Спорные вопросы, касающиеся привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – №3. – С. 114

⁶⁷ Там же. – С. 115

⁶⁸ Федотченко А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М., 2006. С. 137-138; Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2011. С. 282

Нарушение этой последовательности и указанных положений составляет сущность ошибочных и неправомερных действий при привлечении лица в качестве обвиняемого.

В судебной и следственной практике возникают спорные моменты, касающиеся различного понимания законности или незаконности действий следователя на этом этапе деятельности. Рассмотрим наиболее актуальные и характерные примеры этих спорных ситуаций с целью обнаружения общих положений для них.

1. Поскольку в качестве обвиняемых по уголовным делам часто проходят лица, не владеющие русским языком, острым является вопрос о необходимости надлежащим образом выполненного и представленного перевода с русского языка на соответствующий язык постановления о привлечении этих лиц в качестве обвиняемых. Эта обязанность следователя связана с положениями ч. 2, 3 ст. 18 УПК РФ. Если в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет. В силу положений ч. 8 ст. 172 и ч. 6 ст. 220 УПК РФ следователь вручает обвиняемому копию постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и обеспечивает перевод обвинительного заключения.

Несоблюдение этих норм рассматривается как препятствие для рассмотрения соответствующего дела судом. В этой связи дело может быть возвращено прокурору для устранения процессуальных нарушений, допущенных в ходе предварительного следствия (ст. 237 УПК РФ)⁶⁹.

2. В некоторых случаях оспаривается правомерность привлечения в качестве обвиняемого, когда уведомление, предусмотренное ч. 1 ст. 172 УПК РФ, не было получено лицом. В указанных случаях суд может не счесть такой факт нарушением, поскольку определённых сроков, в течение которых обвиняемому должна быть направлена или вручена повестка, нормами УПК РФ не предусмотрено⁷⁰.

С одной стороны, трудно согласиться с доводами суда, поскольку норма ч. 1 ст. 172 УПК РФ указывает на необходимость предъявления обвинения лицу в трёхдневный срок, ведь именно сам факт скорейшего доведения до сведения лица, что оно обвиняется в совершении преступления, вытекает из п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Это действие не является «формальностью», его цель – обеспечить участие данного лица и его защитника в уголовном процессе⁷¹. Логический метод толкования ч. 1 ст. 172 УПК РФ приводит нас к выводу, что действия суда неправомерны, поскольку они не учитывают необходимость именно предъявления обвинения лицу, а не «формального» направления ему сообщения о вынесении соответствующего постановления. С другой стороны, если лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, изыскивает возможности уклониться от участия в уголовном процессе, то весьма трудно реализовать другое назначение уголовного судопроизводства – п. 2 ч. 2 ст. 6 УПК РФ.

Полагаю, что позиция суда должна учитывать конкретные обстоятельства дела и особенности личности обвиняемого при разрешении вопроса о соблюдении или несоблюдении следователем ч. 1 ст. 172 УПК РФ.

3. Достаточно часто встречаются ошибки, связанные с различного рода «нестыковками», путаницей, техническими ошибками. Например, перепутаны номера статей УК РФ⁷² или их частей и пунктов в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей обвиняемого лица, с одной стороны, и постановлении о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, а также протоколе его допроса – с другой; не обновлены данные (в частности, фамилия потерпевшего, время и место совершения преступления и т.д.) в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по другому уголовному делу с целью использования «готового текста» для нужд расследования данного уголовного дела (по сути, в материалах одного уголовного дела присутствует процессуальный документ, касающийся другого уголовного дела).

Процессуальная значимость таких ошибок достаточно велика, в чём можно убедиться, если обратить внимание на судебную практику.

В одном из подобных случаев суд счёл, что обвинение так и не было предъявлено обвиняемому, поскольку в постановлении о привлечении указано, что лицо обвиняется в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, а не ч. 1 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, как это указано в постановлении о переквалификации. Суд отметил, что постановление о переквалификации не может заменить порядок привлечения в качестве обвиняемого, который существенным образом нарушен. И

⁶⁹ Постановление судьи Мытищинского районного суда от 30 мая 2014 года по делу №1-198/2014.

⁷⁰ Постановление судьи Центрального районного суда города Твери от 27 июня 2014 года по делу № 3/10-89/2014.

⁷¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Ответственный редактор В.И. Радченко; научные редакторы В.Т. Томин и М.П. Поляков. М., 2006. С. 430.

⁷² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

поэтому дело было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ⁷³. Попытка «заменить» постановление о привлечении в качестве обвиняемого противоречит норме ч. 1 ст. 175 УПК РФ.

В случае, когда обвинение в совершении одного и того же преступления предъявляется двум лицам, недопустимо, чтобы постановления о привлечении их в качестве обвиняемых (количество таких должно быть равно количеству обвиняемых в силу ч. 4 ст. 171 УПК РФ) содержали разные данные о дате, времени, месте и обстоятельствах его совершения. Недопустимой является разница постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения «по указанным параметрам».

В подобных случаях суды возвращают дела прокурорам в силу положений уже упоминавшейся ст. 237 УПК РФ⁷⁴.

4. Технические ошибки могут быть связаны с простым незнанием некоторых норм уголовно-процессуального законодательства или намеренным игнорированием его положений.

Рассмотрим характерный пример «формального» отношения к УПК РФ.

В одном из производств отдельные подсудимые предоставили суду сохранившиеся врученные им следователем копии постановлений о привлечении их в качестве обвиняемых, которые не соответствуют подлинникам, находящемуся в материалах уголовного дела, как по форме, так и по содержанию. Во-вторых, показания подсудимых подтверждены документально, т.к. при предъявлении обвинения одному из них им были сделаны собственноручные замечания, в которых указано, что постановление о привлечении его в качестве обвиняемого предъявлено ему в неподшитом виде. Другим подсудимым предоставлена суду копия предпоследнего листа последнего постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, который аналогичен по содержанию с тем же листом, находящимся в материалах уголовного дела, но подписи должностных лиц на данных документах различны. Это является свидетельством того, что фактически первоначальный текст постановлений о привлечении в качестве обвиняемых впоследствии был изменён, и в уголовное дело были приобщены исправленные постановления о привлечении в качестве обвиняемых, которые фактически не были предъявлены в соответствии со ст.ст. 171, 172 УПК РФ подсудимым и, следовательно, их копии также им не вручались.

Поскольку достоверных данных о том, что следователем были надлежащим образом выполнены требования уголовно-процессуального закона при предъявлении обвинения всем подсудимым, стороной обвинения суду не представлено, а устранить допущенное нарушение закона следователем в судебном заседании невозможно, суд постановил вернуть уголовное дело прокурору⁷⁵.

Игнорирование императивных предписаний УПК РФ, перечисленных в ст.ст. 172, 173, к сожалению, весьма распространённая практика его «применения».

Примером незнания норм УПК РФ или непонимания их важности может служить практика неприменения ч. 1 ст. 173 и ч. 2 ст. 190 данного акта. Указанные нарушения (в частности, непроведение допроса) могут служить основанием для оправдания подсудимых судом из-за отсутствия в деле их показаний на предварительном следствии и невозможности в связи с этим их оглашения в судебном заседании⁷⁶.

5. Нарушения и ошибки могут возникать при неучёте специфики участия защитника в уголовном процессе. Например, при предъявлении обвинения лицу в присутствии адвоката необходимо учитывать положения ст. 72 УПК РФ.

Если обвинение, изложенное в обвинительном заключении, с которым дело было направлено и поступило в суд, было предъявлено лицу в присутствии адвоката, хотя на момент предъявления обвинения существовали обстоятельства, предусмотренные ст. 72 УПК РФ, исключающие возможность участия адвоката в качестве защитника обвиняемого, то это даёт суду основания сделать вывод о том, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного обвинительного заключения. По указанной причине, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны возвратил уголовное дело прокурору⁷⁷.

Представленные примеры, разумеется, не исчерпывают темы ошибок и нарушений, связанных с применением (или неприменением) норм о привлечении лица в качестве обвиняемого, но они позволяют

⁷³ Постановление судьи Таганского районного суда города Москвы от 29 апреля 2014 года по делу № 1-109/2014.

⁷⁴ Постановление судьи Центрального районного суда города Прокопьевска Кемеровской области от 27 февраля 2013 года по делу № 1-89/2013.

⁷⁵ Постановление судьи Центрального районного суда города Челябинска от 15 ноября 2013 года по делу № 1-387/2013.

⁷⁶ Обзор судебной практики Рязанского областного суда от 1 июля 2003 года «Обзор нарушений процессуального закона, допускаемых органами предварительного расследования» // СПС «Консультант Плюс».

⁷⁷ Постановление судьи Борского городского суда Нижегородской области от 10 апреля 2014 года по делу № 1-74/2014.

выделить некоторые общие черты, а также сформулировать дефиницию самого явления ошибок и нарушений в этой сфере правоприменения.

Во-первых, можно выделить ошибки и нарушения, которые влекут возвращение дела прокурору в силу положений ст. 237 УПК РФ, а также ошибки и нарушения, которые приводят к оправдательному приговору («разрушению» обвинения). Ко второму итогу может привести то, что следователь «забыл» допросить лицо, которое привлёк в качестве обвиняемого, после предъявления ему обвинения, т.е. нарушил положение ч. 1 ст. 173 УПК РФ. Данный критерий деления можно назвать процессуальным, поскольку он учитывает процессуальное значение ошибки или нарушения.

Во-вторых, можно выделить ошибки технического характера (неправильное указание дат, названий мест и т.д.) и процессуального характера (например, нарушение нормы о том, что копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого должна быть направлена прокурору). Этот критерий можно назвать объективным, поскольку он учитывает природу ошибок и нарушений как таковых безотносительно их процессуального значения.

В-третьих, можно выделить ошибки и нарушения, которые допущены в силу незнания или недостаточно хорошего знания законодательства, т.е. непрофессионализма, и те, которые допущены в силу непонимания значения и важности уголовно-процессуальных норм («игнорирование» норм, нигилизм), допущения «чисто формального» отношения к ним. К обеим группам могут относиться все рассмотренные, а также иные виды ошибок и нарушений, поскольку любая из них может быть допущена как по причине непрофессионализма, так и по причине «игнорирования» норм. Этот критерий может быть назван субъективным, поскольку он основан на «природе» лица, которое допустило ошибку и нарушение, его субъективных свойствах и качествах.

Подытоживая представленный обзор и сделанные обобщения, можно дать следующую дефиницию понятия «ошибки и нарушения, допускаемые при привлечении лица в качестве обвиняемого». Под этим термином, на наш взгляд, следует понимать любое несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, составляющих порядок предъявления обвинения, влекущее возвращение судом уголовного дела прокурору или иные процессуальные последствия.

Из вышесказанного следует, что ошибки, допущенные при составлении и вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, как правило, автоматически переносятся органом, расследующим дело, в текст обвинительного заключения, что в свою очередь приводит к нарушению требований ст. 220 УПК РФ.

Значительная часть ошибок и нарушений неустраняемы в суде. Наличие данных нарушений исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе заключения или акта по такому делу, поэтому они подлежат возвращению прокурору на основании ст. 237 УПК РФ.

Поэтому необходимо данные ошибки выявлять и устранять в ходе следствия, как следователем, так и прокурором, проверяющим законность расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2011.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Ответственный редактор В.И. Радченко; научные редакторы В.Т. Томин и М.П. Поляков. М., 2006.
3. Неретин Н.Н. Спорные вопросы, касающиеся привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3.
4. Федотченко А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М., 2006.
5. Францифоров Ю.В. Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого // Российский судья. № 5. 2002.
6. Бахта А.С. Нормы уголовно-процессуального права: монография / А.С. Бахта, П.Г. Марфицин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Дальневосточный юридический ин-т. Хабаровск, 2009.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Мезенцев Р.А.

ФГБОУ ВПО Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

За последние несколько лет особо актуальной стала проблема борьбы с преступлениями, совершаемыми с применением взрывных устройств. Согласно статистике, количество таких преступлений в период 2009- 2013 год остаётся на достаточно высоком уровне[3]. Криминалистика, как наука, осуществляющая научное и практическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по пресечению, выявлению и расследованию преступлений, играет наиболее важную роль в решении таких проблем. Её составной частью является криминалистическая взрывотехника - относительно новая и активно развивающаяся отрасль криминалистической техники.

При криминалистическом исследовании взрывчатых веществ выделяют следующие объекты:

- Взрывчатые вещества промышленного изготовления, состав, свойства, упаковка которых контролируется и соответствует требованиям нормативно-технической документации;
- Кустарные взрывчатые вещества, которые изготовлены вне промышленных производств и с соблюдением только основных технических характеристик;
- Самодельные взрывчатые вещества, изготовленные в домашних условиях без контроля качества и соблюдения других нормативных требований.

Важно понимать, что именно последняя группа носит наиболее опасный характер. Самодельные взрывные устройства, созданные с помощью аналогичных взрывчатых веществ, могут быть нестабильны и опасны для изучения. Одним из факторов является то, что преступники часто маскируют их под определённые предметы, которые своим внешним видом не выдают содержимое. Это могут быть коробки, пакеты, кейсы, рюкзаки, сумки. Например, в сентябре 2009 года в Ставрополе было обнаружено взрывное устройство, замаскированное под скворечник. Внутри находилась автосигнализация, которую злоумышленник предполагал использовать для подрыва взрывчатки [2].

Другой проблемой является относительная простота изготовления самодельных взрывных устройств. Основным компонентом в таком случае может выступать аммиачная селитра, которая широко применяется в сельском хозяйстве и в связи с этим доступна в любом магазине как удобрение. Она состоит из белых, серых и бледно-желтых кристаллов, легко изменяющих свои формы при значительной влажности и перепаде температуры ниже - 160С и выше + 300С. Для стабилизации в аммиачную селитру обычно вводят имеющий хорошую растворимость раствор хлористого калия, который с частичным разложением может плавиться уже при температуре выше + 1700С. Все это делает аммиачную селитру крайне опасной в применении, особенно при воздействии на окислы металлов, в результате которого образуется вода и аммиак. Как правило, последний мгновенно вступает в химическую реакцию с такими бризантными взрывчатыми веществами, как тротил, тетрил и мелинит, что делает такую смесь непредсказуемо взрывоопасной из-за чувствительности к внешнему воздействию [1].

В рамках расследования преступлений с использованием взрывных устройств, следствие может столкнуться с рядом трудностей. Во-первых, последствия самого взрыва. Пожар, повреждение различных коммуникаций, например, водоснабжения, может вызвать определённые проблемы в обнаружении, фиксации и изъятии следов взрыва и частей самого устройства. Во-вторых, возможно возникновение новых взрывов. Это могут быть несработавшие взрывные устройства, пары газа, взрывоопасные ёмкости и прочее. В-третьих, скорость появления сотрудников правоохранительных органов на месте преступления. Взрыв может привлечь любопытствующих, которые своими действиями могут уничтожить определённые следы. Также со временем рассеиваются запахи веществ и их пары.

На основе всего вышесказанного, хотелось бы отметить, что преступления, совершаемые с использованием самодельных взрывных устройств, обладают высокой степенью общественной опасности. Такие устройства могут быть изготовлены человеком, не имеющим специальной подготовки, в домашних условиях, с использованием материалов двойного назначения. В связи с их спецификой, а именно проблемами, с которыми сталкивается следствие, их расследование является крайне трудоёмким процессом. Исходя из вышеизложенного, предлагаем:

1. Составление подробных тактических рекомендаций проведения следственных действий при расследовании преступлений, совершённых с использованием самодельных взрывных устройств;

2. Разработку новых технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов взрыва самодельных взрывных устройств в условиях повреждённых коммуникаций, возможности новых взрывов и сжатых сроков проведения данных мероприятий.

3. Разработку технических средств, позволяющих проводить криминалистическое исследование самодельных взрывных устройств, конструкция которых не исключает самоподрыв.

Список литературы

1. Буш М.П., Грибунов О.П., Макаров А.В. Взрывные устройства и следы их применения. - Учебное пособие. - Иркутск, 2005
2. Взрывное устройство было замаскировано под скворечник // ГТРК "Ставрополье". Дата обновления: 08.09.2009. URL: <http://www.stavropolye.tv/events/view/12324> (дата обращения: 08.11.2014)
3. Статистика преступности в России по состоянию на январь 2013 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.11.2014)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ

Ольцонов Э.В.

Московский финансово-юридический университет МФЮА, г.Москва

С момента появления первого оружия прошли тысячелетия и на сегодняшний день в мире известно множество различных его видов, многие из которых представляют большую угрозу для человека. Вполне естественно, что любое гражданское общество обязано оградиться от неправомерного использования оружия. Незаконный оборот оружия в Российской Федерации на сегодняшний день является одним из наиболее тяжких видов преступлений, которые не только угрожают общественной безопасности, но и безопасности государства в целом. Данный факт отмечает А.А. Толкаченко: «...неправомерный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств является одним из серьезных факторов, не способствующих улучшению криминогенной обстановки, обуславливающих рост организованной преступности, терроризма в стране, и представляет реальную угрозу государственной, общественной и личной безопасности. В России нет ни одного региона, где бы ни было преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия».⁷⁸

В Российской Федерации оборот оружия контролируется Федеральным законом № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – ФЗ «Об оружии»)⁷⁹, который регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации.

В указанном нормативно-правовом акте даётся понятие оружия: «Оружие – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов».⁸⁰

Также в данном законе выделяется, что оружие бывает огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое, сигнальное, огнестрельное оружие ограниченного поражения, оружие, имеющее культурную ценность, старинное (антикварное) оружие, копия старинного (антикварного) оружия, реплика старинного (антикварного) оружия, списанное оружие.

Следует подчеркнуть, что в данной статье будет рассматриваться преимущественно оборот огнестрельного оружия и его основных частей. Огнестрельное оружие - оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Сосредоточение оружия в руках у гражданского населения приводит к значительному числу насильственных преступлений, а также росту числа жертв. В условиях политической нестабильности, проведении

⁷⁸ См.: Толкаченко А.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 6 февраля 2007 года № 7) // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам под ред. В.М. Лебедева : Норма. – М., 2008 г.

⁷⁹ См.: Об оружии :федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ ; принят Гос. Думой 13 ноября 1996 г. : по состоянию на 1 февраля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации – 1996 г. - № 51, ст. 5681.

⁸⁰ См.: Там же

ряда митингов, пикетов и шествий это может также привести и к значительной опасности конституционному строю Российской Федерации.

Подтверждением сказанному может служить статья С.А. Григорянца, где он пишет: «... специфика преступлений, связанных с незаконным оборотом, хищением либо вымогательством оружия, состоит в том, что они способны стимулировать совершение различных видов тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия. Это подтверждается судебно-следственной практикой: нередко таким преступлениям, как терроризм, бандитизм, убийство, захват заложника, разбой и другим предшествуют незаконное приобретение, изготовление, ношение, хранение, хищение, контрабанда, сбыт оружия».⁸¹

Продолжается насыщение общества оружием как в сфере законного владения им, так и находящегося в криминальном обороте. Все это приводит к увеличению тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с его использованием, вызывающих, как правило, большой общественный резонанс.

Так, согласно статистической отчетности МВД России в 2011 году зарегистрировано 7443 преступлений, совершенных с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, из них: 1649 убийств и покушений на убийство (ст. 105, 106, 107 УК РФ), умышленных преступлений тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), разбойных нападений (ст. 162 УК РФ), террористических актов (ст. 205 УК РФ) – 20, бандитизм (ст. 209 УК РФ) – 13.

Продолжает оставаться в незаконном владении у граждан большое количество предметов вооружения, что представляет серьезную угрозу общественной безопасности. По данным ГИАЦ МВД России на 1 января 2012 года в розыске находилось 227117 единиц огнестрельного оружия, в том числе 23883 автомата, 29864 пистолета и револьвера, 2810 гранатометов, 75 переносных ракетных установок.

Согласно оперативным сводкам МВД России, в 2011 году у преступников изъято 1557 единиц различного огнестрельного оружия, 985 гранат, 1106 выстрелов к подствольному гранатомету, 814 мин, 2318 снарядов, 349 взрывных устройств, 2,4 тонны взрывчатых веществ.⁸²

Оружие все чаще становится предметом различных преступных посягательств. Отмечается рост числа групповых хищений оружия, что свидетельствует о повышенной опасности и дерзости совершаемых преступлений.

Практика свидетельствует, что основные мотивы хищений оружия - корыстные побуждения (свыше 50%), намерения совершить другие преступления с его использованием и желание иметь предметы вооружения в личном пользовании.⁸³

Исходя из большой социальной опасности незаконного оборота оружия, главной задачей всех правоохранительных органов, органов государственной власти, а также в целом всего населения является борьба с незаконным оборотом оружия. Но каким образом оружие попадает в незаконный оборот? Как показали результаты исследования, и анализ специальной литературы, основными источниками незаконного оборота оружия являются: а) нападение на лиц, имеющих оружие, с целью завладения им; б) хищения с объектов хранения; в) утрата оружия; г) хищения с объектов его производства, а также и нелегальное производство; д) приобретение оружия с мест незаконных раскопок; е) из «горячих точек»; ж) контрабанда оружия из-за рубежа, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Особого обсуждения в рамках нашей статьи заслуживает контрабанда оружия. Остановимся на нем подробнее. Контрабанда оружия представляет собой деятельность организованных преступных групп, как правило, транснациональных по перемещению оружия, его составных частей, боеприпасов через таможенную и государственную границу Российской Федерации⁸⁴.

Контрабанда оружия является одной из разновидностью незаконного оборота и поэтому социальные последствия от контрабанды оружия такие же, как и у незаконного оборота оружия.

Основным каналом контрабанды, наряду с т.н. «зеленым» участком на государственной границе являются пути международного сообщения, морские, воздушные, автомобильные и железнодорожные пункты пропуска через государственную границу.

Рассматривая основные факторы, влияющие на раскрытие преступлений, связанных с контрабандой огнестрельного оружия, В.И. Михайлов и А.В. Федоров выделяют главный из них – низкий уровень

⁸¹ См. : Григорянец С.А. Факторы, детерминирующие незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Наука и образование. – г.Ростов-на-Дону, февраль 2011 г.

⁸² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2012 года / официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения 03.02.2013 г.)

⁸³ См. Бюллетень Верховного суда Рос. Федерации :2002 г. - № 12

⁸⁴ Ст. 226.1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации – 1996 г. - № 25, ст. 2954.

взаимодействия оперативных подразделений органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и таможенных органов Российской Федерации по организации и тактике выявления лиц-контрабандистов, а также низкая степень координации деятельности и информационного обмена.⁸⁵ То же самое подчеркивается в монографии по совершенствованию межведомственного взаимодействия в борьбе с таможенными преступлениями, подготовленной группой авторов: «в настоящее время борьба правоохранительных ведомств с преступностью в таможенной сфере носит преимущественно бессистемный характер, несмотря на созданную в постсоветский период нормативную базу, определяющую основные аспекты организации взаимодействия правоохранительных органов»⁸⁶.

Из сказанного, а главное исходя из интересов оперативно-розыскной практики, просматривается общность интересов и необходимость повышения эффективности деятельности, в том числе на основе взаимодействия оперативных подразделений пограничных органов, органов внутренних дел и таможенных органов⁸⁷ в борьбе с контрабандой оружия и повышении результативности.

Поскольку совокупные негативные последствия от уголовно-наказуемой контрабанды затрагивают важнейшие сферы жизнедеятельности российского общества и функционирования государственных институтов, совершенствование форм и методов противодействия этому посягательству становится исключительно актуальной задачей. Организовать подобное эффективное противодействие контрабанде оружия возможно только на основе совершенного уголовного, уголовно-процессуального, таможенного и иных видов законодательства, правильного и однозначного толкования его положений правоприменительными органами, а также объединения усилий различных правоохранительных органов и спецслужб Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: по состоянию на 3 февраля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации – 1996 г. - № 25, ст. 2954.
2. Об оружии: федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ : принят Гос. Думой 13 ноября 1996 г.: по состоянию на 1 февраля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации – 1996 г. - № 51, ст. 5681.
3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 12 марта 2002 г. № 5: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 6 февраля 2007 г. № 7 // Рос.газета – 2002 г. - № 48
4. Григорянц С.А. Факторы, детерминирующие незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Наука и образование. – г.Ростов-на-Дону, февраль 2011 г.
5. Зубая А.В., Жбанков В.А., Козловский А.Ю., Кувалдин В.П. Совершенствование механизма межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества правоохранительных органов России в борьбе с таможенными преступлениями // Российская таможенная академия. – М., 2009. – с. 58
6. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности // «Юридический центр Пресс». – Спб., 1999 – стр. 49-50
7. Толкаченко А.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 6 февраля 2007 года № 7) // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам под ред. В.М. Лебедева: Норма. – М., 2008 г.

⁸⁵ См.: Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности // «Юридический центр Пресс». – Спб., 1999 – стр. 49-50

⁸⁶ См.: Зубая А.В., Жбанков В.А., Козловский А.Ю., Кувалдин В.П. Совершенствование механизма межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества правоохранительных органов России в борьбе с таможенными преступлениями // Российская таможенная академия. – М., 2009. – с. 58

⁸⁷ Согласно п. 8 ст. 12 Федерального закона от 27 ноября 2010 года № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» таможенные органы осуществляют противодействие незаконному обороту оружия и боеприпасов, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза и (или) через Государственную границу Российской Федерации;

УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бессонов А.А.

Астраханский филиал ФГБОУ ВПО Саратовская государственная юридическая академия, г. Астрахань

Криминалистическая характеристика преступлений вот уже более полувека выступает информационной основой формирования частных методик расследования и оправдывает своё существование. Практически во всех современных научных работах, посвящённых проблемам раскрытия и расследования тех или иных видов преступлений, изложению методических рекомендаций предшествует описание криминалистической характеристики конкретного вида преступлений. Проблема криминалистической характеристики преступлений каждого вида преступлений уже давно включена в программу вузовского курса криминалистики.

С середины 80-х годов прошлого века и по настоящее время развитие теории криминалистической характеристики преступлений идёт по трём направлениям: 1) как самостоятельной теории на монографическом уровне (работы этого плана, к сожалению, носят единичный характер и нет ни одного исследования на уровне докторской диссертации); 2) исследование отдельных её элементов; 3) в качестве информационной основы методик расследования преступлений отдельного вида.

Проведённый нами исторический анализ возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений позволил отметить следующие основные тенденции [4, с. 2607-2611].

Во-первых, формирование структуры криминалистической характеристики преступлений и углубленное изучение её отдельных структурных элементов, составляющих, их логических связей и отношений, с одновременной систематизацией полученных таким образом научных данных в типовых криминалистических характеристиках.

Во-вторых, продолжение развития типичных видовых (родовых) криминалистических характеристик преступлений исходя из существующей на определённом этапе развития криминалистических знаний криминалистической классификации преступлений.

В-третьих, формирование междисциплинарного подхода к разработке концепции криминалистической характеристики преступлений (В.И. Шиканов, А.М. Кустов), предполагающего создание информационной системы более высокого уровня общности, в которой она выступает в качестве одной из подсистем наравне с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминологической и др. подсистемами.

В-четвёртых, неудовлетворённость некоторых учёных (Р.С. Белкин – в своих последних работах, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин) степенью решения задач, для которых разрабатывалась эта криминалистическая категория, и предложение в этой связи отказаться от неё и заменить в структуре частных методик расследования: или на перечень обстоятельств, подлежащих установлению, или на типовую информационную модель преступления.

В качестве основных недостатков криминалистической характеристики преступлений её противники отмечают: наличие в структуре в большей части элементов уголовно-правового и криминологического характера (за исключением действительно криминалистических элементов – способа совершения и сокрытия преступления и оставляемых ими следов) [1, с. 219-224]; отсутствие научно обоснованного понятия, неопределённость гносеологической природы, системно-функциональная недостаточность [5, с. 131-135].

Однако в целом большинство учёных продолжают оставаться её сторонниками, ибо, как верно отметил Н.П. Яблоков, она «содержит в себе существенный научный и практический потенциал, ещё не реализованный должным образом ... В будущем же её роль и значение в общей теории криминалистики и для решения практических, методических задач ещё больше усилятся» [6, с. 13].

На рубеже XX-XXI веков исследования данного вопроса приобрели большую конструктивность и содержательность, некоторые учёные подвергли ревизии свои прежние взгляды на решение касающейся этой категории проблемы, внесли определённые уточнения и дополнения. Между тем до настоящего времени нет единого мнения относительно её определения, природы, назначения, структуры, роли в формировании частных методик расследования.

Проведённый нами опрос 180 практических работников органов следствия и дознания 4 ведомств (МВД, СК России, УФСКН и ФСБ) показал, что 99% из них поддерживают практическую значимость криминалистической характеристики преступлений, а 83% - начинают расследование с её изучения применительно к тому или иному виду преступлений.

Представляется возможным высказать суждение о том, что в настоящий момент вполне возможно вести речь о признании теории криминалистической характеристики преступлений самостоятельным криминалистическим учением. Как любая частная криминалистическая теория она имеет свой предмет и объект.

Предметом учения о криминалистической характеристике преступлений выступают закономерности формирования информационной модели преступления на основе изучения его криминалистически значимых признаков, а также использования для создания частных методик расследования и в практике раскрытия и расследования преступлений.

Объектом учения о криминалистической характеристике преступлений являются закономерно повторяющиеся криминалистически значимые признаки преступления, имеющие значение для формирования частных методик расследования и практики раскрытия и расследования преступлений.

В качестве методов этого учения следует отметить: всеобщий метод криминалистики - материалистическую диалектику; ряд частных (общенаучных) методов: наблюдение, описание, сравнение, моделирование, эвристические, математические, кибернетические методы; некоторые специальные методы: структурно-криминалистический, используемый собственно для построения типовых криминалистических характеристик отдельных видов (родов) преступлений, а также статистические, социологические и психологические методы.

Содержание этой частной криминалистической теории в общем виде составляет научно обоснованный процесс создания информационной модели преступлений того или иного вида (рода) и процедура её использования в формировании частных методик расследования и в практической деятельности при раскрытии и расследовании преступлений.

Эмпирической базой для её формирования должны являться: данные официальной статистики о состоянии преступности; материалы об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; материалы уголовных дел и результаты их судебного рассмотрения; материалы оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной деятельности; данные ведомственного анализа и обобщения следственно-судебной практики; результаты оперативных совещаний органов дознания и следствия, межведомственные информационные письма, в которых изложена практика раскрытия и расследования преступлений; сведения, полученные при опросе практических работников органов дознания, следствия и суда, а в некоторых случаях органов власти и контроля; отдельные данные типовых криминалистических характеристик, смежных с исследуемыми преступлениями; международный опыт раскрытия и расследования преступлений определённых видов.

Системный анализ позволил прийти к выводу, что по своей гносеологической природе криминалистическая характеристика преступлений является, во-первых, информационной основой формирования частных методик расследования (то есть категорией теоретического познания), а, во-вторых, инструментом (средством) практического познания в процессе расследования [3, с. 55]. На её основе должна строиться ретроспективная информационная модель конкретного преступления, которая и есть продукт практического познания.

Что касается назначения криминалистической характеристики преступлений, то это прежде всего проявляется в том, что она выступает информационной (методологической) основой формирования частных криминалистических методик (включая рекомендации об особенностях организации первоначального этапа расследования и взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами, о тактике производства отдельных следственных действий и т.д.).

К примеру, разработанная нами в 2007 году во время работы в прокуратуре Астраханской области на основе криминалистической характеристики браконьерства, совершаемого в Волго-Каспийском регионе, соответствующая частная криминалистическая методика [2] была в 2008 году внедрена в деятельность органов дознания и следствия УВД по Астраханской области и учебный процесс 3-х ВУЗов, подготавливающих специалистов для этих структур. В числе прочего это позволило повысить раскрываемость преступлений, связанных с незаконной добычей рыбы на территории Астраханской области, с 54,3% до 72,7%.

В практической же деятельности типовая криминалистическая характеристика того или иного вида преступлений позволяет ещё в самом начале расследования следователю прогнозировать, в частности, какие следы, образуемые действиями лица, совершившего преступление, в каждом данном расследуемом событии могли и должны были остаться, каково конкретное содержание этих следов, где они должны быть локализованы, среди какого круга лиц следует искать подозреваемого, единолично либо группой лиц совершено преступное деяние и пр.

Из назначения криминалистической характеристики преступлений логично следует вопрос о её функциях.

Во-первых, информационная – она является основой для формирования частных криминалистических методик. В своём содержании она несёт новые научные знания, способствует познанию связанных с собой криминалистических понятий (например, о способе преступления и т.п.), позволяет разрабатывать конкретные криминалистические рекомендации.

Во-вторых, служебная - выступает средством (инструментом) применения в практической деятельности криминалистических знаний, лежащих как в её основе, так и составляющих частные криминалистические методики. Способствует оценке исходной информации, выдвижению версий, планированию и т.д.

В-третьих, прогностическая – позволяет предвидеть события и процессы, проявление которых возможно в криминальной сфере, в целях решения задач криминалистической науки и практической деятельности по борьбе с преступностью.

Проведённое исследование позволило нам дать следующее определение криминалистической характеристики преступлений - это информационная модель, содержащая сведения о криминалистически значимых признаках преступления определённого вида (рода) и их закономерных связях между собой, построенная на основе анализа и обобщения практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения, предназначенная для формирования частных методик расследования и решения задач предварительного расследования в практической деятельности.

Иными словами она «проводник» криминалистических знаний из практики в теорию и обратно из теории в практику.

Её структура должна состоять из следующих элементов: обстановка преступления (прежде всего место и время); способ совершения и сокрытия преступления; типичные следы преступления и вероятные места их нахождения; объект (предмет) преступного посягательства (в том числе личность потерпевшего); личность преступника [3, с. 53-54].

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений является информационной моделью преступных деяний, на основе которой должны формироваться частные методики расследования, и служащая в руках следователя инструментом познания расследуемого преступного события. Она информационное «ядро» частных методик расследования. В этом плане альтернативы ей не имеется и вряд ли когда будет, никакой насущной и обоснованной необходимости в отказе от неё нет. Учение о криминалистической характеристике преступлений уже занимает важнейшее место в криминалистике и должно продолжить его занимать.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001.
2. Бессонов А.А. Выявление, раскрытие и расследование браконьерства, совершаемого в низовьях Волги и северной части Каспийского моря: практическое пособие. Волгоград: НП ИПД авторское перо, 2007.
3. Бессонов А.А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 9.
4. Бессонов А.А. Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48).
5. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6.
6. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 2.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

АДМИНИСТРАТИВНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Кулькина И.В., Торопчин Н.А.

Ставропольский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения России, г.Ставрополь
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г.Ставрополь

Ключевые слова: административный надзор, административно-надзорная деятельность полиции, охране здоровья населения.

Key words: administrative oversight, administrative and Supervisory activities of the police, the health of the population.

Аннотация: в статье освещаются вопросы об административно-надзорной деятельности полиции по обеспечению здоровья населения России.

Abstract: This article highlights the issues of administrative and supervisory activities of the police to ensure the health of the Russian population.

Стремительное развитие институтов российского права в последние годы, прошедшие с момента образования суверенной Российской Федерации, позволило создать правовое поле, в котором возможно более или менее устойчивое развитие экономической, политической, социальной и культурной жизни общества. За последние годы были приняты нормативные правовые акты, регулирующие административные правоотношения, возникающие при осуществлении административного надзора: Федеральные законы «О техническом регулировании», «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора)» и др. [4,5] Однако нормативные предписания, как бы хороши они ни были, даже при условии обеспеченности их эффективными санкциями, действуют при условии обязательного государственного контроля и надзора за их должной реализацией всеми адресатами правовых норм без исключения. Зачастую контрольно-надзорные полномочия используются должностными лицами органов исполнительной власти и, в том числе, сотрудниками полиции не по назначению, как инструмент недобросовестной конкуренции, в частных целях. Поэтому четкое функционирование механизмов контроля и надзора во всех сферах жизни общества приобретает все большее значение. Из всех видов государственного контроля выделяется административный надзор, как особый, наиболее юридизированный вид контроля, обеспечивающий законность поведения и деятельности граждан и организаций, не находящихся в подчинении органов государственной власти.

Административный надзор придает необходимый динамизм происходящим в стране преобразованиям, становятся одним из решающих факторов построения правового государства и становления гражданского общества при сохранении демократических принципов отношений государства и общества. В то же время, административный надзор создает значительно меньшую нагрузку на бизнес, чем другие виды государственного контроля.

Одним из основных субъектов административного надзора в нашей стране является полиция, выделяющаяся из системы надзорных органов наиболее широкой предметной компетенцией, наличием исключительных властных полномочий по применению мер административного принуждения.

В сферу ведения полиции входят: общественный порядок, дорожное движение, оборот гражданского и служебного оружия, негосударственная охранная и детективная деятельность, потребительский рынок. Нормальное развитие общественных отношений в названных сферах – залог общественной безопасности. Поэтому административно-надзорная деятельность полиции рассматривается как важнейший инструмент обеспечения безопасности. Соответственно, игнорирование административного надзора приводит к нарушениям прав и свобод граждан, экономическим потерям, создает почву для появления различных угроз безопасности личности, общества и государства в целом, в системе здравоохранения в частности.

Широкая распространенность административного надзора, востребованность этого поистине универсального метода деятельности федеральными службами, а также органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации требует соответствующего правового обеспечения. А то обстоятельство, что реализация надзорных полномочий должностными лицами этих органов затрагивает права граждан и организаций, предъявляет повышенные требования к нормативной правовой регламентации административно-надзорных процедур.

Необходимо отметить, что правовое регулирование административно-надзорной деятельности осуществляется в обычном для административно-правовых институтов многоуровневом порядке, базирующемся на фундаменте конституционных положений о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью; о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства; о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны; о неприкосновенности жилища; свободе предпринимательской деятельности; о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на рынках товаров, работ и услуг и др.

Что касается деятельности Российского государства по охране здоровья населения, то оно является конституционной обязанностью и важнейшей функцией государства. В ст. 41 Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. [1] В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

В Федеральном законе Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признается основополагающая роль охраны здоровья граждан как неотъемлемое условие жизни общества и говорится, что охрана здоровья граждан - это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. [2]

Государственная функция охраны здоровья населения страны включает в себя здравоохранение в широком социально-организационном смысле как деятельность государства, направленную на обеспечение высокого уровня здоровья граждан, характеризующуюся многими социально-политическими, экономическими, медико-демографическими показателями здоровья населения (уровень политической активности, социально-экономической дифференциации различных групп населения, уровень рождаемости, смертности, особенно преждевременной смертности, и др.), которые отслеживаются и оцениваются в процессе и в результате государственной системы наблюдения, анализа, оценки и прогноза состояния здоровья населения и среды обитания, а также определения причинно-следственных связей между состоянием здоровья населения и воздействием факторов среды обитания человека.

Здравоохранение же в узком собственно отраслевом смысле включает в себя систему медико-санитарных мероприятий, осуществляемых организациями здравоохранения в целях снижения заболеваемости и смертности населения, сохранения хорошего здоровья и гармонического развития человека. К медико-санитарным мерам относятся: врачебно-медицинские мероприятия по лечению и предупреждению болезней, медицинские мероприятия по борьбе с массовыми инфекционными болезнями и их профилактике, удовлетворение граждан всеми видами медицинской помощи, медицинские мероприятия по диспансерному наблюдению, санитарно-эпидемиологическому благополучию населения и т.д.

Административный надзор - это особый вид государственной управленческой деятельности, осуществляемой специальными органами исполнительной власти в отношении организационно не подчиненных им органов, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан по поводу исполнения ими общеобязательных норм, правил, стандартов, требований с использованием комплекса мер административного принуждения с целью предупреждения, выявления и пресечения правонарушений, восстановления установленного порядка и привлечения виновных к административной ответственности. [8]

К федеральным органам исполнительной власти, основной деятельностью которых является административный надзор, относятся федеральные службы, различные инспекции в федеральных министерствах и иных федеральных органах исполнительной власти (ветеринарного, пожарного, рыбного, геодезического и др. надзора), а также территориальные органы надзора (например, территориальный орган Федеральной службы по

надзору в сфере здравоохранения по Ставропольскому краю).

Некоторые органы исполнительной власти можно назвать контрольно-надзорными, так как в ряде случаев трудно отличить контрольные функции от надзорных, например, у федеральных таможенной или налоговой служб. Поэтому в законодательстве не всегда четко проводится разграничение между контрольными и надзорными функциями.

Исходя из выше изложенного, следует, что деятельность органов административного надзора направлена на соблюдение специальных норм, действующих во всех или многих отраслях и сферах управления, независимо от ведомственных границ. Их главная цель - это обеспечить безопасность граждан, общества, государства, а также надлежащее качество продукции, услуг и работ.

Административный надзор полиции - это систематическое наблюдение подразделений полиции и отдельных сотрудников, обладающих надзорными полномочиями, за соблюдением гражданами и должностными лицами предприятий, организаций, учреждений (не зависимо от форм собственности), а также иностранцами и лицами без гражданства законов и других нормативных актов, регулирующих общественный порядок, безопасность дорожного движения, паспортно-визовую и лицензионно-разрешительную системы в целях предупреждения, пресечения совершения нарушений и привлечение виновных лиц к ответственности. [7]

Мы выяснили, что назначение надзора - это определение его целей и задач, в связи с этим считаем необходимым уточнить цели и задачи административного надзора более детально.

Цели административного надзора:

- предупреждение правонарушений;
- пресечение правонарушений;
- привлечение к ответственности виновных лиц;
- нормотворчество. [6]

Предупреждение правонарушений - это установление и требования устранения обнаруженных правонарушений, установление обстоятельств способствующих совершению правонарушений и в силу своей компетенции устранение этих обстоятельств, а также предупреждение совершения других правонарушений.

Пресечение правонарушений - это принудительным путем прекращения правонарушения, предотвращения либо уменьшения вредного последствия от их совершения, применение мер административного пресечения к правонарушителям, в том числе применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Привлечение к ответственности виновных лиц - это в пределах своей компетенции самостоятельное возбуждение и рассмотрение дела об административном правонарушении, наложении административного взыскания, либо направление материала о правонарушении судьям, органам и должностным лицам, уполномоченным рассматривать соответствующие дела.

Нормотворчество - это утверждение норм и правил совместно с органами исполнительной власти и другими органами административного надзора, подготовка проектов нормативных актов, которое утверждается (принимается) другими органами, согласование проектов правовых актов, принимаемых другими органами.

Задачей административного надзора полиции является обеспечение четкого, единообразного соблюдения специальных норм и общеобязательных правил, то есть обеспечение законности в управлении. Другими словами задачей административного надзора является обеспечение проведения в жизнь законов и других нормативных актов, регулирующих поведение людей в общественных местах, паспортной системы, порядок движения транспорта, правил лицензионно-разрешительной системы и так далее.

Что касается обеспечения общественной безопасности и оказание помощи, то это отнесено к задачам, стоящим перед полицией согласно Федеральному Закону от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». [3]

Что же касается мер принуждения, то это не функции полиции, а метод деятельности полиции при выполнении своих функций. В отношении общих функций можно отметить, что они присущи любому органу управления.

Функция «содействие» относится к задачам полиции. Остальные функции «надзор», «сыск» и «дознание» и «юрисдикция» вписываются в традиционное разделение функций на административную, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность.

Осуществление организационно-политических мероприятий, как представляется, главным образом характеризует систему административного надзора в органах полиции не только как правоохранительное звено государственного аппарата, обладающее набором карательных полномочий, но, прежде всего, как систему действенной пропаганды Российского законодательства, идеологической работы среди населения.

На практике широко применяется и такая форма, как изучение общественного мнения населения. В результате ее реализации полиция разрабатывает и принимает управленческие решения по совершенствованию функционирования системы административного надзора во всех его формах.

Таким образом, вместе с организационными мероприятиями, осуществляемыми в процессе внутреннего управления системы органов административного надзора, внешняя реализация рассмотренных форм, а точнее соответствующих групп полномочий, по существу и обеспечивает все направления административного надзора в полиции.

Кроме того, уже существуют и действуют регламенты, регулирующие взаимодействие федеральных служб при осуществлении административного надзора в случаях пересечения предметов их ведения. Такие регламенты содержат примерно следующие разделы:

1. Общие положения.
2. Принципы взаимодействия.
3. Направления взаимодействия.
4. Порядок взаимодействия.
5. Порядок информационного взаимодействия.

Значение нормативных правовых актов этого вида для регулирования административно-надзорной деятельности очень велико, поскольку они нормируют административные процедуры, осуществляемые в отношении частных лиц (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) и сопряженные с ограничениями прав и свобод последних. Однако регламенты по своей природе являются актами внутреннего применения, адресатами содержащихся в них норм становятся руководители и сотрудники федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов, но не граждане и юридические лица.

Как было уже замечено выше, существует достаточно большая группа административно-правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся по поводу осуществления административного надзора федеральными органами исполнительной власти.

Мы считаем, что для надлежащего осуществления взаимодействия между субъектами административного надзора в сфере здравоохранения необходимо издать межведомственные акты Министерства внутренних дел РФ и Министерства здравоохранения РФ, Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, который бы назывался «Инструкция об организации взаимодействия служб полиции общественной безопасности по осуществлению административного надзора в сфере здравоохранения». В этой инструкции необходимо предусмотреть общие вопросы взаимодействия, какие конкретно субъекты взаимодействуют между собой, по каким вопросам и прочие. Кроме того, наличие этой инструкции не позволит перекладывать свои обязанности на другие субъекты, а также позволит поднять организацию взаимодействия на более высокий уровень.

Тем более что на сегодняшний день такое взаимодействие уже прослеживается: на территории Ставропольского края сотрудниками полиции совместно с представителями образования, здравоохранения, социальной защиты населения, средств массовой информации и другими субъектами профилактики проведены оперативно – профилактические мероприятия под условным наименованием «Семья». Данная операция проводится ежегодно в целях выявления неблагополучных семей, детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также самовольно покинувших семью, выявления фактов жестокого обращения с несовершеннолетними, вовлечения их в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Необходимо вспомнить о совместной деятельности сотрудников полиции и представителей здравоохранения, которые проводят занятия по профилактике наркомании среди несовершеннолетних.

Также Управление МВД России по г. Ставрополю совместно с органами образования, здравоохранения, социальной защиты населения Ставропольского края проводят операции «Вернем детей в школу».

Нельзя забывать и о борьбе с коррупцией, которая ведется совместно Министерством внутренних дел РФ и Министерством здравоохранения РФ, Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения.

По данным Росздравнадзора специалисты территориального управления Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по Ставропольскому краю в постоянном режиме осуществляют контроль качества лекарственных средств. Это позволяет своевременно приостанавливать обращение на территории края тех партий лекарств, качество которых не соответствует установленным требованиям или подлинность которых вызвала сомнение, а также оперативно принимать решения об изъятии из обращения недоброкачественных и фальсифицированных препаратов.

В результате контрольно-надзорных мероприятий, проведенных в 2014 году специалистами управления Росздравнадзора по Ставропольскому краю, выявлены и изъяты из обращения недоброкачественные лекарственные средства и фармацевтические субстанции. Действующей в крае комиссией Министерства здравоохранения по уничтожению лекарственных средств, в которую входят специалисты контролирующего органа и других ведомств, были уничтожены медицинские препараты ненадлежащего качества: из них препараты с истекшим сроком годности составили 10747 упаковок, были уничтожены и забракованные лекарства – 4 упаковки «Деферелин, лиофилизат для приготовления суспензии для внутримышечного введения

продолженного действия 3,75 мг в комплекте с растворителем – маннитола раствор 0,8% 2 мл, шприцем одноразовым и иглой для инъекций – 2 шт.» производства «Бофур Ипсен Интернасьональ, произведено Ипсен Фарма Биотек», Франция.

Процедура уничтожения некачественных лекарственных средств была завершена составлением необходимых документов.

Примечания.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // www.consultant.ru

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.10.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // www.consultant.ru

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О полиции» // www.consultant.ru

[4] Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О техническом регулировании» // www.consultant.ru

[5] Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // www.consultant.ru

[6] Алехин А.П. Административное право Российской Федерации: Учебник / Под ред. А.П. Алехина. - М.: Зерцало-М, 2010. С.439.

[7] Бородин С.С. Административное право: Учебник / Под ред. С.С. Бородина. - СПб.: ГУАП, 2010. С. 307.

[8] Торопчин Н.А. Административный контроль и надзор органов внутренних дел в области предпринимательской деятельности. //Закон и право. - 2013. - № 5.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЗЕРВИСТА ПРИ НАХОЖДЕНИИ В МОБИЛИЗАЦИОННОМ ЛЮДСКОМ РЕЗЕРВЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Орловская А.И., Шурыгина Ю.А.

Российская таможенная академия, г.Люберцы Московской области

Изучение и совершенствование теоретико-правовых вопросов правового статуса военнослужащего в условиях проведения военно-правовой реформы в Российской Федерации имеет большое значение не только для теории права в общем, но и для теории военного права, в частности, в том числе и для практической деятельности государственных органов по совершенствованию военного законодательства в данной области.

Необходимость научного осмысления теоретико-правовых основ статуса военнослужащих, в том числе и правового статуса резервистов, в условиях формирования нового облика российской армии обусловлена следующими факторами:

- во-первых, качественные преобразования, происходящие во всех сферах жизнедеятельности государства, в том числе и в силовых структурах, нацелены на формирование и функционирование правового государства;

- во-вторых, возрастающий объем правовых норм в военно-социальном законодательстве, устанавливающих права, обязанности и компенсации военнослужащим, снижает качество правоприменения по различным причинам;

- в-третьих, объективное отсутствие правовых основ, регламентирующих общественные отношения, возникающие в связи с реализацией правового статуса резервиста.

Указанные факторы порождают необходимость проведения анализа складывающейся нормативной правовой базы, а также существующих теоретических воззрений на вопросы содержания правового статуса резервиста в целях научного осмысления и определения конкретных предложений, направленных на совершенствование института правового статуса лиц, находящихся в людском мобилизационном резерве.

О своевременности проводимого исследования и его актуальности говорят и многие ученые. Так, по мнению В.М. Корякина [5] постепенное уменьшение количества войск постоянной готовности приводит к увеличению мобилизационных потребностей и в то же время к сокращению базы подготовки военно-обученного запаса (резерва). Это приводит к определенным проблемам, связанным с обеспечением своевременного пополнения личным составом воинских частей и подразделений до установленных норм и с быстрым

обновлением средств вооруженной борьбы, совершенствованием способов ведения военных действий, глубокой специализацией и разделением труда, возникновением новых военных профессий и другими обстоятельствами, характерными для современного этапа. Задача состоит в разработке методики обучения граждан, пребывающих в запасе, которая бы обеспечила соотношение уровня подготовки личного состава запаса организационному и техническому совершенствованию Вооруженных Сил Российской Федерации.

Чтобы наиболее полно охарактеризовать положение резервиста как субъекта права, отразить все основные стороны его интересов, потребностей, взаимоотношений с государством, трудовую и общественно-политическую деятельность, социальные притязания и их удовлетворение в законодательстве и в юридической литературе употребляют понятие «правовой статус».

При определении правового статуса личности отмечается несколько подходов, связанных с включением в его структуру различного набора элементов.

Так, В.А. Кучинский [8] включает в юридический статус также юридическую ответственность. Другие включают в него общую правоспособность и гарантии, гражданство и другие элементы.

По мнению Е.А. Лукашевой [10] для характеристики того или иного субъекта права необходимо ограничивать понятие правового статуса категориями прав, свобод и обязанностей, которые позволяют четко выделить его структуру.

Г.В. Мальцев [11, 12] считает права и обязанности основными элементами правового статуса. «Система прав и обязанностей - сердцевина, центр правовой сферы, и здесь лежит ключ к решению основных юридических проблем».

Справедливой представляется точка зрения Н.В. Витрука, который правовой статус личности определяет как совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантированных государством. В понятие «законные интересы» Н.В. Витрук включает интересы личности, которые непосредственно не охватываются содержанием установленных законом прав и свобод, но подлежат защите со стороны государства, охраняются законом. Считая, что интерес предшествует правам и обязанностям Н.В. Витрук не включает его в качестве самостоятельного элемента в правовой статус, а рассматривает его только как дополнительный элемент.

Юридические обязанности, как элемент правового статуса личности, являются необходимым компонентом оптимального взаимодействия государства и личности. Связь свободы и обязанностей раскрывается в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие личности». В Международном пакте о гражданских и политических правах также зафиксировано, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит». Государство, принимая на себя обязательства по обеспечению прав граждан, имеет право требовать от них правомерного поведения, которое бы соответствовало эталонам, зафиксированным в юридических нормах. В этих целях государство формулирует свои требования в системе обязанностей и устанавливает меры юридической ответственности за их невыполнение.

Под юридической обязанностью понимается установленная законом мера должного, общественно необходимого поведения, а также вид (линия) поведения. П.В. Витрук под юридической обязанностью понимает социально возможную необходимость определенного поведения личности, установленную государством. Автору близко мнение Г.В. Мальцева: «юридическая обязанность есть не только должное, но и возможное в человеческом поведении». «Обязанность есть возможность поведения, имеющая необходимый характер, т.е. возможное в поведении одновременно является и необходимым».

Неоднозначно решается вопрос о включении в структуру правового статуса в качестве самостоятельного элемента ответственности. Как уже было отмечено ранее, Е.А. Лукашева [10] относит ее ко вторичным элементам по отношению к основным (права, свободы и обязанности) и не включает в структуру правового статуса. Л.Д. Воеводин [4] включает элемент ответственности в содержание правового статуса граждан.

Характеризуя ответственность, Н.И. Матузов [14] указывает на неразрывную связь ответственности и свободы: «Ответственность - такая же объективная необходимость, как и свобода».

Ранее юридическую ответственность в качестве отдельного элемента в правовой статус включал В.А. Кучинский [8].

Автор поддерживает точку зрения А.В. Кудашкина [7], в соответствии с которой ответственность не является самостоятельным элементом правового статуса личности и в то же время может входить в структуру правового статуса конкретного субъекта правового общения. Так, например, в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих (ст. 1).

Существуют две взаимоисключающие точки зрения о включении гарантий в содержание правового статуса

личности. Одни считают, что гарантии не входят составным элементом в правовой статус на том основании, что гарантии, прежде всего по отношению к правам и свободам, выступают в виде внешней стороны или внешних условий их реализации, т.е. выходят за пределы правового статуса. Поскольку Конституция Российской Федерации гарантирует права и свободы человека и гражданина автор согласен с мнением ученых, включающих гарантии в структуру правового статуса личности.

Таким образом, на основе проведенного теоретико–правового анализа научной литературы и действующего российского законодательства можно прийти к следующим выводам:

понятие «содержание правового статуса резервиста» шире понятия «элементы правового статуса резервиста»;

элементами правового статуса резервиста составляют права, свободы и обязанности, закрепленные Конституцией Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, получившие развитие и конкретизированные в законодательстве Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актах;

права и свободы не могут быть реализованы без таких составляющих правового статуса как юридическая обязанность, юридическая ответственность и правовые гарантии, которые составляют содержание правового статуса резервиста;

изучение содержания правового статуса резервиста в целостном, системном виде открывает пути дальнейшего его совершенствования.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. – М., 1998, 741 с.
2. Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979.
3. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. – М., 1985.
4. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – 299 с.
5. Военная администрация: учебник / под общ. ред. В.М. Корякина. – М.: Российская академия правосудия; РОД «За права военнослужащих», 2012. – Вып. 130. – С. 18.
6. Конституционный статус личности в СССР. М., 1980.
7. Кудашкин А.В. Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. С. 374. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
8. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. – М., 1978.
9. Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1994.
10. Лукашева Е.А. Общая теория прав человека. М., 1996.
11. Мальцев Г.В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность // Конституция СССР и правовое положение личности. – М., 1979.
12. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). – М., 1968.
13. Общая теория прав человека / авт. кол. под рук. Е.А. Лукашевой). – М., 1996. – 520 с.
14. Теория государства и права : Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 269.

СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)

МЕСТО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Кирикова А.А., Торубарова К.В., Хмелевская Д.В.

ФГБОУ ВПО Юго–западный государственный университет, г.Курск

Данная статья акцентирует внимание на значимости правового регулирования судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних в РФ.

Ключевые слова: судебная защита, несовершеннолетние.

Судебная защита прав и интересов несовершеннолетних — одна из самых обсуждаемых тем бесчисленных научных исследований, она является объектом пристального внимания со стороны и власти, и социума в целом.

При всём при этом, подлинная обстановка дел на практике не может быть признана даже удовлетворительной. На этой почве рассмотрим несколько спорных моментов, имеющих место, как на практике, так и в законе.

1. Для начала стоит отметить, что право на судебную защиту — это базисное установление, которое имеет конституционное значение, ибо так гласит и наш Основной закон, и ратифицированные нами наднациональные акты. Однако из буквального содержания ст. 56 СК РФ видно, насколько ограничена возможность ребенка почерпнуть помощь от суда. Так, п. 2 ч. 1 данной статьи гласит, что протекцию ребенку осуществляют его законные представители, а *в указанных СК РФ случаях*, в том числе также органы опеки, прокурор, суд. Не является ли это нивелированием возможности прибегнуть к судебной защите самим несовершеннолетним, ведь данное правомочие, будучи конституционным, не зависит от того, есть ли специальное указание на него в законе? По нашему мнению, *формулировка текста ст. 56 отчасти юридически неверна*, требует пересмотра и корректировки со стороны законодателя.

2. Право несовершеннолетних, достигших 14 лет, самостоятельно обратиться в суд предусмотрено как ч. 2 ст. 56 СК РФ, так и ч. 4 ст. 37 ГПК РФ. Причём, сопоставление ч. 1 и ч. 4 ст. 37 ГПК РФ позволяет заключить, что процессуальная дееспособность лиц в возрасте от 14 — 18 лет содержит только способность своими действиями осуществлять процессуальные права и обязанности, но *не предоставляет им возможности поручать ведение дела представителю*, что разумно само по себе, т.к. возможность оценить профессиональные и личностные качества предполагаемого представителя ребёнку в силу отсутствия большого жизненного опыта довольно трудно. Казус же заключается в том, что обращение в суд несовершеннолетних, как следует из ч. 2 ст. 56 СК РФ, связано с тем, что именно законные представители нарушают их права. В этой ситуации совершенно *необходимо обеспечивать лицам, не достигшим 18-летнего возраста, оказание квалифицированной юридической помощи*. Всё это может быть реализовано при помощи дополнения ст. 50 ГПК РФ положением о назначении адвоката, если сам несовершеннолетний обращается в суд. Изменений требует и ст. 56 СК РФ, которая вполне могла *закрепить правовой статус уполномоченного по правам ребенка в сфере судебной защиты*. Представляется, что ч. 3 ст. 56 СК РФ должна быть расширена указанием на то, что лица, которым стало известно о нарушении прав ребенка, должны обратиться равно как в орган опеки и попечительства, так и к уполномоченному по правам ребенка и в прокуратуру. Не стоит упускать из виду ещё одну константу. В ч. 3 ст. 69 ГПК РФ содержится перечень лиц, которые вправе отказаться от дачи свидетельских показаний, где в числе прочих названы уполномоченный по правам человека (п. 4) и уполномоченный по защите прав предпринимателей (п. 5), обделённым оказался только уполномоченный по правам ребенка. Чем это обусловлено? По-видимому, значимостью защиты интересов ребенка, поэтому *уполномоченный по правам детей не вправе отказаться от дачи показаний*, даже если информация получена им при исполнении обязанностей.

3. А как обстоит дело с доступностью процедуры инициирования судебного процесса? Если проанализировать содержание статей 131 — 136 ГПК РФ применительно к праву на обращение в суд несовершеннолетних, то станет очевидно, что для несовершеннолетних учиняемые законодателем препятствия по сути своей непреодолимые, а это значит, что *необходимо закрепить особые правила для возбуждения дел по инициативе лиц в возрасте от 14 — 18 лет*.

4. Обеспокоенность проблемой защиты прав несовершеннолетних продуцирует вопрос о *внедрении ювенальной юстиции*, главное зло которой заключается в том, что предполагаемые изменения относятся только к организационным и структурным вопросам. Бесспорно, нужна специализация в судах, и она в настоящее время успешно применяется, однако *важно не только иметь особого судью*, тут жизненно *необходим особый процессуальный порядок рассмотрения дел о защите прав несовершеннолетних*. Не оболочка, а содержание так сказать.

Ситуация обстоит следующая: право обратиться в суд несовершеннолетний практически не может осуществить без квалифицированной юридической помощи, а получить названную помощь он пока не может. Трудным представляется предположить картину «похода» подростка в суд (если он вообще знает куда обращаться и к кому) без всяких проволочек, а уж соблюдение всех требований, быть может, и простых для сведущего человека, совсем не такое простое действие для ребёнка. Наше законодательство, его формулировки, понятия и термины, используемые в ГПК, не просты для понимания равно как обывателю, так и несовершеннолетнему. Поэтому закономерен вопрос, а найдётся ли один суд, в котором по инициативе самих несовершеннолетних было возбуждено хотя бы одно дело? Анализируя судебную практику, мы не нашли подобных прецедентов. В связи с этим предлагается установить особый порядок для обращения в суд несовершеннолетних.

Таким образом, комплекс мер, которые в некотором роде приблизят несовершеннолетних к суду, заключается в следующем:

1) введение элементов «электронного правосудия» по типу «электронное правительство», portalу государственных услуг, т.к. подростку гораздо доступнее направить свое заявление в суд по электронной почте, чем непосредственно пойти в здание суда;

2) применительно к правилам ст. 134, 135 и 136 ГПК РФ необходимо внедрить норму, в соответствии с которой заявление, поступившее от лица, не достигшего 18 лет (в том числе в связи с ненадлежащим выполнением родителями обязанностей по отношению к несовершеннолетним или злоупотреблением родительскими правами) должно приниматься судом независимо от соблюдения общих правил. В свою очередь, суд должен назначить адвоката и проинформировать о поступившем заявлении органы опеки и попечительства и уполномоченного по правам ребенка. Назначенный судом адвокат должен обеспечить соблюдение всех требований, необходимых для возбуждения дела, и в дальнейшем ведение дела в суде.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].
2. Семейный кодекс Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].

ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЯВКОЙ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ефимова Е.А., Картушина Д.В.

ФГБОУ ВПО Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

Актуальность проблемы злоупотребления процессуальными правами лиц, участвующих в деле, продиктована тем, что сами эти права представляют собой некую промежуточную категорию между правомерным поведением и правонарушением, а также проблемами судебной практики, связанными с затруднениями при юридической квалификации форм такого поведения [1].

На эффективность судопроизводства влияет поведение не только суда, но и субъектов процесса [2]. Конституционный Суд РФ в определении от 14. 12.2000 № 269-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213.1 ГПК РСФСР" отнес добросовестное пользование процессуальными правами к условиям реализации одного из основных принципов гражданского и арбитражного процесса- принципа состязательности и равноправия сторон.

К числу наиболее распространенных видов злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве относится неявка лиц, участвующих в деле, в судебное заседание[3].

Если обратиться к действующему гражданскому процессуальному законодательству, то попытка отыскать возможность квалификации неявки в суд, в качестве злоупотребления процессуальным правом, останется безрезультатной, так как явка сторон в судебное заседание- их субъективное право, а не обязанность, поэтому привлечение их за это к ответственности недопустимо. Таким образом, имеет место проблема несовершенства правового регулирования данного поведения.

В рамках данной статьи рассмотрим наиболее распространенные в судебной практике способы злоупотреблений процессуальными правами в виде неявки в судебное заседание, а также проанализируем предлагаемые учеными средства борьбы с данным видом злоупотребления.

Согласно ч. 3 ст. 167 ГПК РФ суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными. Поскольку решение вопроса об уважительности неявки относится к компетенции суда, на практике уважительными причинами признается довольно широкий круг обстоятельств, которые можно рассматривать как противодействие неявившегося лица рассмотрению дела. К ним помимо таких уважительных причин как болезнь, нахождение в лечебном учреждении могут относиться рабочая занятость, отдых, отпуск и т.п., при которых лицо объективно имеет возможность явиться в судебное заседание. Если лица, участвующие в деле, не будут являться в судебное заседание по «уважительным» причинам, то рассмотрение дела может существенно затянуться. Наиболее часто злоупотребление в виде неявки

на судебное заседание происходит со стороны ответчика, в связи с этим в юридической литературе предлагается расширить перечень случаев назначения представителя судом, а именно дополнить ст. 50 ГПК РФ частью второй следующего содержания: «суд назначает адвоката в качестве представителя в случае невозможности явки ответчика в суд вследствие длительной болезни, нахождения в командировке, а равно других обстоятельств, относящихся к уважительным причинам неявки в судебное заседание» [4]. На наш взгляд, с одной стороны данное нововведение поможет ускорению процесса разбирательства гражданского дела. Однако с другой стороны позволит ещё более усугубить проблему злоупотребления процессуальными правами, поскольку может способствовать специальному уклонению ответчика от явки в судебное заседание, с целью представления его интересов в суде назначенным квалифицированным специалистом.

Следующей распространенной формой злоупотребления, связанной с неявкой в судебное заседание, является неявка представителя, который может быть занят в другом процессе, находится в отпуске. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, поэтому при рассмотрении дела в отсутствие представителя возможно возникновение угрозы отмены решения. В настоящее время в соответствии с ч. 6 ст. 167 ГПК суд может отложить разбирательство дела по ходатайству лица, участвующего в деле, в связи с неявкой его представителя по уважительной причине. Некоторые ученые-процессуалисты обосновано считают, что данную норму необходимо дополнить следующим образом: «Если представитель повторно не является в судебное заседание, то суд должен объявить перерыв судебного заседания и предложить лицу, участвующему в деле, обеспечить явку другого представителя, в противном случае суд рассматривает дело без участия представителя» [4].

Третья форма рассматриваемого вида злоупотребления - создание ситуации неосведомленности суда о причинах неявки лица в судебное заседание. Например, такая ситуация создается при всевозможном уклонении от получения судебных извещений, вследствие чего затрудняется получение судом сведений о надлежащем извещении лица, участвующего в деле. Подобное злоупотребление правом умышленно осуществляется лицом, так как при отсутствии данных о его извещении судебное заседание откладывается. На сегодняшний день ч. 1 ст. 167 ГПК РФ закрепляет обязанность лиц известить суд о причинах своей неявки. Однако, как показывает судебная практика, данная обязанность является относительной, поскольку при ее неисполнении наступают неблагоприятные последствия для личных интересов неявившегося лица. В связи с этим в доктрине гражданского процессуального права существует мнение о необходимости внесения изменения в ст. 160 ГПК РФ следующего содержания: «лица, участвующие в деле, обязаны известить суд о причинах неявки и представить доказательства уважительности этих причин не позднее момента открытия судебного заседания. При неисполнении лицом, участвующим в деле, обязанности известить суд о причинах своей неявки в судебное заседание, суд может наложить на лицо штраф в размере и порядке, которые предусмотрены главой 8 ГПК РФ, за исключением случая, когда сторона (стороны) заявили ходатайство о рассмотрении дела в их отсутствие. Лицо, не исполнившее обязанности сообщения суду о причинах своей неявки, впоследствии при обжаловании судебного акта не вправе ссылаться на рассмотрение дела в его отсутствие» [4]. Полагаем, что данное нововведение будет способствовать тому, что у суда не возникнет необходимость откладывать разбирательство дела в соответствии с ч. 2 ст. 167 ГПК РФ.

В заключение отметим, что рассмотренные формы злоупотребления процессуальными правами во многом обусловлены неурегулированностью и неполнотой регламентации совершения отдельных процессуальных действий. Полагаем, что обозначенные в статье аспекты злоупотребления процессуальными правами помогут повысить эффективность гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. М.А. Вихута. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 266.
2. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007.
3. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс]. Автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра юридических наук. СПб. 2009. URL://<http://law.edu.ru/bookID=1345281> (дата обращения: 25.11.2014)
4. Юдин А. Неявка в суд лиц, участвующих в деле, и проблема злоупотребления процессуальными правами [Электронный ресурс]: URL://http://www.kmcon.ru/articles/jurist4/jurist4_2248.html (дата обращения 29.11.2014.)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

Международная межвузовская научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Теоретические и практические аспекты развития юридической науки**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2014г.)**

**г. Воронеж
2014г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.12.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 1597.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58